

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 4 — 2018

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

*Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77–16955 от 9 января 2004 г.*

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 01.12.2015 г.)*

С 2017 г. входит в систему цитирования SCOPUS

Редакционный совет:

К. Р. Некемьяс (Школа по связям с общественностью,
Государственный университет Пенсильвании в Харрисбурге, Миддлтаун, США;
почетный доктор политических наук и государственной политики),

С. Г. Айвазова (Институт социологии РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),

В. Н. Егоров (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор экономических наук, профессор),

Н. Л. Пушкарёва (*заместитель главного редактора*,
Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва; доктор исторических наук, профессор),

О. В. Рябов (Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург;
доктор философских наук, профессор),

З. Х. Саралиева (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород; доктор исторических наук, профессор),

Н. А. Шведова (Институт США и Канады РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),

Е. Р. Ярская-Смирнова (Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Москва; доктор социологических наук, профессор)

Редакционная коллегия:

О. А. Хасбулатова (*главный редактор*, Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор исторических наук, профессор),

И. С. Клёцина (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор психологических наук, профессор),

Т. Б. Рябова (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, доктор социологических наук, профессор),

Н. Б. Гафизова (Ивановский филиал Академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Иваново; кандидат исторических наук, доцент),

И. Н. Смирнова (*ответственный секретарь*, Ивановский государственный университет,
г. Иваново; кандидат социологических наук, доцент),

Е. В. Панкратова (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
кандидат социологических наук, доцент)

Адрес редакции (издательства): 153025 Иваново, ул. Ермака, 39

Издательство «Ивановский государственный университет»

Тел./факс в Иваново: (4932) 32-74-52. E-mail: winrs@bk.ru

Электронная копия журнала размещена на сайтах

www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41513

© «Женщина в российском обществе», 2018

© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2018

WOMAN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

No. 4 — 2018

Founder (Constitutor) Ivanovo State University

*The journal is registered in the Federal Service for the Control over the Observation of Laws on Mass Communications and for the Preservation of Cultural Heritage
Registration License PI № 77–16955 on January 9, 2004*

*The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 01.12.2015)
Included into abstract and citation database SCOPUS since 2017*

Editorial Council:

C. R. Nechemias, Dr. Sc., Assoc. Prof. Emerita of Political Science and Public Policy
(School of Public Affairs, Pennsylvania State University at Harrisburg, Middletown, USA),

S. G. Aivazova, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher
(Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),

Prof. **V. N. Egorov**, Dr. Sc. Economics (Ivanovo State University, Ivanovo),

Prof. **N. L. Pushkareva**, Dr. Sc. History (*Vice Editor-in-chief*, Institute of Ethnology and Anthropology
of Russian Academy of Sciences, Moscow),

Prof. **O. V. Riabov**, Dr. Sc. Philosophy (St. Petersburg State University, St. Petersburg),

Prof. **Z. H. Saralieva**, Dr. Sc. History (National Research Lobachevsky State University
of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod),

N. A. Shvedova, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher (Institute of USA and Canada Studies
of Russian Academy of Sciences, Moscow),

Prof. **E. R. Iarskaia-Smirnova**, Dr. Sc. Sociology (National Research University
"Higher School of Economics", Moscow)

Editorial Board:

Prof. **O. A. Khazbulatova**, Dr. Sc. History (*Editor-in-chief*, Ivanovo State University, Ivanovo),

Prof. **I. S. Kletsina**, Dr. Sc. Psychology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),

Prof. **T. B. Riabova**, Dr. Sc. Sociology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),

Assoc. Prof. **N. B. Gafizova** (Ivanovo Branch of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Ivanovo),

Assoc. Prof. **I. N. Smirnova** (*assistant editor*, Ivanovo State University, Ivanovo),

Assoc. Prof. **E. V. Pankratova** (Ivanovo State University, Ivanovo)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo, Ermak str., 39
Publishing House "Ivanovo State University"
Tel./Fax: (4932) 32-74-52. E-mail: winrs@bk.ru

The e-copy of the issue can be accessed at
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Subscription index in catalogue "Press of RF" 41513

© "Woman in Russian society", 2018
© Ivanovo State University, 2018

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ

Woman in Russian Society
2018. No. 4. P. 3—14
DOI: 10.21064/WinRS.2018.4.1

Женщина в российском обществе
2018. № 4. С. 3—14
ББК 66.3(7Кан),4
DOI: 10.21064/WinRS.2018.4.1

ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ КАНАДЕ

Е. В. Израелян^а, Е. И. Капустина^б

^а Институт США и Канады, Российская академия наук,
г. Москва, Россия, evgenia_vik13@mail.ru

^б Государственный академический университет гуманитарных наук,
г. Москва, Россия

Обеспечение гендерного равенства является неотъемлемой составной частью демократических преобразований, успешного экономического развития и построения стабильного миропорядка. Осмысление достигнутых на международном и национальных уровнях успехов и существующих препятствий представляет, на наш взгляд, научный и практический интерес. Одной из стран, известных своими наработками в этой области, является Канада. Находящееся у власти либеральное правительство Дж. Трюдо энергично внедряет принципы гендерного равенства во внутреннюю и внешнюю политику страны. В статье рассматриваются такие достижения либералов, как создание гендерно-сбалансированного кабинета, проведение гендерного анализа бюджетов и военной политики, включение гендерной составляющей во внешнеполитический курс. Внимание уделяется нерешенным проблемам и трудностям. Предложенные Оттавой смелые инициативы и оригинальные решения дают основу для размышлений, формирования свежих подходов и, возможно, выработки вариантов для их практического использования в других национальных контекстах.

Ключевые слова: Канада, положение канадских женщин, гендерная политика, гендерная политика Канады, гендерный анализ, правительство Дж. Трюдо, канадская дипломатия.

GENDER POLICY IN CONTEMPORARY CANADA*E. V. Israeliian^a, E. I. Kapustova^b*^a Institute for the U. S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, evgenia_vik13@mail.ru^b State Academic University for Humanities, Moscow, Russian Federation

The promotion of gender equality is an integral part of democratic change, successful economic development and stable world order. Conceptualization of the outcomes, achieved at the international and national levels, and of the existing barriers is of scientific and practical interest. Canada is one of the countries known for its developments in this area. The Liberal government headed by J. Trudeau vigorously implements the principles of gender equality in its the domestic and foreign policy. The article examines the following achievements of the Liberals: the formation of a gender-balanced Cabinet; gender-based analysis of budgets and of defence policy and the inclusion of a gender component in Canada's foreign policy. Both domestic and foreign policy of Trudeau government expose creative approaches, innovative decisions and impressive findings. Canadian ideas and suggestions help to find solutions to some complicated and sensitive problems relating to gender equality. Attention is also paid to the unsolved problems and difficulties. The bold initiatives and original solutions taken by Ottawa provide a basis for reflection, development of fresh approaches and, perhaps, for options to put these ideas into practice in other national contexts.

Key words: Canada, status of Canadian women, gender policy, Canadian gender policy, gender-based analysis, J. Trudeau's government, Canadian diplomacy.

Формирование представлений о «мужском» и «женском» поведении, различных гендерных ролях, видах деятельности и эмоциональных характеристиках — долговременный процесс, происходящий под влиянием многих факторов. Важнейшую роль играют особенности исторического и социально-экономического развития, культурные и религиозные традиции, ценностные ориентиры, а также государственно-политическое устройство.

Под воздействием перечисленных обстоятельств во многих странах складывались гендерные стереотипы, которые, в свою очередь, стали причиной дискриминации в различных сферах жизнедеятельности. Это находило отражение в принятии программ и решений, отвечавших интересам лишь одной части населения. В результате возникал гендерный дисбаланс, который негативно сказывался на экономическом и общественно-политическом развитии государств.

Схожие процессы происходили и на международной арене. Традиционное понимание стабильности в мире основывалось на представлениях о торжестве силы над слабостью. Мужчины доминировали в сфере международных отношений и определяли правила политической игры. Таким образом, интересы и потенциал половины населения планеты оставались за рамками международной системы. В XXI в. на первый план вышли такие угрозы безопасности, как экономические (бедность, безработица), экологические (загрязнение воздуха, нехватка воды), социальные (неравенство, ограниченный доступ к образованию и здравоохранению). Для того чтобы справиться с ними, стала очевидной необходимость использования потенциала и мужчин и женщин. Исторический опыт показал,

что обеспечение гендерного равенства является неотъемлемой составной частью демократических преобразований, успешного экономического развития и построения стабильного миропорядка. Принципы гендерного равенства поддерживает истеблишмент демократических государств, научные круги, участники общественных движений. Осмысление достигнутых на международном и национальных уровнях успехов и существующих препятствий представляет, на наш взгляд, научный и практический интерес.

Канада в зеркале международных показателей

По большинству международных показателей, принимающих в расчет данные о равноправии мужчин и женщин, ведущие позиции принадлежат Канаде. По индексу человеческого развития (ИЧР), представленному в Докладе ПРООН за 2016 г., Канада заняла 10-е место* [Human Development Report, 2016: 198]. Хотя при учете гендерного фактора рейтинг Канады на несколько пунктов снижается, она и в этом случае входит в группу стран с очень высоким ИЧР (используются следующие градации: очень высокий, высокий, средний и низкий). Аналогичную оценку Канада получила и по индексу гендерного развития ПРООН (он определяет неравенство между женщинами и мужчинами по тем же показателям, которые применяются при расчете ИЧР [ibid.: 210]).

Еще один гендерный показатель ПРООН — индекс гендерного неравенства — отражает неравенство мужчин и женщин в трех измерениях: репродуктивное здоровье, расширение прав и возможностей и рынок труда. Канада входит в двадцатку стран с наиболее благоприятной ситуацией. Она занимает 18-е место (среди более чем 180 стран), оставив позади Великобританию, Францию, Японию и США [ibid.: 214].

Канада является одним из лидеров и первопроходцев в таких областях, как разработка основ гендерного анализа, создание эффективного механизма по обеспечению равных прав и возможностей женщин и мужчин, борьба с гендерным насилием. Гендерная политика опирается на обширную теоретическую и институциональную базу, которая охватывает различные аспекты политического, экономического и социального развития страны. Основные принципы гендерной политики закреплены в многочисленных программах и инструкциях, в национальном законодательстве и ратифицированных правительством международных договорах. Основываясь на успехах и достижениях прошлых лет, либеральное правительство Джастина Трюдо, победившее на выборах 2015 г., объявило продвижение гендерного равенства одним из основных приоритетов своего курса.

«Женский вопрос»: подходы канадских либералов и консерваторов

Понятно, что тема, обозначенная в заглавии подраздела, сложна и многогранна и что вряд ли удастся осветить ее в рамках одной небольшой статьи. Идеологические различия между канадскими партиями исследовались ведущими российскими учеными — И. А. Аггеевой, С. Ю. Даниловым, А. Н. Комаровым [Аггеева, 2013; Данилов, 2006; Комаров, 2011]. Однако специальных работ,

* На его значение влияют три вида показателей: средняя продолжительность жизни, образование и уровень жизни (валовой внутренний доход на душу населения).

посвященных сравнительному анализу партийных подходов к гендерным проблемам, в отечественном канадоведении пока нет. Поэтому авторы статьи решили поделиться некоторыми наблюдениями, связанными с различным видением «женского вопроса» современным руководством двух основных политических партий Канады.

Молодой, харизматичный и амбициозный Дж. Трюдо выступил на выборах 2015 г. под лозунгом «В многообразии — сила Канады». Ту же идею отразило и название его электоральной программы «Канада для всех», построенной в рамках либеральной идеологии. Декларировались такие либеральные ценностные ориентиры, как патриотизм, справедливость, мирное улаживание споров, уважение прав меньшинств, консолидация разных рас и религий, защита прав человека. Напомним, что либералам принадлежала заслуга включения в Конституцию Канады Хартии прав и свобод 1982 г., официального принятия политики мультикультурализма в 1988 г., а также множества других гуманитарных инициатив.

Один из пунктов либеральной платформы был специально посвящен гендерному воздействию принимаемых решений [Liberal platform, 2015: 35]. Либералы обещали соблюдать принципы гендерного равенства, укреплять национальный механизм по защите прав женщин (в Канаде существует федеральное Агентство по вопросам статуса женщин (АВСЖ) с отделениями в провинциях) и использовать гендерный анализ при разработке любых политических стратегий. Дж. Трюдо также объявил, что в случае победы на выборах он сформирует первый гендерно-сбалансированный кабинет в истории Канады.

Кроме того, Либеральная партия планировала продолжить борьбу против семейного насилия — разработать комплексную стратегию и план действий для ее реализации. Либералы заверили избирателей в том, что они расследуют историю исчезновения 1200 женщин и девочек из числа коренных народов Канады и не допустят подобных трагедий в будущем. Тем самым партия продемонстрировала стремление учитывать интересы различных групп женщин и девочек при формировании и проведении политики.

Программа Дж. Трюдо и его дальнейшие шаги существенно отличались от политики по обеспечению равенства полов, которую проводил его предшественник, консерватор С. Харпер (2006—2015 гг. пребывания у власти). В 2006 г. консерваторы закрыли 12 из 16 провинциальных отделений АВСЖ, а его финансирование было сильно сокращено. Многие женские организации были вынуждены закрыться из-за недостатка средств, их возможности в принятии решений на федеральном и местном уровнях резко снизились.

Характерной чертой консервативной идеологии является акцентирование «женского вопроса», материнской функции женщины, семейных ценностей при полном праве мужчин «надзирать и наказывать». Как справедливо отмечает С. Г. Айвазова, «политические установки режимов, поддерживающих консервативную идеологию, при всех различиях в культурных основаниях, во времени и пространстве, в “женском вопросе” имели именно этот общий знаменатель — установление контроля над женщинами» [Айвазова, 2017: 6]. Отход от гендерно-ориентированной политики в пользу женских проектов наблюдался и при правительстве С. Харпера, что нашло отражение в изменении официальной терминологии. Из закрытых источников стало известно, что правительство

распорядилось заменять в документах и инструкциях словосочетание «гендерное равенство» на «равенство между мужчинами и женщинами».

Приоритетом гендерной политики консерваторов была ее экономическая составляющая: женская занятость, вовлечение женщин в бизнес, сферу технологий и другие нетрадиционные области женского труда. Вопросы же политического участия женщин и женского лидерства были отодвинуты на второй план. Примечательно, что в бюджете АВСЖ на 2013/14 гг. на эти цели было выделено лишь 2 % общего объема ассигнований. Больше половины средств было направлено на улучшение экономического положения женщин, 40 % — на прекращение насилия в отношении женщин [The Harper Record... , 2017: 233]. По оценкам экспертов, консерваторы не считали поощрение гендерного равенства отдельным и важным направлением политического курса Канады. Они использовали эту сферу как своего рода инструмент для сохранения социальной и экономической стабильности внутри страны.

Справедливости ради заметим, что меры консерваторов, предпринятые С. Харпером, могут быть оправданы необходимостью снижения негативного влияния мирового экономического кризиса 2008 г. Как известно, Канада вышла из него легче, чем большинство других развитых стран. Тем не менее Центр политических альтернатив, один из ведущих «мозговых центров» Канады, назвал консервативное руководство гендерно-слепым и обвинил его в нанесении ущерба механизму продвижения гендерного равенства Канады [ibid.: 294].

Блестящая победа на выборах 2015 г. Дж. Трюдо, получившего беспрецедентное одобрение во всех гендерных, этнических и возрастных группах, породила надежду на проведение прогрессивных социально-экономических реформ. Популярность Дж. Трюдо, исповедующего либеральную идеологию и называющего себя феминистом в официальных выступлениях и неформальных беседах, буквально зашкаливала.

В целом женская и гендерная проблематика занимает важное место в риторике и политике обеих ведущих партий Канады. Думается, что различия в подходах хорошо характеризует выражение «феминизм Трюдо и прагматизм Харпера», которое встречается в исследованиях и СМИ.

Гендерный анализ +

Пик общественной поддержки Дж. Трюдо пришелся на момент формирования первого в истории Канады гендерно-сбалансированного правительства, которое отразило также этническое разнообразие страны и, по сообщениям прессы, «выглядело как Канада» [Murphy, 2015]. В новый кабинет министров вошли 15 женщин и 15 мужчин, в основном моложе 50 лет, среди которых было два представителя коренного населения Канады и три сикха.

В январе 2017 г. в правительстве были произведены важные перестановки. Несмотря на то что из 30 входивших в правительство министров 3 были перемещены на другие должности и столько же потеряли свои посты, кабинет остался гендерно-сбалансированным. Стоит отметить, что основной причиной перестановки была неопределенность экономической политики США, возникшая в обстановке начавшегося президентства Д. Трампа.

Брендом гендерно-сбалансированного правительства Дж. Трюдо стала разработка и применение «гендерного анализа +».

Выше уже упоминалось, что Канада была одним из лидеров в процессе разработки основ и методов гендерного анализа. Его суть заключается в оценке последствий принятия политических решений для каждого пола. Исходное положение гендерного анализа состоит в том, что равенство полов не должно сводиться к их отождествлению. В обществе существуют различные группы женщин и мужчин, в каждой из которых отдельно взятый индивид обладает своим универсальным набором характеристик, поэтому равные возможности не всегда будут означать равные результаты. Истинное равенство и справедливость не должны противоречить праву на различия. Гендерный анализ помогает ликвидировать барьеры, существующие между мужчинами и женщинами, которые мешают им занимать равные позиции. Гендерный анализ включает в себя «сбор качественной информации, понимание гендерных тенденций в экономике и обществе, использование знаний для выявления потенциальных проблем и поиска решений в ежедневной работе» [Шведова, 2002: 13].

Новаторством команды Дж. Трюдо стало добавление к словосочетанию «гендерный анализ» знака «+». Тем самым правительство подчеркнуло свою приверженность лозунгу «В многообразии — сила Канады» и концепции «Канада для всех». Отличаясь этнокультурным многообразием (более 200 этнических групп), Канада может служить относительно успешной моделью для других государств в деле улаживания культурных и конфессиональных разногласий. Идея канадского многообразия как визитной карточки Канады часто тиражируется официальными лицами внутри страны и за рубежом.

Термин «гендерный анализ +» означает, что, наряду с гендерными соображениями, учитываются расовые, этнические и религиозные отличия, возрастные особенности, ограниченные ментальные и физические возможности [GBA + and gender equality]. На этапе разработки правительственных стратегий проводятся консультации с НКО, различными экспертами, ведомствами. Деятельность министерств носит открытый характер, что позволяет осуществлять общественный контроль гендерно-ориентированной политики. После прихода к власти либералов проведение гендерного анализа + стало строго обязательным условием работы государственных учреждений.

Изучение внутривластных и внешнеполитических решений правительства Дж. Трюдо показывает, что требование о проведении гендерного анализа + четко соблюдается.

Правительство Дж. Трюдо: новые гендерные ракурсы

Возьмем для примера нетрадиционную для включения гендерных сюжетов сферу военной политики. Летом 2017 г. был принят программный документ по военной политике «Белая книга по обороне», определяющий ее приоритеты и направления. Примечательно, что при разработке военно-политической доктрины Канады гендерный анализ был проведен впервые в ее истории. Результаты анализа отражены в специальном приложении «Белой книги» «Гендерный анализ плюс и обзор политики обороны» [Strong, Secure, Engaged... , 2017: 104 — 106]. Сам метод был назван ценным аналитическим инструментом, который способствует тому, чтобы политика отвечала потребностям различных групп населения. Кроме приложения, гендерной проблематике были посвящены и другие разделы военной концепции.

Показательно, что в «Белой книге» выражение «женщины и мужчины канадских вооруженных сил» повторяется 14 раз. (Для сравнения: в предыдущей военной доктрине, принятой правительством консерваторов, только один раз используется выражение «женщины в форме».) Интересно, что в начале военной концепции представлены вступительные обращения министра иностранных дел, министра обороны и состоящей из четырех советников консультативной группы, т. е. трех мужчин и трех женщин, ответственных за представленный документ. Даже при разработке «Белой книги» соблюдалось гендерное равенство.

Гендерные аспекты были интегрированы во все ключевые направления военной политики, начиная от комплектования армии и заканчивая планированием зарубежных военных операций. Гендерная составляющая была включена в тренинги канадских военных всех уровней. Особое внимание было уделено участию женщин в вооруженных силах Канады. В настоящее время женщины составляют в них 15 %. Планируется увеличение этого показателя до 25 % через 10 лет, а также активное продвижение женщин в высший офицерский состав [ibid.: 101]. Предусматриваются и другие меры, в частности направленные на предотвращение сексуальных домогательств и насилия в канадской армии.

Крупным достижением правительства Дж. Трюдо на гендерном поле стало принятие первого федерального бюджета, содержащего результаты гендерного анализа. Они были оформлены в отдельную, пятую статью бюджета на 2017/18 финансовый год, которая называлась «Гендерное заявление». В ней говорилось, что при составлении финансового плана необходимо следовать двум неразрывно связанным принципам. Во-первых, учитывать воздействие принятия политических решений на жизнь как женщин, так и мужчин. Во-вторых, на всех этапах разработки политики должен проводиться гендерный анализ. Интересно, что в бюджете-2017 было выявлено более 60 мер, имеющих различные гендерные последствия [Budget 2017, 2017: 227].

В бюджете-2017 перечислены некоторые достижения и трудности Канады в области женской занятости (табл.).

Успехи и проблемы Канады в области женской занятости

Достижения	Проблемы
Канада — одна из стран-лидеров по количеству женщин, получивших высшее образование (более 70 %)	Несмотря на то что большее количество женщин, чем мужчин, имеют высшее образование, они значительно реже трудятся в таких сферах, как наука, технологии, инженерия и математика
Женщины составляют 47 % рабочей силы (в 1976 г. — лишь 38 %). Это высокий показатель по сравнению с другими членами ОЭСР	Разрыв в уровнях заработной платы между мужчинами и женщинами — один из самых высоких среди стран, входящих в ОЭСР (около 20 %)
	Женщины с детьми, представительницы коренного населения и иммигрантки значительно чаще, чем мужчины, сталкиваются с различными ограничениями, мешающими их продвижению по работе
	Канадки часто оказываются за чертой бедности, подвергаются насилию, жестокому обращению и дискриминации

Разработчики бюджета не ограничились простым фиксированием существующих проблем. Они предложили программу выравнивания обнаруженной гендерной асимметрии. Она включала следующие меры: увеличение финансирования детских дошкольных учреждений; расширение круга льгот по уходу за детьми, предоставляемых любому из родителей; помощь семьям с низкими и средними доходами (особенно матерям-одиночкам); дополнительные расходы на студенческие программы и тренинги, в которых участвуют девушки и женщины. Было также запланировано оказать поддержку представительницам коренного населения и начать имплементацию пятилетней стратегии борьбы с насилием по гендерному признаку [ibid.: 223].

Обращает на себя внимание и представленная в бюджете-2017 первая в истории Канады Национальная жилищная стратегия, на реализацию которой планируется израсходовать 40 млрд долларов в течение 10 лет. В ней учитываются особые трудности и потребности женщин и девочек, которые находятся в более уязвимом положении (например, бегут от домашнего насилия). В связи с этим 25 % финансов будет идти на поддержку проектов, помогающих женскому населению [Canada's National Housing Strategy... , 2017: 11].

Гендерно-ориентированным был и следующий бюджет, принятый правительством Дж. Трюдо весной 2018 г. Об этом говорит само название документа: «Равенство и рост для формирования сильного среднего класса» [Budget 2018, 2018: 10]. Как и предыдущий, этот бюджетный план прошел гендерную экспертизу. В первой главе, предлагающей меры для стимуляции экономического роста в стране, содержатся рекомендации о привлечении большего числа женщин в сферу научных и аналитических разработок, в высокотехнологичные и передовые отрасли, а также в предпринимательскую деятельность.

Солидное финансирование было выделено и на гендерную составляющую внешней политики. Речь, в первую очередь, идет о двух ключевых канадских программах: во-первых, о так называемой инициативе «Элси», предусматривающей внедрение гендерного подхода в миротворческие операции ООН; во-вторых, о политике государственной помощи развитию, которая получила официальное название «феминистская» из-за сосредоточения ее главного фокуса на интересах девочек и женщин. Оба эти направления ранее были предметом нашего исследования [Израелян, 2018].

Формирование и исполнение гендерно-ориентированных бюджетов имеет важное социально-экономическое и политическое значение по следующим причинам. Прежде всего, гендерный бюджет позволяет увеличить доступ женщин к государственным ресурсам и тем самым способствует преодолению гендерного неравенства. Кроме того, гендерный анализ дает возможность полнее и глубже оценить последствия принимаемых решений и соответственно повысить эффективность государственного бюджета. Наконец, разработка гендерных бюджетов предполагает вовлечение экспертного сообщества, женских и других неправительственных организаций и групп и активизирует деятельность гражданского общества.

Упомянем еще об одном направлении гендерной политики Дж. Трюдо — реформировании дипломатической службы Канады. Продолжая линию на достижение гендерного баланса в различных сферах политической жизни, либералы

взяли курс на увеличение числа женщин на дипломатической службе. По данным на октябрь 2017 г., из 137 канадских представительств за рубежом 56 возглавляли женщины. Для справки: на высших должностях в канадском дипломатическом корпусе в 2016 г. были 42 женщины, а в 2014 г. — 28 [Shekar, 2017: 18]. И хотя гендерная асимметрия в распределении дипломатических рангов пока не преодолена, Канада занимает лидирующие позиции среди промышленно развитых стран. Кстати, согласно исследованию ООН, женщины составляют только 15 % глав зарубежных представительств во всем мире [ibid.: 15].

При анализе данных о гендерном неравенстве в западных странах невольно возникает желание сопоставить их с российскими показателями. Мы попытались это сделать, проанализировав базу персоналий российских дипломатов в рангах: чрезвычайный и полномочный посол, чрезвычайный и полномочный посланник 1-го класса и чрезвычайный и полномочный посланник 2-го класса. В представленном на конец декабря 2017 г. списке из 583 персоналий было всего 11 женщин [Сайт МИД РФ... , 2017], что составило менее 2 % от общего числа.

Заключение

Проведенное исследование показало, что находящееся у власти либеральное правительство Дж. Трюдо энергично внедряет принципы гендерного равенства как во внутреннюю политику Канады, так и в ее международную деятельность. Гендерная ориентированность прослеживается в основных внутривластных программах и стратегиях, таких как бюджетный процесс, разработка военной концепции, формирование высших органов власти. Гендерный компонент присутствует и в ключевых направлениях внешнеполитического курса — дипломатии, торговле, помощи развивающимся странам. В этой связи политику Дж. Трюдо можно отнести к активной гендерной, или эгалитарной, которая, по мнению О. А. Хасбулатовой, «имеет целью интегрировать действия, направленные на укрепление равенства между полами, во все политические стратегии и программы...» [Хасбулатова, 2005: 12]. Можно только согласиться с О. А. Хасбулатовой, упоминающей Канаду в числе стран, активно включающих гендерный подход во внутривластную жизнь страны.

Поделемся своими соображениями о том, почему правительство Дж. Трюдо уделяет такое внимание гендерной проблематике. Для этого существует целый ряд причин.

Во-первых, включение женщин в социально-экономические процессы приносит ощутимые дивиденды: по прогнозам международных экспертов, достижение гендерного равенства во всем мире может увеличить глобальный ВВП на 12 трлн долларов за 10 лет. Показательно, что уже сейчас женщины создают около 40 % мирового ВВП [Budget 2018, 2018: 241, 242].

Во-вторых, защита прав женщин традиционно была сферой внешнеполитической и дипломатической активности Канады. Она известна своими конструктивными и новаторскими инициативами, вследствие чего пользуется заслуженным авторитетом в международном сообществе. Здесь Дж. Трюдо идет по «протопанной тропе», закрепляя достижения прошлых лет и дополняя их свежими подходами и наработками.

В третьих, самая, может быть, важная причина состоит в том, что гендерная составляющая внешней политики позволяет Канаде уйти от наиболее острых международных проблем, прикрыться правозащитной и гендерной риторикой. Канаде весьма удобно «не светиться» в условиях трудных и затяжных переговоров по соглашению о свободной торговле в Северной Америке (НАФТА) и лишней раз не раздражать Д. Трампа, усиливающего нажим на партнеров по соглашению и грозящего выходом из него.

И в-четвертых, гендерные сюжеты весьма популярны среди канадской общественности. Транслируя их, Дж. Трюдо и его команда зарабатывают дополнительные политические очки у электората.

Мы отнюдь не склонны переоценивать успехи эгалитарной гендерной политики Дж. Трюдо. В Канаде, как и в других странах, много нерешенных проблем: разрыв между мужчинами и женщинами в уровнях заработной платы, нарушения прав коренных жительниц и иммигранток, низкое представительство женщин в парламенте. Вместе с тем предложенные Оттавой смелые инициативы и оригинальные решения дают основу для размышлений, формирования свежих подходов и, возможно, выработки вариантов для их практического использования в других национальных контекстах.

Библиографический список

- Аггеева И. А.* Политическая история Канады. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2013. 287 с.
- Айвазова С. Г.* Гендерный дискурс в поле консервативной политики // *Женщина в российском обществе*. 2017. № 4. С. 3—13.
- Данилов С. Ю.* История Канады. М.: Весь мир, 2006. 253 с.
- Израелян Е. В.* Гендерные аспекты внешней политики Канады // *США и Канада: экономика, политика, культура*. 2018. № 6. С. 47—59.
- Комаров А. Н.* К вопросу о сущности канадского консерватизма // *Канадский ежегодник*. М., 2011. Вып. 15. С. 65—80.
- Сайт МИД РФ: персоналии. 2017. URL: http://www.mid.ru/activity/shots/personnel/extraordinary_ambassador (дата обращения: 20.12.2017).
- Хасбулатова О. А.* Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2005. 371 с.
- Шведова Н. А.* Просто о сложном: гендерное просвещение. М.: Антиква, 2002. 211 с.
- Budget 2017: Building a Strong Middle Class / Department of Finance Canada. 2017. URL: <https://www.budget.gc.ca/2017/docs/plan/budget-2017-en.pdf> (дата обращения: 14.06.2018).
- Budget 2018: Equality and Growth: a Strong Middle Class / Department of Finance Canada. 2018. URL: <https://www.budget.gc.ca/2018/docs/plan/budget-2018-en.pdf> (дата обращения: 04.04.2018).
- Canada's National Housing Strategy. A Place to Call Home. Vancouver, 2017. 41 p.
- GBA+ and gender equality // Status of Women Canada. URL: <http://www.swc-cfc.gc.ca/gbaacs/index-en.html> (дата обращения: 15.03.2018).
- Human Development Report 2016. 2016. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2016_human_development_report.pdf (дата обращения: 15.05.2018).
- Liberal Platform: a New Plan for a Strong Middle Class. Ottawa, 2015. 68 p.

- Murphy J. Trudeau gives Canada first cabinet with equal number of men and women // The Guardian. 2015. November, 4. URL: <https://www.theguardian.com/world/2015/nov/04/canada-cabinet-gender-diversity-justin-trudeau> (дата обращения: 17.03.2018).
- Shekar S. Female ambassadors say mentoring key to seeing more top women diplomats // The Hill Times. 2017. November, 1. P. 15—18.
- Strong, Secure, Engaged. Canada's Defence Policy / Minister of National Defence. Ottawa, 2017. 113 p.
- The Harper Record 2008—2015 / ed. by T. Healey, S. Trew; Canadian Centre for Policy Alternatives. Ottawa, 2017. 434 p.

References

- Aggeeva, I. A. (2013) *Politicheskaya istoriya Kanady* [Political History of Canada], Moscow: Institut vseobshchei istorii Rossiiskoi akademii nauk.
- Aivazova, S. G. (2017) Gendernyi discours v pole konservativnoi politiki [Gender discourse in the field of conservative policy], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 3—13.
- Budget 2017: Building a Strong Middle Class* (2017), Department of Finance Canada, Ottawa, available from <https://www.budget.gc.ca/2017/docs/plan/budget-2017-en.pdf> (accessed 14.06.2018).
- Budget 2018: Equality and Growth: a Strong Middle Class* (2018), Department of Finance Canada, Ottawa, available from <https://www.budget.gc.ca/2018/docs/plan/budget-2018-en.pdf> (accessed 04.04.2018).
- Canada's National Housing Strategy. A Place to Call Home* (2017), Vancouver.
- Danilov, S. Iu. (2006) *Istoriya Kanady* [History of Canada], Moscow: Ves' mir.
- GBA+ and gender equality, *Status of Women Canada*, available from <http://www.swc-cfc.gc.ca/gba-acis/index-en.html> (accessed 15.03.2018).
- Healey, T., Trew, S. (eds) (2017) *The Harper Record 2008—2015*, Canadian Centre for Policy Alternatives, Ottawa.
- Human Development Report 2016* (2016), available from http://hdr.undp.org/sites/default/files/2016_human_development_report.pdf (accessed 15.05.2018).
- Israelian, E. V. (2018) Gendernye aspekty vneshnei politiki Kanady [Gender aspects of Canadian foreign policy], *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, no. 6, pp. 47—59.
- Khasbulatova, O. A. (2005) *Rossiiskaya gendernaia politika v XX stoletii: mify i realii* [Russian gender politics in the XXth century: myths and realities], Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.
- Komarov, A. N. (2011) K voprosu o sushchnosti kanadskogo konservatizma [What is the essence of Canadian conservatism], *Kanadskii ezhegodnik*, vol. 15, pp. 65—80.
- Liberal Platform: A New Plan for a Strong Middle Class* (2015), Ottawa.
- Murphy, J. (2015) Trudeau gives Canada first cabinet with equal number of men and women, *The Guardian*, November 4, available from <https://www.theguardian.com/world/2015/nov/04/canada-cabinet-gender-diversity-justin-trudeau> (accessed 17.03.2018).
- Shekar, S. (2017) Female ambassadors say mentoring key to seeing more top women diplomats, *The Hill Times*, November 1, pp. 15—18.
- Strong, Secure, Engaged. Canada's Defence Policy* (2017), Minister of National Defence, Ottawa.
- Shvedova, N. A. (2002) *Prosto o slozhnom: gendernoe prosveshchenie* [About complex: gender education], Moscow: Antikva.

Информация об авторах / Information about the authors

Израелян Евгения Викторовна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт США и Канады РАН, г. Москва, Россия, evgenia_vik13@mail.ru (Cand. Sc. (History), Senior Researcher, Institute for the U. S. and Canadian Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Капустова Екатерина Игоревна — студентка 4-го курса факультета мировой политики, Государственный академический университет гуманитарных наук, г. Москва, Россия, ekapustova@list.ru (student of 4th course of the Department of World Politics, State Academic University for Humanities, Moscow, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2018. No. 4. P. 15—23
DOI: 10.21064/WinRS.2018.4.2

Женщина в российском обществе
2018. № 4. С. 15—23
ББК 66.3(7Coe),4
DOI: 10.21064/WinRS.2018.4.2

МЕЖДУ КОЛЯСКОЙ И НОУТБУКОМ: РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА В США

Н. А. Шведова

Институт США и Канады, Российская академия наук, г. Москва, Россия,
n.shvedova2015@yandex.ru

Рассматривается, как и в какой степени американская демократия решает проблемы в контексте создания гендерного баланса и возможностей для равенства полов; какая характеристика условий, благоприятствующих функционированию реальной демократии и ее дальнейшему совершенствованию с точки зрения гендерного подхода. Автор считает, что в настоящее время американские женщины обладают значительными рычагами власти и влияния как на собственные судьбы, так и на приоритеты внутренней и внешней политики государства. Последняя президентская гонка (2016 г.) четко выявила особое значение гендерного фактора в ней, что формирует новые характеристики политической культуры в стране. В развитии женского движения США наблюдаются явно выраженные тенденции к вовлечению в политический процесс и законодательскую деятельность женщин, к поиску контактов и партнерств внутри самого гражданского общества. Вместе с тем конституционные и репродуктивные права женщин подвергаются опасности при нынешней республиканской администрации Д. Трампа, которому вменяют в вину и подрыв лидерства женщин.

Ключевые слова: гендерное равенство, гендерная справедливость, женский марш, электорат, Совет Соединенных Штатов и Канады по улучшению положения женщин — предпринимательниц и лидеров бизнеса, индекс гендерного разрыва.

BETWEEN THE BABY AND LAPTOP: IMPLEMENTATION OF GENDER EQUALITY POLICIES IN THE USA

N. A. Shvedova

Institute for the U. S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, n.shvedova2015@yandex.ru

How and to what extent the American democracy solves problems in the context of creating a gender balance and opportunities for gender equality? What is the characteristic of the conditions that favors the functioning of real democracy and its further improvement in terms of a gender approach? The author believes that at present the American women have significant levers of power and influence on the formation of their own destiny, as well as the priorities of the domestic and foreign policies of the state. The last presidential race (2016) clearly revealed the special significance of the gender factor in it, which forms new characteristics of political culture in the country. There are clearly pronounced tendencies in the development of women's movement in the USA to involve women in the political process and law-making activities, to seek contacts and partnerships within the civil society itself. At the same time, the constitutional rights of women (weakening protection from gender-based violence, reproductive rights, reproductive autonomy, "assault" on reproductive rights, infringement on women's legal rights) are at risk under the current Republican administration of D. Trump, which is said to pursue the policy undermining women's leadership.

Key words: gender equality, gender justice, women's march, electorate, United States — Canada Council for Advancement of Women Entrepreneurs and Business Leaders, Global Gender Gap Index.

Сразу после инаугурации нового, 45-го президента США 21 января 2017 г. миллионы американских женщин (и не только женщин) вышли на улицы всех городов страны, чтобы продемонстрировать свою оппозицию президенту-республиканцу Д. Трампу, его ценностям и политике, которую он представляет. Уничижительные высказывания в адрес женщин и сексистская риторика о их роли в семье и на рабочем месте — сильные эмоциональные стимулы для объединенного выступления американских женщин и мужчин в протестном движении против повестки Д. Трампа. Этой стороной не ограничивалась общая платформа протестующих: они поднимали проблемы от иммиграционной и экологической справедливости до защиты прав женщин, работающих американцев, ЛГБТ-сообществ, людей с ограниченными возможностями. Демонстранты подчеркивали «сложность и взаимосвязанность в жизни женщин всех этих проблем и необходимость их отражения в политике, учитывающей все разнообразие потребностей» [Frothingham, Phadke, 2017].

Известно, что 8 ноября 2016 г. состоялись выборы президента США. 65 млн американцев отдали голоса за Х. Клинтон, т. е. на 2,6 млн голосов больше, чем получил Д. Трамп. Однако победа досталась ему: он завоевал большинство в коллегии выборщиков, которая формируется по результатам голосования в отдельных штатах и определяет исход выборов. Неожиданный результат послужил весомым стимулом для осмысления поведения и выбора американского

электората, факторов победы президента-республиканца. Пристальное внимание при этом уделяется женщинам и молодым американцам.

Женский электорат 2016 г. продемонстрировал гендерный разрыв в поддержке демократических кандидатов (11 п. п.) и растущую роль женщин из числа меньшинств — латиноамериканок и афроамериканок. 42 % женщин и 53 % мужчин проголосовали за Д. Трампа; 54 % женщин — за Х. Клинтон. Гендерный разрыв в последней президентской гонке больше, чем в любой другой год (исключение — 1996-й, когда он составлял так же 11 п. п.). В 2016 г. латино- и афроамериканки в подавляющем большинстве проголосовали за Х. Клинтон, и всего 3 % отдали голоса за Д. Трампа. При этом женщины не монолитный электоральный сегмент, мнение о американках как едином блоке голосования ошибочно. Так, на последних президентских выборах значительная часть белых женщин, не имеющих диплома колледжа, предпочли республиканца Д. Трампа.

Какие проблемы волнуют американских женщин? Среди них следует отметить:

- реформу уголовного права и сопротивление массовому тюремному заключению;
- прожиточный минимум для домашних работников и защиту иммигрантов;
- вопросы равенства ЛГБТ-сообществ;
- права человека.

Кандидаты, которые смогут обратить внимание на эти вопросы в период промежуточных выборов 2018 г., вероятнее всего, заработают себе политический капитал и активизируют мощную базу электората — цветных американцев, ЛГБТ-избирателей и их союзников. Американские исследователи считают, что кандидаты, которые пытаются проповедовать феминизм обращаясь только к белым избирателям, скорее всего потерпят неудачу. По их мнению, побеждающий феминизм на выборах — движение, охватывающее широкую повестку дня, выходящую за пределы сферы интересов белых женщин и традиционного «женского вопроса». Именно это было ясно выражено в «Марше женщин» 21 января 2017 г. (включал 700 маршей протеста), в котором участвовали не только женщины, но и мужчины (не менее 2 млн человек). Ровно через год, 21 января 2018 г., отмечая первую годовщину «Марша женщин», в США прошел «Марш женщин — 2018», подготовка к которому активизировала женское движение во всех уголках страны [Шведова, 2018].

Женские неправительственные организации, ориентируясь на промежуточные выборы 2018 г., в своей агитации подчеркивали необходимость повысить явку избирателей, чтобы добиться перемен. Отмечалась острота поставленных задач — борьбы за права женщин, иммигрантов, трудящихся, гражданские права, права ЛГБТ-сообществ, решение вопросов репродуктивного здравоохранения, охраны окружающей среды, изменения климата и др. Вновь, как и после инаугурации, многотысячные демонстрации состоялись в сотнях американских городов. Одной из тем акции стала активизация женского движения, которое направлено против администрации президента США Д. Трампа. В январе 2018 г. на улицы вышли также сторонники кампании под хештегом «Я тоже» (#MeToo), выступающие против домогательств и сексуального насилия. В рядах демонстрантов в Вашингтонском марше принимали участие лидер демократической

фракции меньшинства в палате представителей Конгресса США Н. Пелози, члены палаты представителей С. Дэвис и К. Мэлони. Они выражали недовольство политикой в сфере прав американцев, в том числе женщин. Международное женское движение проявило солидарность: волна протестов прокатилась в Англии, Франции и других странах Европы и Австралии, где женщины и мужчины вышли на улицы в знак поддержки.

Очевидно, что настроения в американском обществе и государстве свидетельствуют о необходимости пристального внимания к статусу женщин и мужчин с точки зрения гендерного равенства. О чем говорят исследования этой стороны американской жизни? Обратимся к цифрам. Так, авторитетное международное исследование «Индекс гендерного разрыва» («The Global Gender Gap Index»), которое определяет рейтинг 144 стран мира по показателю равноправия полов, отводит США 45-ю строчку с показателем 0.722 (для сравнения: Канаде принадлежит 35-е место с индикатором 0.731, России — 75-е с индексом 0.691). Исследование основано на комбинации общедоступных статистических данных в области социально-экономического развития различных стран мира [Индекс гендерного разрыва... , 2018]. Индекс гендерного разрыва «предназначен для измерения гендерных различий в доступе к ресурсам и возможностям в отдельных странах, а не фактического уровня имеющихся ресурсов и возможностей в этих странах» [там же]. Он определяет уровень гендерного разрыва по 14 параметрам в четырех ключевых областях: экономического участия и карьерных возможностей, образования, здоровья и выживания, политических прав и возможностей. Соединенные Штаты относятся к государствам устойчивой демократии с мощными ресурсами для создания действительно комфортных условий в социальном пространстве, и при этом страна занимает далеко не первые места в рейтинге по показателю равноправия полов, что, безусловно, объясняет выражение недовольства, переходящее в протестное движение, право на которое американскому народу гарантирует Конституция США.

О понятии равенства

Трактовка понятия равенства женщин и мужчин предполагает осознание главного обстоятельства: условия их жизни значительно отличаются в определенной степени в силу репродуктивной функции женщин. Вопрос не в этих отличиях, а в том, что они не должны негативно влиять на условия жизни женщин и мужчин, вести к дискриминации. Данные отличия следует соответствующим образом учитывать, что должно выражаться в предоставлении одинаковых экономических, социальных и политических возможностей. Равенство женщин и мужчин подразумевает, что различное отношение к ним необходимо для достижения равных (одинаковых) результатов. Чем продиктована такая необходимость? Различные жизненные условия, а также потребность преодоления дискриминации по признаку пола, которая легко воспроизводится в благоприятных обстоятельствах, требуют осознанной стратегии равенства. Это объективная необходимость для государства, нацеленного на развитие справедливости в достижении высокого качества жизни. Следует помнить, что принцип равенства включает в себя и право на различия. Это право нужно осознать. Оно предполагает учет отличительных черт, характерных для женщин и мужчин, связанных

с их принадлежностью к тому или иному социальному классу, их политическими взглядами, религией, этнической группой, расой или сексуальной ориентацией. А соответствующий закон должен зафиксировать это.

Среди основополагающих документов IV Всемирной конференции по положению женщин «Действия в интересах равенства, развития и мира» (Пекин, сентябрь 1995 г.) — международные рекомендации. Напомним, что в Платформе действий, разработанной на этой Конференции, концепция комплексного подхода была поддержана и одобрена [ООН. A/CONF.177/20/Rev.1... , 1996]. Затем на специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН была принята резолюция «Женщины в 2000 году: равенство мужчин и женщин, развитие и мир в XXI веке» (Нью-Йорк, июнь 2000 г.), которая подтвердила рекомендации, отраженные в документах Пекинской конференции.

Что касается ситуации в США, то в общественном мнении получило широкое распространение признание женщины полноценным человеком, личностью. Разумеется, оно не свалилось с неба, а было основополагающим содержательным требованием активного демократического женского движения, которое не одно десятилетие упорной борьбы посвятило тому, чтобы добиться такого признания. Этот процесс особенно важен в государстве, которое позиционирует себя как один из наиболее жизнеспособных центров мирового сообщества.

Дискриминация (всеобъемлющая дискриминация) иногда принимает мягкие формы. Часто такая дискриминация является сочетанием преднамеренных и непреднамеренных действий, которые оказывают более сильное (непропорциональное) влияние на одну из групп людей. Политика и практика дискриминации часто бывают основаны на предпосылке гендерной нейтральности или вызваны гендерной слепотой. Как распознать и выявить эти практики, грамотно и профессионально определяя статус женского населения?

Индикаторы для объективной оценки статуса женщин

Международное сообщество в лице ООН выработало индикаторы для объективной оценки статуса женщин. В сфере политики это политические и гражданские права женщин, степень их политического участия, свободы выражения несогласия с официальным курсом; в профессиональной сфере — степень реализации права на труд, справедливость его оплаты, возможность продвижения по службе и условия совмещения производственных и семейных ролей. Для гендерного анализа важны также индикаторы в семейной сфере, в области образования, охраны здоровья, культуры, защищенности от насилия, получившие свое отражение в международных документах, нацеленных на продвижение гендерного равенства. Анализ положения женщин в США с использованием этих индикаторов показывает, что негативная сторона проблемы сконцентрирована в значительной степени на женской социополовой группе. Именно это обстоятельство обуславливает приоритетный интерес к изучению статуса женского населения страны в гендерном контексте.

Перечень индикаторов для оценки статуса женщин включает число мест, занимаемых ими в высшем законодательном органе, правительстве, судах высшей инстанции, число женщин и мужчин — членов партий, составляющих парламент, число женщин и мужчин в списках кандидатов от этих партий, число

женщин и мужчин среди депутатов от этих партий; а также соотношение ежемесячной средней зарплаты женщин и мужчин, их ежемесячной зарплаты и средней зарплаты по экономике в целом, среднего пособия пожилых мужчин и среднего пособия пожилых женщин. Среди индикаторов — ожидаемый при рождении период жизни женщин и мужчин, гендерное различие в ожидаемом периоде жизни, число женщин и мужчин среди работодателей (нанимателей), гендерные различия среди занятых/незанятых, а также занятых на работах с вредными условиями труда. Кроме того, индикаторы отслеживают число криминальных насильственных деяний, направленных на женщин и мужчин; индекс гендерного распределения студентов, вовлеченных в профессиональные образовательные институты, по категориям (отдельно для различных уровней профессионального образования).

Возникает вопрос, что значит быть гендерно-чувствительным. Гендерно-чувствительный подход означает обладание навыками и знаниями для распознавания и понимания практики гендерной дискриминации. Люди приобретают их в определенных социальных условиях. Необходимо подвергать критике ситуации исключения и ограничения, среди которых существует и дискриминация по признаку пола, т. е. гендерная дискриминация.

Как и в какой степени американская демократия решает проблемы в контексте создания гендерного баланса и возможностей для равенства полов? Какова характеристика условий, благоприятствующих функционированию реальной демократии и ее дальнейшему совершенствованию с точки зрения гендерного подхода? В какой мере американские женщины участвуют в социальной деятельности, в политике общества и государства, которая направлена главным образом на достижение, удержание и реализацию власти? Как женщины влияют на государственную власть?

Этот далеко не полный перечень вопросов и тем, требующих анализа, представляет особый интерес с точки зрения глубокого понимания эволюции США в контексте гендерного равенства. Поиск ответов на поставленные вопросы создает возможность проникновения в суть реально существующей демократии и ее институтов с целью достижения гендерного равенства.

Рынок труда: участие американских женщин в экономике

Освобождение женщин в сфере экономики началось в США. Северная Европа шла следом с некоторым отставанием. Во время Второй мировой войны американские женщины в массовом порядке вливаются в ряды рабочей силы. Военное время потребовало выхода значительного числа американских женщин на оплачиваемые рабочие места. Хотя женщины, безусловно, работали и до войны, но их численность не была столь большой: трудились в основном цветные американки и одинокие женщины.

В период 70—90-х гг. XX в. американские женщины заняли 2/3 из миллионов новых рабочих мест, созданных в сфере информатики. Такая ситуация сохраняется и в первых декадах третьего тысячелетия.

С 80-х гг. XX в. зарплата женщин стала серьезно расти, догоняя мужскую. Однако этот процесс замедлился в период 1994—1996 гг. В 1973 г. почасовая оплата труда женщин составляла 2/3 оплаты труда мужчин, а в 1997-м — 77 %.

Очевиден незначительный рост — всего на 4 п. п. почти за четверть века. В последующие десятилетия разрыв в оплате труда мужчин и женщин сократился. Образовательный уровень женщин поднялся, и вместе с тем выросли их возможности для более престижной карьеры. Широкое распространение приобрела контрацепция, которая позволила женщинам контролировать стратегию собственной жизни — планировать беременность, время рождения детей, их количество — и инвестировать ресурсы в свою карьеру.

В 90-х гг. XX в. американские женщины перестали быть меньшинством в рядах трудящихся: 2/3 женщин, или 74 %, работали, у 67 % из них были дети. Показатель занятости женщин почти сравнялся с аналогичным показателем у мужчин [Шведова, 2002]. Характерно, что каждая вторая женщина, имевшая малолетнего ребенка, трудилась вне дома. При этом 33 % работающих матерей являлись главными кормилицами семьи, а половина семей с детьми нуждались в доходе обоих родителей (в 1976 г. их доля составляла всего 36 %). Лишь четверть семей из данной категории полагались на одного кормильца — отца. Очевидно, что женщины содержали почти столько же семей, сколько и мужчины.

В конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. выход женщин на рынок труда логично повлек за собой резкий рост числа компаний, организовавших детские учреждения (до 3500 единиц, на 40 % больше, чем в 1984 г.). Многие компании, которые не имели детских садов и яслей на своей территории, поспешили ввести специальные пособия-льготы (доплаты) на детские учреждения для своих наемных работников и помогали с устройством детей в эти учреждения. В 90-х гг. XX столетия они появились почти на всех крупных предприятиях. В этот момент в США насчитывалось 750 детских центров, расположенных на территории предприятий. Однако преимущественное большинство компаний (90 %) с числом наемных работников от 10 и более, не предоставляли своим сотрудницам таких возможностей. Статистика свидетельствовала: потери рабочего времени родителей, дети которых пользуются детскими учреждениями, сократились на 31 %, а текучесть кадров — на 10 % [там же]. Многочисленные опросы показывали, что уже с конца 70-х гг. XX в. идея работающей вне дома американки прочно вошла в общественное сознание как позитивный феномен. Но затем, в начале 2000-х гг., рост доли работающих женщин остановился. А после «великой рецессии» она снизилась до 57 %, в 2017 г. оплачиваемую работу имели на 12,7 млн женщин меньше по сравнению с 2000 г. [Covert, 2017], когда доля работающих американских женщин старше 16 лет достигала своего пика — 60,3 %. Американские исследователи считают 1980-е и 1990-е гг. вершиной для американской работающей женщины. На самом деле в так называемую ««золотую эру» многие женщины работали и должны были нести львиную долю обязанностей по воспитанию детей» [ibid.].

Вектор занятости американских мужчин с конца 1950-х гг. похож на спуск с холма. «Но все это время мужчины всегда занимали рабочие места с более высокими ставками, чем женщины», — подчеркивает Б. Коверт [ibid.]. До конца 1990-х гг. США выделялись среди развитых стран по росту женского сегмента в рабочей силе. Но постепенно другие страны начали догонять их. Ф. Блау и Л. Кан, экономисты из Корнельского университета, обнаружили, что, хотя в 1990 г. в США был самый высокий уровень участия женщин в рабочей силе,

к 2010 г. он снизился до 17-го места. Примерно треть этого падения объясняется тем фактом, что в других развитых странах были установлены оплачиваемый семейный отпуск и субсидируемый уход за детьми, введены гибкие графики работы. Между тем США практически ничего не сделали в этом направлении [ibid.]. Правительство не предприняло шагов, способствующих облегчению исполнения родительских обязанностей в сочетании с работой вне дома, заставив американок разрываться между коляской и ноутбуком. В отличие от всех других развитых стран, Соединенные Штаты не гарантируют родителям никакого оплачиваемого отпуска по уходу за детьми.

Американские исследователи полагают, что если государство стремится вернуть женщин на рынок труда вне дома, то необходимо принять надлежащие меры. Под такими мерами подразумеваются увеличение средств по уходу за детьми, организация рабочих мест, использование гибких графиков, что в совокупности создаст обстановку защищенности работающей матери. По всей видимости, какие-то шаги в этом направлении будут неизбежно сделаны. Дело в том, что сохранение американских женщин на рынке труда имеет экономическую целесообразность: если их численность будет сокращаться, экономика пострадает. Установлено: в 2012 г. экономика США не досчиталась бы 11 % объема ВВП, если бы участие женщин в рабочей силе оставалось на уровне конца 1970-х гг. [ibid.].

Библиографический список

- Индекс гендерного разрыва по версии Всемирного экономического форума // Гуманитарные технологии. 2018. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/global-gender-gap-index/info> (дата обращения: 20.03.2018).
- ООН. A/CONF.177/20/Rev.1. Доклад IV Всемирной конференции по положению женщин, Пекин, 4—15 сентября 1995 г. Нью-Йорк. 1995. URL: <http://www.un.org/womenwatch/daw/beijing/pdf/Beijing%20full%20report%20R.pdf> (дата обращения: 12.03.2018).
- Шведова Н. А.* Женщины США на пороге третьего тысячелетия // *Метаморфозы истории*. 2002. № 2. С. 187—218.
- Шведова Н. А.* Американские женщины и администрация Д. Трампа: год спустя // *США — Канада: экономика, политика, культура*. 2018. № 4. С. 54—70.
- Covert B.* The Best Era for Working Women Was 20 Years Ago. 2017. URL: <https://www.nytimes.com/2017/09/02/opinion/sunday/working-women-decline-1990s.html?rref=collection%2Fcolumn%2FBryce%20Covert&action=click&contentCollection=Opinion&module=Collection®ion=Marginalia&src=me&version=column&pgtype=article> (дата обращения: 12.09.2017).
- Frothingham S., Phadke S.* 100 Days, 100 Ways the Trump Administration Is Harming Women and Families, 2017. URL: <https://www.americanprogress.org/issues/women/reports/2017/04/25/430969/100-days-100-ways-trump-administration-harming-women-families/> (дата обращения: 27.04.2018).

References

- Covert, B. (2017) *The Best Era for Working Women Was 20 Years Ago*, available from <https://www.nytimes.com/2017/09/02/opinion/sunday/working-women-decline-1990s.html?rref=collection%2Fcolumn%2FBryce%20Covert&action=click&contentCollection=Opinion&module=Collection®ion=Marginalia&src=me&version=column&pgtype=article> (accessed 12.09.2017).
- Frothingham, S., Phadke, S. (2017) *100 Days, 100 Ways the Trump Administration Is Harming Women and Families*, available from <https://www.americanprogress.org/issues/women/reports/2017/04/25/430969/100-days-100-ways-trump-administration-harming-women-families/> (accessed 27.04.2017).
- Indeks gendernogo razryva po versii Vsemirnogo ekonomicheskogo foruma (2018) [Gender Gap Index of the World Economic Forum], *Gumanitarnye tekhnologii*, available from <http://gtmarket.ru/ratings/global-gender-gap-index/info> (accessed 20.03.2018).
- Organizatsiia Ob"edinennykh Natsii. A/CONF.177/20/Rev.1. *Doklad IV Vsemirnoĭ konferentsii po polozeniiu zhenshchin*, Pekin, 4—5 sentiabria (1995) [Report of the Fourth World Conference on Women, Beijing, September 4—15, 1995], New York, available from <http://www.un.org/womenwatch/daw/beijing/pdf/Beijing%20full%20report%20R.pdf> (accessed 12.03.2018).
- Shvedova, N. A. (2002) Zhenshchiny SShA na poroge tret'ego tysiacheletia [US women on the threshold of the third millennium], *Metamorfozy istorii*, no. 2, pp. 187—218.
- Shvedova, N. A. (2018) Amerikanskie zhenshchiny i administratsiia D. Trampa: god spustia [American women and the D. Trump administration: a year later], *SShA — Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, no. 4, pp. 54—70.

Статья поступила 09.09.2018 г.

Информация об авторе / Information about the author

Шведова Надежда Александровна — доктор политических наук, профессор, руководитель Центра социально-политических исследований, Институт США и Канады РАН, г. Москва, Россия, n.shvedova2015@yandex.ru (Dr. Sc. (Political Sc.), Professor, Head of the Center for Social and Political Studies, Institute for U. S. and Canadian Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2018. No. 4. P. 24—35
DOI: 10.21064/WinRS.2018.4.3

Женщина в российском обществе
2018. № 4. С. 24—35
ББК 66.49
DOI: 10.21064/WinRS.2018.4.3

**ЖЕНЩИНЫ-ДИПЛОМАТЫ В РОССИИ:
К ВОПРОСУ О ГЕНДЕРНОМ ДИСБАЛАНСЕ**

Е. В. Воевода, В. М. Морозов, В. В. Карпов

Московский государственный институт международных отношений,
г. Москва, Россия, elenavoevoda@yandex.ru

Определив целью изучение гендерных аспектов выстраивания дипломатической карьеры, авторы рассматривают факторы, препятствующие и способствующие карьерному продвижению женщин-дипломатов в России. В статье представлен анализ результатов анкетирования студентов МГИМО (2018 г.), выявивший мотивационные и демотивационные факторы при выборе дипломатической профессии мужчинами и женщинами. Исследование показало, что молодые женщины отдают приоритет престижу профессии и защите национальных интересов, при этом у старшекурсниц показатели выше, чем у юношей, однако готовность девушек к дисциплинарным и режимным требованиям, психологическим и физическим нагрузкам ниже, чем у юношей. Социальные навыки межличностного общения и психологические характеристики женщин способствуют эффективной профессиональной деятельности в дипломатии.

Ключевые слова: гендерные стереотипы, дипломатия, дипломатическая служба, карьера, мотивационный фактор, демотивационный фактор.

**WOMEN-DIPLOMATS IN RUSSIA:
THE CASE OF GENDER DISPARITY**

E. V. Voevoda, V. M. Morozov, V. V. Karpov

Moscow State Institute of International Relations,
Moscow, Russian Federation, elenavoevoda@yandex.ru

The authors aim to study gender aspects of building a diplomatic career and address the factors promoting and hindering career progress of women diplomats in Russia. The article presents an analysis of the results of a survey (2018) conducted at Moscow State Institute of International Relations, which demonstrates motivating and demotivating factors in

the process of choosing the diplomatic career by male and female students. The research showed that young women give priority to the possibility of defending the country's national interests and the prestige of the profession, and the percentage of 3rd-year female students professing these ideas is higher than that of men. The readiness for disciplinary and performance requirements, psychological and physical stress among female students is lower than among their male peers. But women's soft skills and psychological specifics facilitate their effective professional activities.

Key words: gender stereotypes, diplomacy, diplomatic service, career, motivating factor, demotivating factor.

Введение

В современных условиях развития мирового сообщества возможность женщин участвовать в политической деятельности наравне с мужчинами остается одним из актуальных вопросов. По состоянию на октябрь 2017 г. только 11 женщин в мире занимали пост главы государства и 12 — пост главы правительства; на июнь 2016 г. в национальных парламентах женщины составляли всего 22,5 % [UN Women...]. В российском обществе, несмотря на ратифицированную «Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» (1980 г.) и принятую «Национальную стратегию действий в интересах женщин на 2017—2022 годы» (2017 г.), политика все еще выступает профессиональным полем, в котором наиболее ярко проявляется гендерная асимметрия [Kharchenko, 2016: 328], а кадровая политика в сфере государственной службы носит патриархальный характер [Зимин, 2013: 297]. Гендерный дисбаланс в системе МИД России очевиден: на пути к вершине административной пирамиды количество женщин как в Центральном аппарате (ЦА), так и в загранучреждениях (ЗУ) стремится к нулю. Таким образом, наблюдается противоречие между положениями нормативных документов, презюмирующих гендерное равенство, и практикой отбора и продвижения кадров в системе МИД. Разрешение существующего противоречия определило исследовательский вопрос: каковы факторы, способствующие и препятствующие построению дипломатической карьеры женщин в России?

Методология

Поставив целью изучить гендерные аспекты построения дипломатической карьеры, авторы определили задачи проанализировать и сравнить релевантность мотивационных и демотивационных факторов, побуждающих юношей и девушек к выбору дипломатической службы и препятствующих реализации карьерных устремлений женщин на дипломатической службе, выявить динамику изменения показателей от 1-го к 3-му курсу.

В ходе исследования использовались методы анализа, сравнения и диагностики. Проанализированы имеющиеся в открытом доступе статистические данные и статистические данные МГИМО, результаты анкетирования студентов МГИМО, научная литература по проблеме.

Исследования в области гендерных проблем практически не коснулись сферы российской дипломатии, что объясняется определенной закрытостью

внешнеполитического ведомства. Тема представлена в российской научной литературе работами Т. В. Зоновой [Зонова, 2009], Е. Э. Шишловой [Шишлова, 2017], причем последняя делает акцент на гендерном подходе в подготовке международных работников.

Российские женщины на посольских должностях

Первой советской и второй в мире женщиной-дипломатом в ранге посла была А. М. Коллонтай (первой была Д. Абгар, ставшая в 1920 г. послом Армении в Японии), 23 года представлявшая СССР в Норвегии, Мексике и Швеции. В XX в. на посту руководителей дипломатических миссий страну также представляли З. В. Миронова (представительство СССР при ООН в Женеве), З. Г. Новожилова (в Швейцарии), В. Н. Калмык (в Коста-Рике), Р. И. Отунбаева (в Малайзии и Брунее), В. И. Матвиенко (на Мальте и в Греции).

В начале 2000-х гг. казалось, что XXI в. расширит роль женщин в дипломатии: послами служили О. Я. Иванова (Маврикий) и Л. Г. Воробьева (Малайзия, Индонезия). В 2003 г. женщина (Э. В. Митрофанова) впервые была назначена первым заместителем министра иностранных дел России. Уже тогда Президент России В. В. Путин отмечал, что гендерный дисбаланс в российской дипломатии может «стать слабым местом внешнеполитической службы»¹. Однако сегодня в России среди 131 дипломата в ранге чрезвычайного и полномочного посла нет ни одной женщины, также нет женщин — заместителей министра и только 2 департамента МИД из 40 (5 %) возглавляют женщины: Департамент информации и печати (М. В. Захарова) и Историко-документальный департамент (Н. М. Баринаева). Несколько женщин в ЦА МИД, в должности генерального консула или советника-посланника в ЗУ — редкие исключения для российской действительности. Для сравнения: в 2014 г. Швеция имела в составе МИД 40 % женщин на посольских должностях, США — 30 %, Израиль — 18 %, Бразилия — 16 %, Турция — 13 %. Согласно данным МИД России, в 2016 г. среди 145 глав диппредставительств иностранных государств, аккредитованных в России, было 16 женщин (11 %). Даже этот невысокий показатель выше нулевого российского [Gendering Diplomacy... , 2018: 30].

Как в советский, так и в постсоветский период среди сотрудников МИД были женщины, однако на высшие дипломатические должности их не назначали. (Отметим, что проблема актуальна не только для России [Linse, 2004: 53].) И это не случайно: по данным Левада-центра, только 45 % мужчин (против 79 % женщин) допускают пребывание женщины на высоком государственном посту². Даже словосочетание «силовое ведомство», используемое применительно к МИД, указывает на гендерную асимметрию, поскольку сила презюмирует маскулинность. Таким образом, гендерные стереотипы продолжают выступать в качестве фактора, способствующего поддержанию гендерного дисбаланса в политике

¹ Выступление Президента Российской Федерации В. В. Путина на совещании послов и постоянных представителей Российской Федерации за рубежом 20 июля 2002 г. URL: <http://www.medcollegelib.ru/doc/ISBN9785713313395-SCN0127.htm> (дата обращения: 02.08.2018).

² Участие женщин в политике. 2014. URL: <http://www.levada.ru/2014/03/07/uchastie-zhenshin-v-politike/> (дата обращения: 17.07.2018).

[Рябова, Овчарова, 2016: 10; Gender and Diplomacy, 2017]. Это иллюстрирует диаграмма, отражающая соотношение принятых на службу в МИД в 2007—2017 гг. мужчин и женщин из числа выпускников МГИМО — ведущего вуза по подготовке кадров для внешнеполитического ведомства (рис. 1).

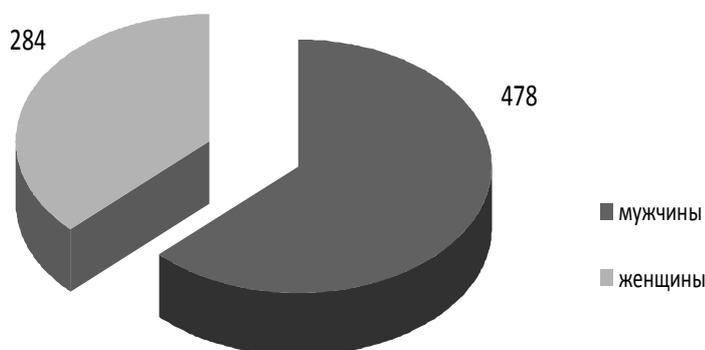

Рис. 1. Соотношение принятых в МИД мужчин и женщин из числа выпускников МГИМО, 2007—2017 гг., чел.

Хотя, по мнению официального представителя МИД России М. В. Захаровой, в последние годы почти половина поступающих на работу в министерство — девушки, кадровая политика продолжает диктоваться традиционными гендерными ролями, и понятие «стеклянный потолок» как нельзя лучше описывает положение с карьерным продвижением женщин в системе внешнеполитического ведомства, т. е. можно говорить о «вертикальной гендерной сегрегации» [Purcell et al., 2010: 705; Хасбулатова, 2014: 8].

Гендерные аспекты построения дипломатической карьеры

Результаты социально-психологических исследований говорят о том, что имеются существенные различия в гендерной мотивации к профессиональной деятельности: одни и те же группы потребностей различаются по значению для мужчин и женщин [Кальте, 2012]. Анкетирование, проведенное в 2018 г. среди студентов 1-го ($n = 102$) и 3-го ($n = 86$) курсов факультета международных отношений МГИМО, показало, какие мотивационные факторы они считают более значимыми в профессии специалиста-международника. Поступающие на факультет МО юноши и девушки ориентированы на защиту национальных интересов, разница в 16,0 % в пользу юношей. Это подтверждает результаты исследования С. Н. Чируна и Е. А. Бобровой, показавшие, что общественное мнение объясняет желание женщин участвовать в политической жизни стремлением «решать актуальные общественные проблемы» [Чирун, Боброва, 2018: 109]. Следующее место среди приоритетов занимает престиж профессии: показатели почти одинаковые, разница в 4,5 % в пользу юношей. Материальное положение и социальные гарантии занимают третье место, причем их отметили в 2 раза меньше девушек, чем юношей (рис. 2).

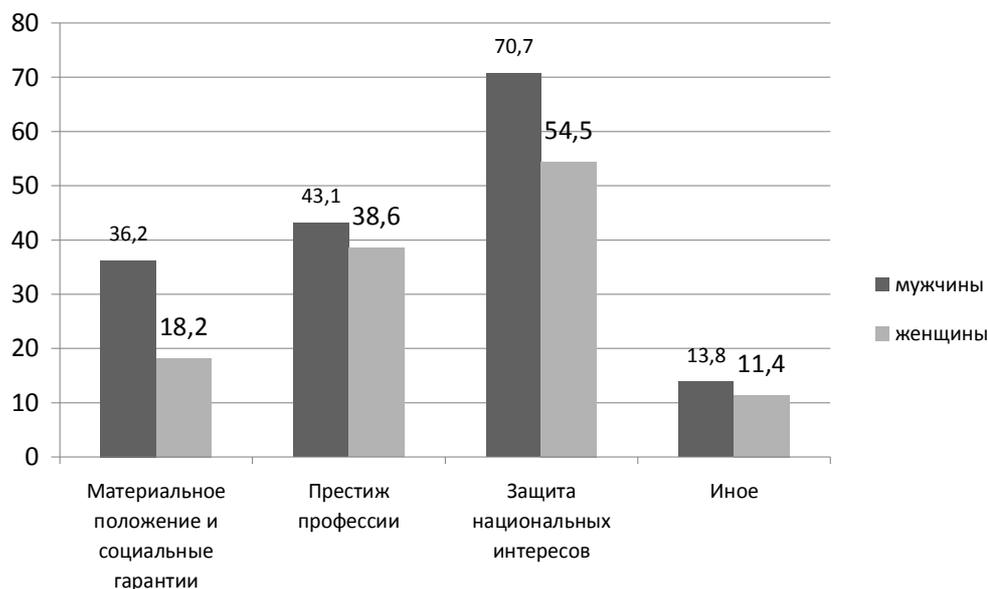

Рис. 2. Мотивационные факторы при выборе профессии специалиста-международника, 1-й курс, %

К концу 3-го курса положение меняется. Изменения затрагивают девушек в большей степени, чем юношей: при прежней расстановке приоритетов девушки слегка опережают юношей по факторам «защита национальных интересов» (67,7 % : 63,6 %) и «престиж профессии» (51,6 % : 49,0 %); что касается третьей позиции, то здесь соотношение остается по-прежнему в пользу юношей, однако показатели у тех и других выше, чем у первокурсников (40,0 % : 29,0 %) (рис. 3). Это объясняется объективным фактором взросления и более серьезным отношением к материальной стороне жизни.

Многие студентки МГИМО, желающие построить дипломатическую карьеру, осознают, что им придется столкнуться с трудностями, несвойственными другим профессиям. К демотивационным факторам относятся ненормированный рабочий день, перемена привычного образа жизни, разлука с семьей и близкими, заграничные командировки. В тех случаях, когда женщина-дипломат, состоящая в браке с коллегой по МИД, выезжает с мужем в заграничную командировку, она обычно либо не работает, либо занимает вакансию административно-технического персонала. Если же в длительную командировку едет женщина-дипломат, то муж должен сопровождать ее в качестве члена семьи и трудоустроиться по тому же принципу. Немногие мужчины соглашаются на такое положение. Поскольку подобные условия осложняют совмещение функций жены, матери и дипломата, девушки планируют совершенствоваться в профессиональном плане до 35 лет и только после этого заводить семью.

Еще одна трудность — дисциплинарные и режимные требования, ограничения прав и свобод в рамках дипломатической службы, в том числе при работе в ЗУ. Готовность к этому выражают более 80 % студентов 1-го курса с перевесом в 6 % в пользу девушек (82,8 % : 88,7 %). Однако на 3-м курсе ситуация меняется: количество юношей снижается на 4,6 %, а девушек — почти на 21,0 %.

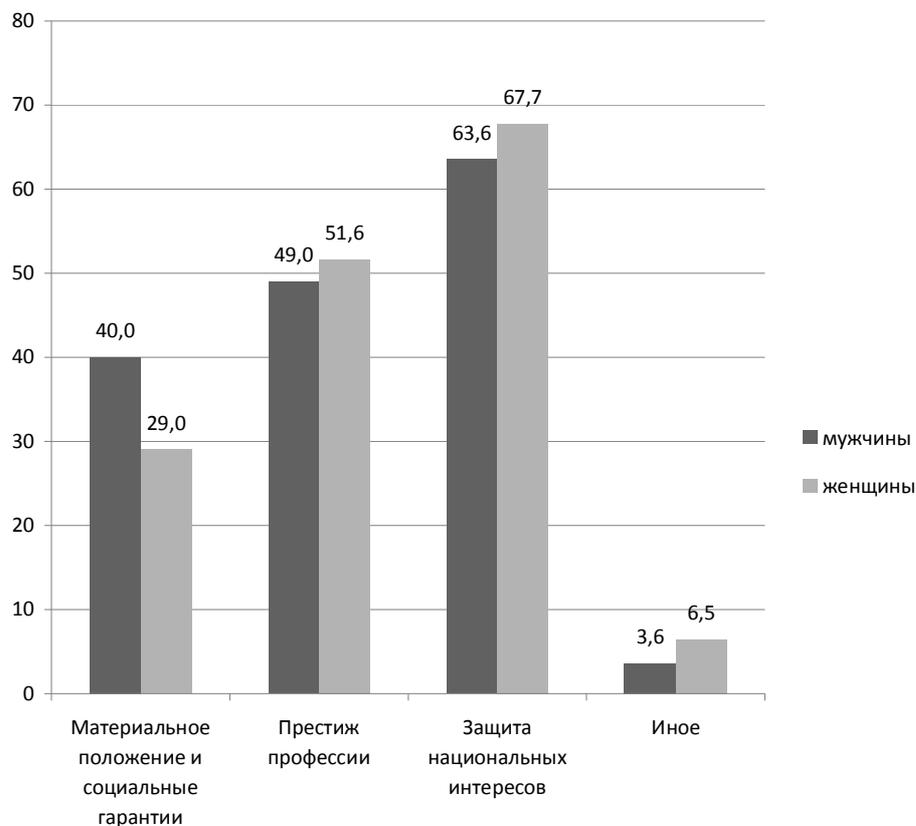

Рис. 3. Мотивационные факторы при выборе профессии специалиста-международника, 3-й курс, %

Похожая картина наблюдалась и при ответе на вопрос об отношении к физическим и психологическим нагрузкам, связанным с дипломатической службой, в том числе при работе в ЗУ: готовность к этому выразили более 90,0 % опрошенных студентов 1-го курса с перевесом в 1,5 % в пользу юношей (94,8 % : 93,2 %); незначительная часть первокурсников не считает себя готовыми к таким трудностям, с перевесом в 1,5 % в пользу девушек. Негативные изменения к 3-му курсу у девушек более значительны по сравнению с юношами — почти на 16,0 % (92,7 % : 77,4 %).

Подавляющее большинство первокурсников планируют связать свою жизнь с дипломатической службой: об этом заявили 82,8 % юношей и 77,3 % девушек. Однако среди студентов 3-го курса число девушек, сохранивших желание стать дипломатами, снизилось на 16,0 %.

На 3-м курсе девушки уже осознают как объективные трудности дипломатической профессии, так и существующие барьеры при поступлении на службу в МИД. Этим в том числе объясняется снижение их готовности к ограничениям, свойственным дипломатической службе. Не менее важным демотивационным фактором является и понимание того, что МИД не стремится к гендерному балансу и девушек там не ждут. Рис. 4 демонстрирует соотношение количества

принятых на службу в МИД в 2009—2017 гг. мужчин и женщин из числа выпускников МГИМО.

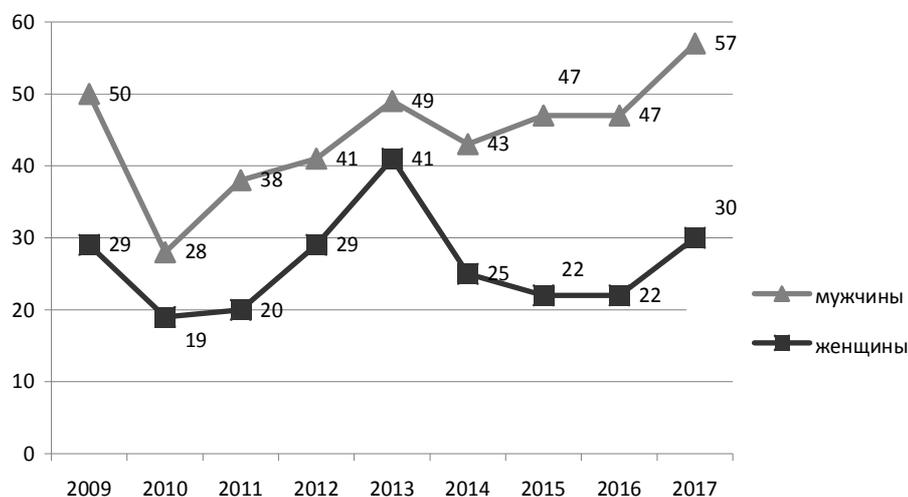

Рис. 4. Динамика численности выпускников МГИМО, принятых на службу в МИД, чел.

Резкое увеличение количества принятых на службу в 2013 г. объясняется необходимостью обновления кадрового состава: в 2012 г. отток кадров из МИД (в связи с выходом в отставку, окончанием срока служебного контракта или увольнением по собственному желанию) составил 250 человек [Федотов, 2013: 56]. В тот же период было принято больше женщин, чем в предыдущие или последующие годы, при этом наиболее благоприятным был 2013 г. На рис. 5 показана разница между количеством выпускниц МГИМО, допущенных к конкурсу на поступление в МИД, и количеством выпускниц, принятых на дипломатическую службу.

Принято утверждать, что незначительное количество женщин на высоких дипломатических постах обусловлено объективными причинами: дипломатическая служба в некоторых странах опасна, не везде и не всегда женщину-дипломата воспринимают как полноправную коллегу и др. Однако современная международная практика свидетельствует об обратном: посольства Италии, США, некоторых Скандинавских стран на Ближнем Востоке в свое время возглавляли именно женщины, при этом гендерный фактор не мешал выстраиванию взаимовыгодных отношений [Зонова, 2009: 96]. Примером успешной карьеры женщины-дипломата может служить деятельность М. С. Ходынской-Голенищевой, специалиста по Ближнему Востоку, совмещающей дипломатическую и научную деятельность, которая является не только активным участником дипломатических переговоров с представителями сирийской оппозиции, но и авторитетным ученым. На защите ее докторской диссертации (в 34 года!) выступили заместитель министра иностранных дел, председатель Комитета Государственной думы по международным делам и представитель министра обороны по Сирии, что свидетельствует о признании эффективности профессиональной дипломатической деятельности М. С. Ходынской-Голенищевой.

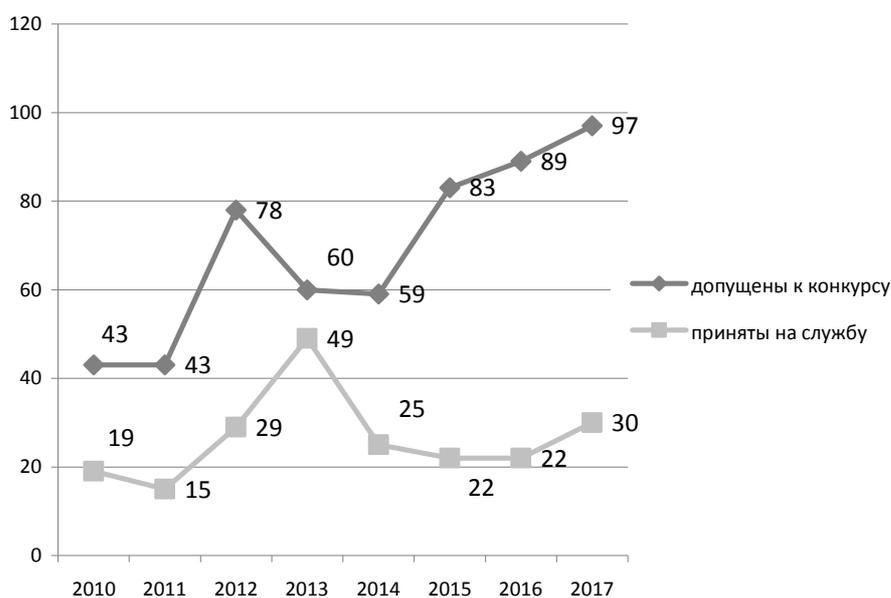

Рис. 5. Динамика численности выпускниц МГИМО, допущенных к конкурсу и принятых на службу в МИД, чел.

Женщины также находят свою профессиональную нишу в международных организациях (ООН, ЮНЕСКО) и выбирают работу в сфере международных отношений, где гендерный дисбаланс менее выражен (рис. 6).

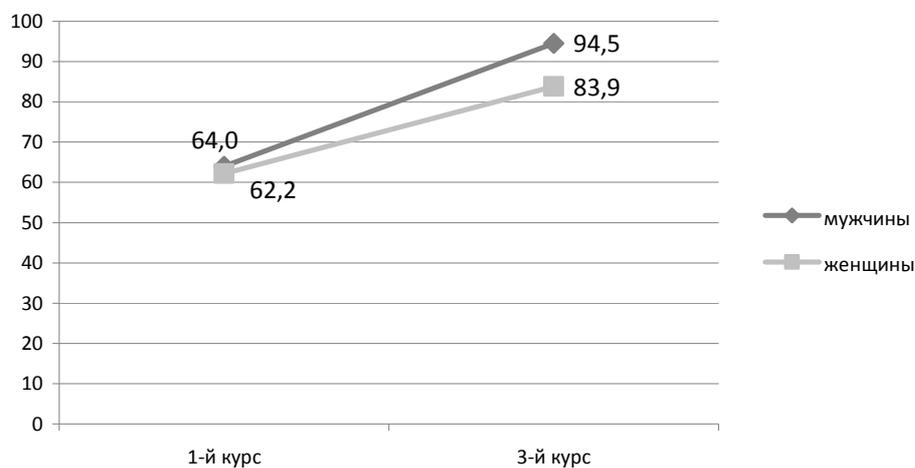

Рис. 6. Динамика численности женщин, планирующих работать в сфере международных отношений по окончании вуза (1-й, 3-й курсы), %

Успешной профессиональной деятельности женщин способствуют лидерские качества, одинаково свойственные как им, так и мужчинам: умение действовать в ситуации конфликта и риска, противостоять давлению, отстаивать свою позицию; готовность к изменениям и нововведениям; способность использовать умения и навыки своих партнеров по профессиональной деятельности [Кальте, 2012]. У женщин чаще развиты «гибкие навыки» (soft skills) — социальные навыки межличностного общения. Исследователи отмечают «такие сильные качества женщин-руководителей, как стремление к новому... забота о людях, “очеловечивание” организационных интересов, направленность на взаимодействие с подчиненными, т. е. все то, что характерно для модели современного эффективного менеджмента» [Чикер, 2011: 88]. Использование женской интуиции, нестандартного взгляда на ситуацию, умения снижать напряженность в переговорах, налаживать контакты, т. е. применение «мягкой силы», также может способствовать эффективной дипломатической деятельности [Касаткин, 2018]. Женщины выступают успешными посредниками, придают большее, чем мужчины, значение диалогу и межличностному общению и эффективно используют все эти качества [Nayag, 2011]. Следует учитывать и психологические особенности женщины-дипломата: в ходе многосторонних переговоров она может думать сразу за нескольких игроков, в то время как мужчина больше сосредоточивается на одной теме.

Управленческая практика поддержки гендерного разнообразия, сложившаяся в современном мире, способствует преодолению стереотипных представлений о дипломатической службе как исключительно мужской сфере деятельности и повышению качества принимаемых решений [Women in diplomacy, 2004: 65]. Исследования Международного института мира показывают, что участие женщин-дипломатов в выработке мирных соглашений содействует поддержанию мирных процессов как минимум на два года; что касается долгосрочных соглашений, вероятность их существования на протяжении 15 лет возрастает на 35 %.

Заключение

Назначение на высшие дипломатические должности способствовало бы укреплению имиджа дипломатии России, в том числе аппарата МИД. Отказ от тотального патриархата, характерного для нашего внешнеполитического ведомства, и увеличение количества женщин-дипломатов на всех уровнях службы могли бы работать как инструмент «мягкой силы», в первую очередь по отношению к странам Запада. Соотносимость же гендерного состава российских посольств с составом диппредставительств других государств в стране пребывания способна обеспечить более эффективную коммуникацию между дипломатами. В этом направлении уже успешно действуют Финляндия, Швеция, Китай, Япония, Руанда и другие страны [Gender and Diplomacy, 2017; Qiu, 2016].

Аналитики МГИМО считают, что для решения принципиальной задачи устранения гендерного дисбаланса в системе МИД России необходимо провести анализ гендерного состояния кадров министерства, выявить факторы и закономерности, препятствующие продвижению женщин по службе, а также предусмотреть увеличение количества женщин на средних и высших должностях в ЦА и ЗУ — на 10 % от общего кадрового состава к 2024 г. и на 30 % — к 2035 г. Представленность российских женщин в дипломатическом корпусе и международных организациях является важным элементом продвижения российских внешнеполитических интересов.

Библиографический список

- Зимин В. А. Женщины России в политике и структурах власти // Теория и практика общественного развития. 2013. № 10. С. 297—299.
- Зонова Т. В. Гендерный фактор в политике и дипломатии // Международные процессы. 2009. Т. 7, № 20. С. 94—100.
- Кальте З. М. Барьеры вхождения женщины во власть и возможные пути их преодоления // Вестник университета / Государственный университет управления. 2012. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/bariery-vhozhdeniya-zhenshiny-vo-vlast-i-vozmozhnye-puti-ih-preodoleniya> (дата обращения: 13.07.2018).
- Касаткин П. И., Ивкина Н. В. Культурная и образовательная составляющие «мягкой силы» ЕС // Сравнительная политика. 2018. № 1. С. 26—36.
- Рябова Т. Б., Овчарова О. Г. Гендерная политология в России: достижения, проблемы и перспективы // Женщина в российском обществе. 2016. № 1. С. 3—23.
- Федотов А. Л. Кадровое обеспечение дипломатической службы // Право и управление, XXI век. 2013. № 1 (26). С. 54—65.
- Хасбулатова О. А. Гендерный подход как технология повышения эффективности кадровой политики // Женщина в российском обществе. 2014. № 4. С. 3—10.
- Чикер В. А. Психологические аспекты индивидуальной карьеры // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.: Психология и педагогика. 2011. № 3. С. 80—90.
- Чирун С. Н., Боброва Е. А. Гендерные особенности политического участия в постсовременной России // Женщина в российском обществе. 2018. № 2. С. 104—115.
- Шишлова Е. Э. Социокультурные аспекты реализации гендерного подхода в вузе международного профиля: (на примере МГИМО) // Известия Южного федерального университета. Сер.: Педагогические науки. 2017. № 3. С. 37—44.
- Gender and Diplomacy / ed. by J. A. Cassidy; foreword by M. Robinson. London: Routledge, 2017. 220 p.
- Gendering Diplomacy and International Negotiation / ed by. K. Aggestam, A. E. Towns. London: Palgrave Macmillan, 2018. 301 p.
- Kharchenko E. I. Gender inequality indices for the European partnership countries comparison // Bulletin of People's Friendship University of Russia. Ser.: Sociology. 2016. Vol. 16, № 2. P. 323—335.
- Linse C. Challenges facing women in overseas diplomatic positions // Intercultural Communication and Diplomacy. DiploFoundation. 2004. P. 253—263. URL: https://www.diplomacy.edu/sites/default/files/IC%20and%20Diplomacy%20%28FINAL%29_Part16.pdf (дата обращения: 14.07.2018).
- Nayar V. Women and soft power in business // Harvard Business Review. 2011. January, 19. URL: <https://hbr.org/2011/01/women-and-soft-power-in-business> (дата обращения: 27.07.2018).
- Purcell D., MacArthur K. R., Samblanet S. Gender and the glass ceiling at work // Sociology Compass. 2010. № 4 (9). P. 705—717.
- Qiu Zh. Why China is so interested in gender equality // The Diplomat. 2016. № 3. URL: <https://thediplomat.com/2016/03/why-china-is-so-interested-in-gender-equality/> (дата обращения: 16.07.2018).
- UN Women. Facts and Figures: Leadership and Political Participation. URL: <http://www.unwomen.org/en/what-we-do/leadership-and-political-participation/facts-and-figures> (дата обращения: 14.07.2018).
- Women in Diplomacy: Seminar Proceedings, Strasbourg, 28—29 October, 2004 // Council of Europe. URL: <https://rm.coe.int/16805916ba> (дата обращения: 16.07.2018).

References

- Aggestam, K., Towns, A. E. (eds) (2018) *Gendering Diplomacy and International Negotiation*, London: Palgrave Macmillan.
- Cassidy, J. A. (ed.) (2017) *Gender and Diplomacy*, London: Routledge.
- Chiker, V. A. (2011) Psikhologicheskie aspekty individual'noi kar'ery [Psychological aspects of individual career], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta, seriia Psikhologiya i pedagogika*, no. 3, pp. 80—90.
- Chirun, S. N., Bobrova, E. A. (2018) Gendernye osobennosti politicheskogo uchastiia v postsovremennoi Rossii [Gender peculiarities of political participation in postmodern Russia], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 104—115.
- Fedotov, A. L. (2013) Kadrovoe obespechenie diplomaticheskoi sluzhby [Staffing of the diplomatic service], *Pravo i upravlenie, XXI vek*, no. 1 (26), pp. 54—65.
- Kal'te, Z. M. (2012) Bar'ery vkhozheniia zhenshchiny vo vlast' i vozmozhnye puti ikh preodoleniia [Barrier's of woman's entrance into the authority and the possible ways of their overcoming], *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta upravleniia*, no. 4, available from <https://cyberleninka.ru/article/v/bariery-vhozheniya-zhenschiny-vo-vlast-i-vozmozhnye-puti-ih-preodoleniya> (accessed 13.07.2018).
- Kasatkin, P. I., Ivkina, N. V. (2018) Kul'turnaia i obrazovatel'naia sostavliaiushchie “myagkoi sily” ES [Cultural and educational dimensions of EU “soft power”], *Sravnitel'naia politika*, no. 1, pp. 26—36.
- Kharchenko, E. I. (2016) Gender inequality indices for the European partnership countries comparison, *Bulletin of People's Friendship University of Russia, seriia Sociology*, vol. 16, no. 2, pp. 323—335.
- Khasbulatova, O. A. (2014) Gendernyi podkhod kak tekhnologiya povysheniia effektivnosti kadrovoi politiki [Gender approach as increase of effectiveness technology in personnel policy], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 3—10.
- Linse, C. (2004) Challenges facing women in overseas diplomatic positions, in: *Intercultural Communication and Diplomacy. DiploFoundation*, pp. 253—263, available from https://www.diplomacy.edu/sites/default/files/IC%20and%20Diplomacy%20%28FINAL%29_Part16.pdf (accessed 14.07.2018).
- Nayar, V. (2011) Women and soft power in business, *Harvard Business Review*, 2011, January 19, available from <https://hbr.org/2011/01/women-and-soft-power-in-business> (accessed 27.07.2018).
- Purcell, D., MacArthur, K. R., Samblanet, S. (2010) Gender and the glass ceiling at work, *Sociology Compass*, no. 4 (9), pp. 705—717.
- Qiu, Zh. (2016) Why China is so interested in gender equality, *The Diplomat*, no. 3, available from <https://thediplomat.com/2016/03/why-china-is-so-interested-in-gender-equality/> (accessed 16.07.2018).
- Riabova, T. B., Ovcharova, O. G. (2016) Gendernaia politologiya v Rossii: dostizheniia, problemy i perspektivy [Gender studies in Russian political sciences: current status, problems and prospects], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 3—23.
- Shishlova, E. E. (2017) Sotsiokul'turnye aspekty realizatsii gendernogo podkhoda v vuze mezhnatsionalnogo profilia: (Na primere MGIMO) [Sociocultural aspects of adopting gender approach in higher educational institutions of international type: (Case study of MGIMO)], *Izvestiia Iuzhnogo federal'nogo universiteta, seriia Pedagogicheskie nauki*, no. 3, pp. 37—44.
- UN Women. *Facts and Figures: Leadership and Political Participation*, available from <http://www.unwomen.org/en/what-we-do/leadership-and-political-participation/facts-and-figures> (accessed 14.07.2018).

- Women in diplomacy: Seminar proceedings, Strasbourg, 28—29 October, 2004 (2004), *Council of Europe*, available from <https://rm.coe.int/16805916ba> (accessed 16.07.2018).
- Zimin, V. A. (2013) Zhenshchiny Rossii v politike i strukturakh vlasti [Russian women in politics and power structures], *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia*, no. 10, pp. 297—299.
- Zonova, T. V. (2009) Gendernyi faktor v politike i diplomatii [Gender factor in politics and diplomacy], *Mezhdunarodnye protsessy*, vol. 7, no. 20, pp. 94—100.

Статья поступила 03.08.2018 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Воевода Елена Владимировна — доктор педагогических наук, заведующая кафедрой педагогики и психологии, профессор кафедры английского языка № 2, Московский государственный институт международных отношений, г. Москва, Россия, elenavoevoda@yandex.ru (Dr. Sc. (Education), Head of the Department of Pedagogics and Psychology, Professor at the English Language Department № 2, Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russian Federation).

Морозов Владимир Михайлович — кандидат исторических наук, доцент кафедры дипломатии, проректор по кадровой политике, Московский государственный институт международных отношений, г. Москва, Россия, morozov_v_m@mgimo.ru (Cand. Sc. (History), Associate Professor at the Department of Diplomacy, Vice-Rector for Human Resources, Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russian Federation).

Карпов Валерий Валерьевич — аспирант кафедры педагогики и психологии, Московский государственный институт международных отношений, г. Москва, Россия, valerian7@yandex.ru (Post-graduate student at the Department of Pedagogics and Psychology, Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2018. No. 4. P. 36—48
DOI: 10.21064/WinRS.2018.4.4

Женщина в российском обществе
2018. № 4. С. 36—48
ББК 85.374(2)6-3
DOI: 10.21064/WinRS.2018.4.4

«БЕЛОЕ СОЛНЦЕ ПАЛЬМИРЫ»: МАСКУЛИННОСТЬ КИНОГЕРОЕВ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОЙ СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Т. Б. Рябова^{a, b}

^a Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия

^b Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия, riabova2001@inbox.ru

Анализируется политическое измерение образов маскулинности, созданных в советском фильме «Белое солнце пустыни» (1970). Вначале рассматривается маскулинность киногероев в контексте символической политики периода холодной войны. Далее речь идет о том, как эта маскулинность представляется и оценивается современными россиянами. Наконец, исследуется, как кинообразы включаются в современную символическую политику. Автор показывает, что символический капитал этих образов используется в формировании гегемонной маскулинности постсоветской России — канона «настоящего мужика», который, в свою очередь, привлекается для легитимации власти и проводимой ею внешней и внутренней политики.

Ключевые слова: «Белое солнце пустыни», холодная война, символическая политика, советский кинематограф, мужественность, «мужик».

“THE WHITE SUN OF PALMIRA”: THE COLD WAR CINEMATIC MASCULINITIES IN CONTEMPORARY SYMBOLIC POLITICS

T. B. Riabova^{a, b}

^a St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

^b Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg,
Russian Federation, riabova2001@inbox.ru

The paper deals with political dimension of masculinities created in a Soviet blockbuster “The White Sun of Desert” (1970). The first section of the paper dwells upon the film characters’ masculinity in the context of cinematic Cold War. The next section focusses

© Рябова Т. Б., 2018

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РНФ научного проекта № 18-18-00233 «Кинообразы советского и американского врагов в символической политике холодной войны: компаративный анализ».

on contemporary Russians' perception and evaluation of this masculinity. The final section discusses how these cinematic images are involved in contemporary symbolic politics. The author points out that the symbolic capital of these images are employed in forming the hegemonic masculinity of the Post-Soviet Russia — that of the “real muzhik” that in its own turn contributes to legitimation of power and its domestic and foreign policy.

Key words: “White Sun of Desert”, Cold War, symbolic politics, Russian masculinity, Soviet cinema, “muzhik”.

В разгар операции Военно-космических сил РФ в Сирийской Арабской Республике в 2016 г. появился календарь, в котором мировые политики были представлены в образах персонажей советского фильма «Белое солнце пустыни» (реж. В. Мотыль, 1969): воплощениями президента В. Путина, министра иностранных дел С. Лаврова, президента Сирии Б. Асада стали положительные герои (соответственно Сухов, Верещагин и Саид), а в облике басмача Абдуллы был изображен президент США Б. Обама. Календарь получил широкий медийный резонанс, и это позволяет предположить, что кинообразы популярных советских фильмов выступают значимым ресурсом современной символической политики. Мы разделяем понимание символической политики как деятельности политических акторов, направленной на производство и продвижение/навязывание определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих [Малинова, 2010]. Одним из акторов символической политики является кинематограф, который не только транслирует существующие в обществе представления и ценности (и это определяет успешное декодирование информации), но и продуцирует новые, используя для этого создание кинокартин, кинокритику, проведение кинофестивалей, учреждение премий, составление рейтингов и др.

Для исследователей символической политики фильм «Белое солнце пустыни» любопытен тем, что производство интерпретаций социальной реальности, в том числе весьма отличных от первоначальных, появившихся во время выхода картины, активно продолжается и сегодня. Цель настоящей статьи состоит в анализе одного из аспектов символической политики, связанной с политизацией кинообразов холодной войны, — аспекта гендерного. Как созданные в фильме образы участвуют в формировании и поддержании национальных моделей мужественности в современной России? Какую трансформацию эти образы претерпевают по сравнению с оригиналом? Какую оценку они получают в сегодняшних социальных представлениях? Каким образом происходит политизация этих кинообразов? Отвечая на эти вопросы, мы вначале рассмотрим маскулинность героев «Белого солнца пустыни» в контексте символической политики периода холодной войны. Далее речь пойдет о том, как эта маскулинность воспринимается и оценивается нашими современниками. Наконец, заключительная часть статьи посвящена использованию исследуемых кинообразов в современной символической политике.

**Наш ответ Джеймсу Бонду: маскулинность героев фильма
в контексте кинематографической холодной войны**

Явлением политики фильм «Белое солнце пустыни» стал еще на стадии создания, и уже тогда он был связан с дискурсами как ориентализма, так и антизападничества. Что касается «восточной» составляющей фильма, то на соответствие его практикам ориентализма обращали внимание многие исследователи. Так, И. Новикова показала, что в фильме отражается основная идея ориентализма — цивилизующая миссия Запада на Востоке, который предстает отсталым, опасным, кровожадным, необузданным, что проявляется и в гендерных нормах [Новикова, 2004: 78—85] (см. также: [Said, 1978]). Действительно, репрезентации маскулинности Абдуллы как архаичной (включая чрезмерную жестокость и средневековое отношение к женщине) типичны для легитимации колониального присутствия, что описано в работах по ориентализму (напр.: [Niva, 1998]). Лозунг «Долой предрассудки. Женщина — она тоже человек!» (в фильме мы видим его на плакате в «1-м общежитии свободных женщин Востока» (ил. 1)) служит обоснованию идеи необходимости социальных преобразований в Средней Азии, осуществляемых при сильной поддержке России¹.

Ил. 1. Кадр из фильма
«Белое солнце пустыни»

Однако у фильма есть и «западное» измерение: он выступает частью кинематографической холодной войны [Shaw, Youngblood, 2010]. Фильм был задуман как историко-приключенческий на волне, с одной стороны, успеха «Неуловимых мстителей» (реж. Э. Кеосаян, 1966)² и, с другой, популярности тех американских вестернов, которые были допущены в советский прокат (прежде всего, «Великолепной семерки» (реж. Дж. Стерджес, 1960)). Как и в типичном вестерне, в исследуемой картине герой в одиночку расправляется с врагами и спасает женщин от злодеев. Однако совпадения поведенческих моделей героя-индивидуалиста в западном вестерне и героя, сражающегося во имя светлого коммунистического будущего всех поработанных народов, в советском истерне быть не могло (об истернах и их отличии от вестернов см.: [Лапина-Кратасюк, 2011; Bohlinger, 2014: 380; Gillespie, 2014: 127—128]). Убежденность в том, что вестерн чужд коммунистической морали, проявила себя в критике той же «Великолепной семерки», в которой принял участие сам Н. Хрущев [Раззаков,

¹ Сегодня же аналогичные дискурсивные практики обнаруживают себя в русофобской пропаганде некоторых политических акторов на Западе: Россия представлена как отсталый Восток, российские женщины — как жертвы патриархата, что проявилось, например, во время президентской кампании в США в 2016 г. [Riabova, 2018].

² Бухтеев М. Как сделать кино. Белое солнце пустыни. Рецепт успеха. 2010. 9 января. URL: <http://mabuk.ru/content/beloe-solntse-pustyni-retsept-uspekha> (дата обращения: 21.08.2018).

2008]³. К тому же образ ковбоя нередко использовался в качестве символа американского империализма, в том числе в советском кинематографе [Riabov, 2017: 202]. Поэтому корректировка персонажей и сюжета в соответствии с иными образцами и стандартами была неизбежной.

Соперничество образов маскулинности играло важную роль в идеологическом противостоянии [Riabov, 2017]. Советские кинорепрезентации западной маскулинности, помимо марксистской критики буржуазного гендерного порядка, имели такой источник, как русское антизападничество, представители которого нередко утверждали, что если западной маскулинности присущ внешний лоск, за которым скрываются эгоизм и гордыня, а иногда и отсутствие подлинного мужества, то русской — при внешней неброскости, смирении, скромности — подлинная стойкость, товарищество и патриотизм [Riabov, 2017: 209—210]. Истоки этого противопоставления можно обнаружить уже в оппозиции «западный рыцарь — русский богатырь», появляющейся в текстах славянофилов второй половины XIX в. [ibid.: 210].

В этой связи интерес представляет эволюция образов главных героев картины. Образы первой версии сценария оказались слишком схематичными и плакатными; для того чтобы зрители полюбили героев, было решено привести эти образы в соответствие с национальными представлениями о мужественности. В ходе переработки роли Верещагина В. Мотыль «наградил» героя богатырской силой, «как у Ильи Муромца или Алеши Поповича»⁴. Примечательно, как П. Луспекаев рассказывал о своей правке, внесенной в роль: его убеждали в картине драться «по-американски», по законам жанра, но он был горд тем, что остался верным себе, используя свои «колотушки»⁵. Идея богатырства Верещагина была оценена: и зрители, и критики увидели то, что хотели показать создатели фильма. Журнал «Советский экран» охарактеризовал героя так: «... пленительный, романтический характер, в котором под конец взорвутся благородные силы. И кинется он очертя голову в схватку с бандитами, и погибнет как истинный богатырь...»⁶

Образ Сухова также подвергся корректировке в соответствии с национальными канонами маскулинности. На заседании худсовета экспериментальной студии «ЭТО» художественный руководитель Г. Чухрай посоветовал придать ему «мужицкий», крестьянский, характер, отметив, что в нем отсутствуют качества,

³ Приведем слова кинокритика тех лет, которые свидетельствуют о том, что вестерн расценивался как средство продвижения интересов США во всем мире. Ф. Раззаков писал, что благородные стремления и беззаветная храбрость, оказывается, присущи только американским ковбоям, этим рыцарям без страха и упрека; в вопиющем противоречии с фактами с помощью фильмов вроде «Великолепной семерки» создается легенда о добрых американцах, которые спешат на помощь народам, попавшим в беду [Раззаков, 2008].

⁴ Интервью с режиссером В. Мотылем // События. 2008. № 5. URL: http://sobytiya.net.ua/archive,date-2008_04_07,article-rejisser_filma_beloje_solntse_pystuni_1/article.html (дата обращения: 21.08.2018).

⁵ *Пития Б.* Киногерой, сыгранный Павлом Луспекаевым, стал символом российской таможни // Независимая газета. 2003. 3 февраля. URL: <https://bdt.spb.ru/пресса/павел-луспекаев/> (дата обращения: 21.08.2018).

⁶ Цит. по: *Мусский И. А.* 100 великих отечественных кинофильмов. М.: Вече, 2005. URL: <https://coollib.com/b/59047/read> (дата обращения: 21.08.2018).

которые могли бы сделать картину оригинальной, отличной от известных западных образцов, чувство мужицкого юмора, мужицкая смекалка, простота и полное отсутствие позы [Раззаков, 2008]. Таким образом, «сознательного бойца революционного пролетарского полка имени товарища Августа Бебеля» превратили в русского солдата, из деревни, который берется за оружие для того, чтобы защищать «правду»⁷. В условиях холодной войны образ Сухова, утверждая приоритет национальной мужественности, воспринимался как ответ не только на кинематографические образы идеализированной западной маскулинности, будь то вестерны или «бондиана».

«Настоящие мужики»: герои фильма в представлениях современных россиян

С самого появления на советских киноэкранах в 1970 г. фильм «Белое солнце пустыни» стал, что называется, народным, в первый год кинопроката его посмотрели 34,5 млн зрителей. Официальное признание, тем не менее, последовало только много лет спустя; в 1998 г. ему присудили Государственную премию РФ, что отражало уже новый виток популярности картины. Любовь к фильму в современной России объясняется не только ностальгией по советской культуре: для значительного числа наших современников он, очевидно, призван давать ответы на сегодняшние вопросы. В 2007 г. «Независимая газета», публикуя материал о Луспекаеве, привела ряд мнений деятелей литературы и искусства о причинах востребованности картины у нынешнего поколения зрителей. Приведем одно из них: «В фильме... наше подлинное представление о самих себе. Мы мощные, снисходительные и несуетливые. <...> Зла мы никому не желаем, а, уж когда все наконец выходит за рамки, молча, но довольно решительно устраняем неправду и зло»⁸. Действительно, картина не просто стала частью массовой культуры (ил. 2), но также превратилась в элемент национальной мифологии и российской идентичности.

Ил. 2. Сувенирная футболка.

URL: <http://maek-mir.ru/muzhskije-futbolki/futbolka-ja-mzdu-nje-bjeru-1>
(дата обращения: 21.08.2018)

Изменение гендерных канонов в России XXI в. выступило, на наш взгляд, одной из причин того, что фильм воспринимают как явление современное: характеристики главных положительных персонажей практически совпали с новыми представлениями о мужественности. Создание новой модели национальной

⁷ Киновед Н. Зоркая отмечает, что режиссер приблизил историю красноармейца Сухова к русским фольклорным истокам, к народной традиции рассказа о солдате-мироотворце [Зоркая, 2005] (см. также: [Абдуллаева, 2016: 127]).

⁸ См.: Дунаевская О. Народный Верещагин и подлинная героиня // Независимая газета. 2007. 13 апреля. URL: http://www.ng.ru/saturday/2007-04-13/15_luspekaev.html (дата обращения: 21.08.2018).

маскулинности стало частью новой политики национальной идентичности в 2000-х гг., которую мы называем «ремаскулинизация России». Таковой стала модель «мужика», представляющая собой синтез традиционной русской, советской и либеральной маскулинности. Она включает в себя соответствие реалиям постсоветского общества, предполагающим экономическую самостоятельность и индивидуальный успех; однако, в отличие от воображаемого мужчины современного Запада, «мужик» вынослив, силен; он надежный товарищ и патриот и при этом далек от норм толерантности и феминизма (см. подробнее об образе «мужика» как гегемонной маскулинности: [Рябова, 2009: 156]). Канон «мужика» формируется под влиянием многих факторов, среди которых социально-экономические отношения; символическая борьба, осуществляемая различными политическими акторами; позиции России на международной арене. Но это тема отдельного исследования. Сейчас мы бы хотели обратить внимание на фактор культурно-семиотический: в культуре функционируют образы, ставшие специфическим строительным материалом этого канона. Легитимация «мужика» как гегемонной маскулинности осуществляется в том числе за счет апелляции к тем образам культуры, которые обладают значительным символическим капиталом. «Мужик», «настоящий мужик» — это приемлемая в большинстве социальных групп современного российского общества оценка соответствия образцовой мужественности. И сам режиссер фильма характеризует главного героя как «мужика» («Я сделал из Сухова настоящего мужика!»⁹); подобную оценку он высказал уже в наши дни, в 2008 г., что, впрочем, также показательно.

Анализ мнений зрителей исследуемого фильма в последнее десятилетие (высказанных на форумах к сайтам, где можно посмотреть фильм и его фрагменты, в комментариях на специализированных ресурсах, рекламирующих кинопродукцию) показывает, что качества, которые они видят в главных героях картины, соответствуют этому канону. Например, один из отзывов содержит такую оценку: «Сухов и Верещагин — оба являются образцом, сутью настоящего РУССКОГО мужика. Именно за такой характер мы и любим наших мужей»¹⁰.

Среди характеристик новой мужественности, прочитываемых зрителями в главных героях, — сила, чувство долга, верность Родине, которая и для «красного», и для «белого» одна. Товарищество, мужское братство — также важный маркер («Как они понимают друг друга с полуслова — Сухов и Верещагин. Хотя враги»¹¹). Комментаторы восхищаются и нежным, уважительным отношением Сухова к Катерине Матвеевне¹², при этом рекомендуя смотреть фильм тем, кто «заботится о воспитании мальчиков», поскольку он, по их мнению, учит защищать женщин и быть героем¹³.

⁹ Владимир Мотыль: «Я сделал из Сухова настоящего мужика!» URL: <http://www.smena.ru/news/2008/02/26/13463/> (дата обращения: 21.08.2018).

¹⁰ См. комментарии: Гарем товарища Сухова. 2013. 14 августа. URL: <http://back-in-ussr.com/2013/08/garem-tovarisha-suhova.html> (дата обращения: 21.08.2018).

¹¹ Фильм «Белое солнце пустыни»: авторский блог. URL: <http://znichka.com/post218098025/comments> (дата обращения: 21.08.2018).

¹² Отзыв.expert. URL: <http://otzyv.expert/zahvativayushiy-interesniy-vestern-868800> (дата обращения: 21.08.2018).

¹³ Отзыв на фильм «Белое солнце пустыни». URL: <https://www.ivy.ru/watch/53922/comments> (дата обращения: 21.08.2018).

Кинокритики и комментаторы нередко акцентируют специфику национальной мужественности Сухова и Верещагина. Приведем показательную характеристику Сухова с сайта «Кинотеатр.ру», которую дает зритель: «Главный герой — обычный русский мужик, из чувства долга и стремления, считаю, именно к идеалам заброшенный далеко от дома, верящий в добро и в свою правоту, продолжает защищать тех, кто в этом нуждается. Он не считает себя героем, а просто делает то, что должен. Сам не сторонник насилия, но ради других пойдет на бой. Тоска по дому и семье не мешает ему заботиться о других: о молодом красноармейце и о женском гареме. Для него они все просто люди, которые нуждаются в его помощи»¹⁴.

В образе Верещагина акцентируется богатырство. Киноведы, журналисты, зрители нередко вспоминают о персонажах былин, что, как упоминалось выше, было одной из составляющих замысла режиссера. Так, в «Независимой газете» приводится оценка, высказанная современным режиссером: «Верещагин не случайно стал одним из любимых народных героев. Тут совпали редкое актерское обаяние самого Павла Борисовича (Луспекаева. — *Т. Р.*) и национальный архетип, видимо, восходящий к Илье Муромцу. <...> Он просыпается, выходит из берлоги и восстанавливает попорченную справедливость»¹⁵.

Как было отмечено, в современной России образ «мужика» формируется в противовес западным моделям маскулинности, что укрепляет символическую границу между «своими» и «чужими», и в восприятии «Белого солнца пустыни» это тоже отражается.

Так, в одном зрительском отзыве говорится, что Сухов «Джеймсу Бонду даст наперед сто очков»¹⁶, хотя фильм посвящен совсем другому периоду истории, другой теме и главный злодей в нем олицетворяет Восток. Для этого зрителя важно превосходство над главным кинематографическим героем холодной войны противоборствующего лагеря. Именно Запад, и прежде всего США, играет роль важнейшего значимого Другого в поддержании постсоветской идентичности россиян. Поэтому на форумах главных героев сравнивают с героями американского кино, а фильм — с «голливудскими бреднями» (например: «Когда один тов. Сухов с помощью Саида уничтожает целую банду басмачей, в это веришь, потому что знаешь, что наши люди так могут. А когда смотришь, как это делает задрипанный и разрекламированный американский морпех или рейнджер, хочется только смеяться»¹⁷).

¹⁴ См. комментарии: Кинотеатр.ру. URL: <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/475/fozum/> (дата обращения: 21.08.2018).

¹⁵ Дунаевская О. Указ. соч. Заслуживают внимания и «медвежьи» коннотации образа Верещагина: сравнение мужика с медведем не редкость, при том что символ медведя активно привлекается к легитимации власти [Riabov, Lazari, 2009].

¹⁶ Фильм «Белое солнце пустыни»: отзыв. URL: https://otzovik.com/review_1064358.html (дата обращения: 21.08.2018).

¹⁷ См., напр., комментарии: «Белое солнце пустыни»: фильм. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=GqnqFhc9ah0>; «Ваше благородие, госпожа удача»: фрагмент фильма. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rwWEM18RGkI> (дата обращения: 21.08.2018). Отметим еще одно отличие от «западных суперменов», приписываемое героям картины, которое было выявлено в ходе проведенного нами социологического исследования (2015), посвященного современному российскому антизападничеству.

Получается, что образы, созданные почти пятьдесят лет тому назад, оказались востребованными в нынешних социальных, культурных и политических реалиях в том числе и потому, что соответствуют нынешним образцам национальной мужественности; неудивительно, что они активно привлекаются актерами символической политики.

«За державу обидно»? Кинообразы фильма в современной символической политике

Кратко охарактеризуем, как «Белое солнце пустыни» используется в различных формах современной символической политики. Патриотизм, как было отмечено, выступает атрибутом канона «мужика». Поскольку герои фильма считаются символом служения стране и верности долгу, то их образы используются для обеспечения легитимности власти или ее делегитимации, включаются как в ее поддержку, так и в ее критику. Скажем, фраза «За державу обидно» часто используется в делегитимации власти, для выражения разочарования ее действиями, будь то на международной арене или во внутренней политике¹⁸. В большую политику она пришла, вероятно, вместе с изданной под таким названием книгой А. Лебедева в 1995 г.¹⁹ Для генерала это было началом политической карьеры в качестве одного из лидеров Конгресса русских общин, а также кандидата в президенты на выборах 1996 г.; он критиковал власти страны того времени, позиционируя себя в качестве державника.

На вопрос, мог ли фильм «Белое солнце пустыни» быть снят американским режиссером, мы получили отрицательные ответы, сопровождаемые таким комментарием: «Наш человек, в отличие от американского супергероя, человек с душой» (интервью (N=27) проводилось в г. Иваново; выражаем благодарность Е. Лебедевой за работу с информантами).

¹⁸ Даже энциклопедические словари предлагают подобную интерпретацию, утверждая, что тот, кто использует эту фразу, хочет подчеркнуть «вопиющее несоответствие между потенциалом страны и ее действительным положением» (Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / авт.-сост. В. Серов. М.: Локид-Пресс, 2003. URL: <http://www.bibliotekar.ru/encSlov/8/2.htm> (дата обращения: 21.08.2018)). На наш взгляд, это не единственно возможная интерпретация фразы Верещагина «Я мзду не беру — мне за державу обидно», она не содержит критики в адрес страны или власти, а лишь декларирует важнейшее правило его службы на таможне, которое состоит в стремлении не допустить «обиды» державы, защитить ее интересы (ср. слова Александра Невского «За обиду Русской земли встану!» в фильме С. Эйзенштейна).

¹⁹ *Лебедев А. И.* За державу обидно... М.: Моск. правда, 1995. Впоследствии вышло еще несколько книг оппонентов власти с таким названием (напр.: *Мухин Ю.* За державу обидно. М.: Яуза, 2006). Эта фраза регулярно использовалась в левопатриотической риторике (напр.: За державу обидно, за Россию нашу, за кровь родителей... // Советская Россия. 2003. 15 мая. URL: https://www.sovross.ru/old/2003/051/051_4_1.htm (дата обращения: 21.08.2018); «За державу обидно!» На правительственном часе в Госдуме выступили депутаты-коммунисты и задали вопросы министру экономического развития. URL: <https://kprf.ru/dep/gosduma/activities/172818.html> (дата обращения: 21.08.2018)), в том числе в дискурсе кандидата в президенты на выборах 2018 г. П. Грудина: «Меня как-то спросили: “А зачем ты идешь на выборы президента?” Я сказал: “За державу обидно!”» (URL: <https://www.omskkprf.ru/redway/za-derzavu-obidno> (дата обращения: 21.08.2018)).

Что касается вклада в легитимацию власти, то сама популяризация канона «мужика» становится политически значимой. Мы уже отмечали, что одним из способов легитимации являются репрезентации В. Путина как «настоящего мужика» [Ryabova, Ryabov, 2011] (см. также: [Sperling, 2016; Wood, 2016]). При этом такую оценку президента разделяют многие россияне; полученные нами ранее данные [Рябова, 2009; Ryabova, Ryabov, 2011] были подтверждены в ходе недавнего общероссийского опроса, проведенного Левада-центром (24—25 октября 2017 г.): в ответ на открытый вопрос, чем их привлекает Путин, наибольшее число респондентов (19 %) подчеркивают «мужество», «решительность», «силу», «спокойствие», «смелость», «уверенность в себе» президента и характеризуют его как «настоящего мужика»²⁰.

Образ Путина как воплощение традиционной маскулинности появляется в массовой культуре в различных видах: от римского императора до былинного богатыря и от героя вестернов до Супермена [Riabova, 2018]. Встречается и его ассоциирование с Суховым, особенно во внешнеполитическом дискурсе (например, на демотиваторе, изображающем президентов России и США²¹).

Фильм «Белое солнце пустыни» стал еще более востребованным с началом операции ВКС РФ в Сирии, в условиях актуализации темы борьбы с международным терроризмом (ил. 3). Так, надпись на одном из демотиваторов с портретом Сухова гласит: «Воевал с ИГИЛ еще до того, как это стало мейнстримом»²². Оценка Сухова российским историком как одного из «вежливых людей» и проведение аналогии с поведением российского офицерства при колонизации национальных окраин [Костров, 2017] также может расцениваться как элемент символической политики, актором которой в данном случае выступает представитель экспертного сообщества. Легитимируя внешнюю политику страны, этот образ вносит вклад и в легитимацию власти, которая ее проводит.

Ил. 3. Демотиватор «Саид, которые тут умеренные?».
URL: <https://fishki.net/photo/1712019-said-kotorye-tut-umerennye.html>
(дата обращения: 21.08.2018)

²⁰ Настоящий мужик: что россияне думают о Путине? 2017. 20 ноября. URL: <http://actualcomment.ru/nastoyashchiy-muzhik-cto-rossiyane-dumayut-o-putine-1711201204.html> (дата обращения: 21.08.2018).

²¹ Увидишь Обаму — не трогай. Он мой! URL: https://twitter.com/pravdiva_pravda/status/586894140308328448 (дата обращения: 21.08.2018).

²² Россия и Запад: политика в картинках. 2017. 14 марта. URL: <http://mykor.ru/blogs/blog-trang-a/rossija-i-zapad-politika-v-kartinkah-61.html> (дата обращения: 21.08.2018).

Кроме того, образ Сухова — борца с международным терроризмом — привлекается и для репрезентаций президента. Примером здесь может служить уже упомянутый календарь «Белое солнце пустыни» фотохудожника А. Будаева. Он был выпущен в 2016 г. ко дню рождения президента, а в 2017 и 2018 гг. переработан и издан под названием «Белое солнце Пальмиры». Телерепортажи об операции в Сирии, по мнению автора календаря, являются продолжением советского блокбастера²³; сюжеты и образы фильма помогли интерпретировать операцию ВКС России: Сухов и Верещагин противостоят в сирийской пустыне басмачам (исламистам), они непременно победят зло в лице Абдуллы (который выглядит как президент США, сначала как Б. Обама, а в последнем выпуске — как Д. Трамп) (ил. 4, 5). Документальные кадры (на которых мы видим ракеты «Калибр» и Пальмиру) накладываются на хорошо узнаваемые сюжеты фильма. Образ Путина как Сухова транслирует те ценности, которые включаются в канон «мужика»: главный герой лишен позерства, но силен, умен, хладнокровен, надежен, на него можно положиться...

Ил. 4, 5. Страницы календаря А. Будаева «Белое солнце пустыни» и «Белое солнце Пальмиры». URL: www.budaev.ru (дата обращения: 21.08.2018)

Комментаторы, обсуждающие календарь на форумах, не сомневаются в правомерности параллелей между эпохами, которые разделяют без малого сто лет, хотя не все из них согласны с авторской оценкой современных политиков. Одни подчеркивают органичность Путина в роли Сухова («От него идет такая мощь, такая уверенность. За державу радостно! “Белое солнце пустыни” продолжает жить...»), другие же выражают сомнение в том, что кто-то из нынешних политиков может быть похож на главного героя картины, поскольку тот был «честный коммунист, хозяин, преданный борец с коррупцией, мафией и буржуазией, монополистами...»²⁴. Более единодушны комментаторы в своем отношении к репрезентациям Обамы в облике Абдуллы (например: «...политически Обама, конечно, правильно изображен Абдуллой, но реально Абдулла был воин, а Обама... в гольф играет. Он кабинетный воин»²⁵). Любопытно, что «Белое солнце

²³ См.: *Грачев И.* Операция в Сирии стала продолжением «Белого солнца пустыни»: Путин как Сухов, Асад как Саид // Комсомольская правда. 2015. 27 октября. URL: <https://www.kp.ru/daily/26450/3321275/> (дата обращения: 21.08.2018).

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

пустыни» — фильм, в котором нет американских персонажей, — и на стадии создания, и в сегодняшних интерпретациях несет в себе заметную антиамериканскую составляющую...

Таким образом, этногендерные стереотипы — устойчивые, разделяемые, упрощенные представления о мужчинах и женщинах определенной культуры — выступают важным ресурсом символической политики. Кинематограф как актер символической политики активно использует их в производстве значений и смыслов социальной реальности. Нередко кинообразы продолжают функционировать в политической сфере спустя много лет после выхода фильма, и за их интерпретацию идет символическая борьба между различными акторами.

Успех фильма «Белое солнце пустыни» у зрителей был вызван и тем, что создаваемые образы опирались на этногендерные стереотипы. Образы кинофильма были частью символической политики периода холодной войны, включающей и ориенталистские, и антизападные смыслы. Эти образы использовались в качестве элемента политики памяти, легитимирующей роль России в Средней Азии; вместе с тем они выступали как ответ на модели маскулинности, производимые западным кинематографом.

Символический капитал этих образов используется в том числе в формировании гегемонной маскулинности постсоветской России — канона «настоящего мужика», который, в свою очередь, привлекается для легитимации власти и проводимой ею внешней и внутренней политики. Фильм «Белое солнце пустыни» занимает важное место в социальных представлениях наших современников, и приближающийся полувековой юбилей его выхода, очевидно, сделает этот интерес, а следовательно, и использование его политиками еще заметнее.

Библиографический список

- Абдуллаева Л. Х.* Мифопоэтические детали в фильме В. Мотыля «Белое солнце пустыни» // Научный диалог. 2016. № 6. С. 125—132.
- Зоркая Н. М.* История советского кино. СПб.: Алетейя, 2005. 544 с.
- Костров А. В.* Белое солнце геополитики // Новый исторический вестник. 2017. № 1. С. 152—165.
- Лапина-Кратасюк Е. Г.* Красное на белом: к вопросу о культурной специфике жанра «истерн» // Вопросы культурологии. 2011. № 5. С. 117—120.
- Малинова О. Ю.* Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере // Политическая экспертиза. 2010. № 1. С. 5—29.
- Новикова И. И.* «Тонкие дела» за «горными вершинами»: ориентализм в советских фильмах // Гендерные исследования. 2004. № 10. С. 66—86.
- Раззаков Ф.* Гибель советского кино. Интриги и споры, 1918—1972. М.: Эксмо, 2008. 704 с.
- Рябова Т. Б.* Гендерные стереотипы в политической сфере современного российского общества: социологический анализ: дис. ... д-ра социол. наук / Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. Иваново, 2009. 385 с.
- Bohlinger V.* «The East is a delicate matter»: White Sun of the Desert and the Soviet western // International Westerns: Re-Locating the Frontier / ed. by C. J. Miller, A. B. van Riper. Lanham: Scarecrow Press, 2014. P. 373—393.
- Gillespie D.* Russian Cinema. Oxfordshire; New York: Routledge, 2014. 201 p.

- Niva S. Tough and tender: new world order masculinity and the Gulf War // *The «Man» Question in International Relations* / ed. by M. Zalewski, J. Parpart. Boulder: Westview Press, 1998. P. 109—127.
- Riabov O. Gendering the American enemy in Early Cold War Soviet films (1946—1953) // *Journal of Cold War Studies*. 2017. Vol. 1, № 1. P. 193—219.
- Riabov O., Lazari A. de. Misha and the bear: the bear metaphor for Russia in representations of the «Five-Day War» // *Russian Politics and Law*. 2009. Vol. 47, № 5. P. 26—39.
- Riabova T. «The clash of masculinities»? Gendering Russia-Western relations in popular geopolitics // *Russia as Civilization: Critical Perspectives on the Civilizational Turn in Contemporary Russia* / ed. by S. Turoma, K. J. Mjør, V. Oittinen. London; New York: Routledge, 2018. P. 88—110.
- Ryabova T., Ryabov O. The real man of politics in Russia: (On gender discourse as a resource for the authority) // *Social Sciences*. 2011. Vol. 42, № 3. P. 58—74.
- Said E. W. *Orientalism*. New York: Pantheon Books, 1978. 368 p.
- Shaw T., Youngblood D. *Cinematic Cold War: the American and Soviet Struggle for Hearts and Minds*. Lawrence: University Press of Kansas, 2010. 312 p.
- Sperling V. Putin's macho personality cult // *Communist and Post-Communist Studies*. 2016. Vol. 49, № 49. P. 13—23.
- Wood E. A. Hypermasculinity as a scenario of power: Vladimir Putin's iconic rule, 1999—2008 // *International Feminist Journal of Politics*. 2016. Vol. 18, № 3. P. 329—350.

References

- Abdullaeva, L. (2016) Mifopoëticheskie detali v fil'me V. Motylia “Beloe solntse pustyni” [Mythology and poetics in Motyl's film “The White Sun of the Desert”], *Nauchnyĭ dialog*, no. 6 (54), pp. 125—132.
- Bohlinger, V. (2014) “The East is a delicate matter”: White Sun of the Desert and the Soviet western, in: Miller, C. J., van Riper, A. B. (eds), *International Westerns: Re-Locating the Frontier*, Lanham: Scarecrow Press, pp. 373—393.
- Gillespie, D. (2014) *Russian Cinema*, Oxfordshire, New York: Routledge.
- Kostrov, A. V. (2017) Beloe solntse geopolitiki [The white sun of geopolitics], *Novyĭ istoricheskii vestnik*, no. 1, pp. 152—165.
- Lapina-Kratasiuk, E. G. (2011) Krasnoe na belom: k voprosu o kul'turnoi spetsifike zhanra “istern” [Red on the white: on the question about cultural features of eastern as a genre], *Voprosy kul'turologii*, no. 5, pp. 117—120.
- Malinova, O. Iu. (2010) Konstruirovaniĭ makropoliticheskoĭ identichnosti v postsovetскоĭ Rossii: simvolicheskaia politika v transformiruiushcheĭsia publichnoĭ sfere [Constructing macro-political identity in Post-Soviet Russia: symbolic policy in the transforming public sphere], *Politicheskaiia ekspertiza*, no. 1, pp. 5—29.
- Niva, S. (1998) Tough and tender: new world order masculinity and the Gulf War, in: Zalewski, M., Parpart, J. (eds), *The “Man” Question in International Relations*, Boulder: Westview Press, pp. 109—127.
- Novikova, I. I. (2004) “Tonkie dela” za “gornimi vershinami”: orientalism v sovetskikh fil'makh [“Delicate matters” behind “mountain peaks”: orientalism in Soviet films], *Gendernye issledovaniia*, no. 10, pp. 66—86.
- Razzakov, F. (2008) *Gibel' Sovetskogo kino. Intrigi i spory, 1918—1972* [Death of Soviet cinema: intrigues and discussions], Moscow: Èksmo.
- Riabov, O. (2017) Gendering the American enemy in Early Cold War Soviet films (1946—1953), *Journal of Cold War Studies*, vol. 1, no. 1, pp. 193—219.

- Riabov, O., de Lazari, A. (2009) Misha and the bear: The bear metaphor for Russia in representations of the “Five-Day War”, *Russian Politics and Law*, vol. 47, no. 5, pp. 26—39.
- Riabova, T. (2018) “The clash of masculinities”? Gendering Russia-Western relations in popular geopolitics, in: Turoma, S., Mjør, K. J., Oittinen, V. (eds), *Russia as Civilization: Critical Perspectives on the Civilizational Turn in Contemporary Russia*, London, New York: Routledge, pp. 88—110.
- Riabova, T. B. (2009) *Гендерные стереотипы в политической сфере современного российского общества: социологический анализ: Дис. ... д-ра социол. наук [Gender stereotypes in political sphere of contemporary Russian society: sociological analysis: Diss. (Dr. Sc.)]*, Nizhniĭ Novgorod.
- Ryabova, T., Ryabov, O. (2011) The real man of politics in Russia: (On gender discourse as a resource for the authority), *Social Sciences*, vol. 42, no. 3, pp. 58—74.
- Said, E. W. (1978) *Orientalism*, New York: Pantheon Books.
- Shaw, T., Youngblood, D. (2010) *Cinematic Cold War: The American and Soviet Struggle for Hearts and Minds*, Lawrence: University Press of Kansas.
- Sperling, V. (2016) Putin’s macho personality cult, *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 49, no. 49, pp. 13—23.
- Wood, E. A. (2016) Hypermasculinity as a Scenario of Power: Vladimir Putin’s iconic rule, 1999—2008, *International Feminist Journal of Politics*, vol. 18, no. 3, pp. 329—350.
- Zorkaia, N. M. (2005) *Istoriia sovetskogo kino [History of Soviet cinema]*, St. Petersburg: Aleteĭia.

Статья поступила 30.08.2018 г.

Информация об авторе / Information about the author

Рябова Татьяна Борисовна — исполнитель по гранту, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия (Grant Contractor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation); доктор социологических наук, профессор кафедры политологии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, riabova2001@inbox.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor at the Department of Political Science, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2018. No. 4. P. 49—59
DOI: 10.21064/WinRS.2018.4.5

Женщина в российском обществе
2018. № 4. С. 49—59
ББК 60.028.13
DOI: 10.21064/WinRS.2018.4.5

ТЕХНОЛОГИИ СОЗДАНИЯ МИФА О РАВНОПРАВИИ ПОЛОВ: СОВЕТСКИЕ ПРАКТИКИ

О. А. Хасбулатова

Ивановский государственный университет,
г. Иваново, Россия, oax37@mail.ru

Статья посвящена исследованию технологий создания мифа о равноправии полов в СССР. На основе изучения документальных, публицистических и статистических источников автор делает вывод о том, что на протяжении всего советского периода с помощью различных пропагандистских методов обществу внушалась мысль о равноправии полов, при этом за женщиной закреплялись три социальные роли: труженица, мать, домохозяйка. Участие женщин в управлении государством носило больше декларативный, чем практический характер. Высокая перегруженность женщин многочисленными обязанностями ставила их в неравное социальное положение по сравнению с мужчинами, которые доминировали в экономической, управленческой, научной сферах общества. Эта идеология была, по сути, патриархатна, она внушала женщинам и обществу в целом ложные представления о равноправии полов. К технологиям мифологизации массового сознания о гендерном равноправии отнесены правовые нормы, жестко регулировавшие все сферы жизнедеятельности женщин; пропагандистская деятельность партийных комитетов, выдававших вовлечение женщин в общественное производство за фактическое равноправие полов; введение цензуры над средствами массовой информации; подмена понятий в вопросе о роли мужчины в семье; обращение к архаичным ценностям; манипуляции гендерной статистикой.

Ключевые слова: гендерный миф, патриархальность массового сознания, манипуляция гендерной статистикой, гендерный дисбаланс в пользу мужчин, технологии создания политического мифа о равноправии полов.

TECHNOLOGIES OF GENDER EQUALITY MYTH CREATION: SOVIET PRACTICES

O. A. Khasbulatova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation,
oax37@mail.ru

The article investigates technologies of creation a myth about gender equality in the USSR. Based on the study of documentary, journalistic and statistical sources, the author concludes that throughout the Soviet period, through various advocacy and management techniques, the idea of gender equality was instilled in society, while three social roles were assigned to a women: to be a worker, a mother, a housewife. Women's participation in government was more declarative than practical. The high overload of women with their numerous responsibilities placed them in an unequal social position compared to men who dominated the economic, managerial, and scientific elites of society. This ideology was essentially patriarchal, it inspired women and society as a whole with false ideas about gender equality. Technologies of mythologization of mass consciousness about gender equality includes legal norms that tightly regulate all spheres of women's life, the propaganda activities of party committees, the introduction of censorship over the media, the substitution of concepts about the role of men in the family, appeal to archaic values, manipulation of gender statistics.

Key words: gender myth, patriarchal mass consciousness, manipulation of gender statistics, gender imbalance in favor of men, technology for creating the myth of gender equality.

О методологии исследования

Современная мифология относится к сфере научного знания, которая интересовала ученых различных областей: философов, лингвистов, политологов, социологов. По мнению исследователей, мифом может быть все что угодно: религиозная самоидентификация народа, историко-культурная реальность прошлых лет, массовая культура, политическое и общественное поведение личности и общности, создаваемые политиками и средствами массовой информации. Ученые отмечают, что, являясь социокоммуникативной системой, миф пытается выдавать себя за комплекс фактов, которые усваиваются новыми поколениями и становятся образцами социального поведения. Казалось бы, миф относится к событиям прошлого, однако его значение состоит в том, что в определенный период времени миф объясняет и прошлое, и настоящее, и будущее [Лосев, 1991; Барт, 1994; Леви-Стросс, 2001; Кольев, 2003; Флад, 2004].

Типология мифов разнообразна: от античных мифов, историко-культурной реальности предшествующих лет, бытовой мифологии до идеологических и политических мифов. Мифологическое знание — это знание, которое базируется не на доказательствах, а на вере и убеждении, предписываемых идеологической системой. Постепенно, в результате применения комплекса технологий, вымысел начинает восприниматься как подлинное, реальное событие, становится примером для подражания.

Ряд мифов складываются стихийно, другие специально разрабатываются и распространяются идеологами на основе социальных стереотипов, столетиями складывающихся в общественном сознании. К мифам такой категории относятся гендерные мифы, которые являются предметом исследования в данной статье.

Под гендерным мифом понимается обобщенное представление о признаках равноправия полов, которого придерживается значительная часть общества и которое существенно отличается от реальной действительности. Гендерные мифы формируют и предопределяют поведение и роли женщин и мужчин в обществе. Образ равноправной женщины создается на базе реальных событий, поэтому социум постепенно начинает воспринимать его как сложившийся факт. Люди, верящие в миф, живут и действуют так, как он того требует. С помощью верящих в него людей миф как бы сам себя воплощает в жизнь.

Концепция гендерного мифостроительства в СССР состояла в следующем. Органы государственного управления, партийные комитеты внедряли в общественное сознание образец равноправной женщины, которая обязательно участвовала в общественном производстве и одновременно выполняла роли заботливой жены, матери и хранительницы семейного очага. Высокая производственная и бытовая загруженность, работа на пределе человеческих возможностей выдавались за равноправие полов. Одновременно государство позиционировало себя как единственного защитника интересов женщин, взявшего ответственность за семью и детей. Наделение женщин системой многочисленных льгот сделало их менее конкурентоспособными работниками, полностью зависимыми в своем благополучии от государства. Одновременно шел процесс отчуждения мужчин от семьи, снятия с них ответственности за содержание и воспитание детей. За мужчинами закреплялись функции ведущей производительной силы, защитников страны, главного субъекта сферы политики и управления. Таким образом, под мифом о равноправии полов скрывалась система регулирования жизнедеятельности мужчин и женщин в интересах государства.

Обращение к исследованию гендерных мифов советского периода обусловлено необходимостью нового прочтения отечественной истории с целью извлечения опыта, который не рекомендуется повторять в современной политике по обеспечению равноправия полов.

Первые советские мифы о равноправии полов

На первом этапе социалистического строительства, 1917—1940 гг., партийные комитеты и органы советской власти осуществили целый ряд мер по обеспечению женщинам доступа к образованию, к различным профессиям, предоставлению им льгот и социальной поддержки в связи с выполнением функции материнства. В результате введения в стране всеобщего начального образования (1930 г.) и семилетнего обучения (1931 г.) неграмотность женщин и мужчин в городах была в основном ликвидирована. В 1928 г. были приняты постановления ЦК ВКП(б) о привлечении девушек в высшие учебные заведения и введении квот для девушек на рабфаках технических вузов. Новое законодательство о труде устанавливало равную оплату труда для мужчин и женщин, льготы для женщин в связи с рождением ребенка. Государство ставило задачу готовить квалифицированные женские рабочие кадры не только для легкой

промышленности, но и для металлопромышленности и машиностроения. К 1941 г. женщины составляли 41,6 % от числа работающих в промышленности [Литвинова, Попова, 1975: 13].

Несмотря на равные с мужчинами политические и гражданские права, представительство женщин в органах государственного управления с первых лет советской власти носило декларативный характер. Передовицы газет и журналов накануне Международного женского дня были полны сообщениями, что женщины в СССР занимают руководящие должности. В качестве подтверждения приводилось количество женщин — депутатов Верховного Совета СССР. Например, в 1937 г. их насчитывалось 189 [О Международном коммунистическом дне 8 Марта, 1937: 27]. Процентное соотношение мужчин и женщин во властных структурах в массовой печати не указывалось, поскольку оно было не в пользу женщин. Лишь в более поздних документальных источниках обнаруживается, что в Верховном Совете СССР того периода женщины составляли 16,5 %, мужчины — 83,5 % [Великая Отечественная война... , 1985: 269]. Как покажет дальнейший анализ, подобная практика лакировки действительности с помощью статистики применялась партийными комитетами в течение всего советского периода.

В 1930-х гг. государство осуществляло попытку бытового раскрепощения женщин, в городах была развернута работа по развитию предприятий общественного питания, открывались фабрики-кухни, организовывался новый быт в домах-коммунах. Однако из-за высокого уровня финансовой и материальной затратности эта идея постепенно исчезла из партийных документов и социальной практики.

В результате ответственность за ведение домашнего хозяйства была вновь возложена на женщину. Домашние обязанности ей предписывалось осуществлять параллельно с активным участием в общественной деятельности. Со страниц женских журналов «Работница», «Общественница» на женщин сыпались полезные советы, как распределить время, чтобы работать на производстве, вести домашнее хозяйство и участвовать в общественной работе. Показательны советы, которые давались женщинам для рационализации домашнего хозяйства на страницах журнала «Общественница»: «Приступая к приготовлению обеда, женщина первым делом растапливает плиту, не сделав подготовительных работ, а потом ей приходится суетиться и торопиться: не сгорели бы дрова, прежде чем она успеет принести картошку из погреба, очистить ее, вымыть котел или кастрюлю, в которой должен вариться суп, и т. д. Гораздо проще и экономичнее сначала все приготовить, затем растопить плиту, поставить на нее заранее заготовленные кушанья и, пока они варятся, заняться другой работой: уборкой квартиры, шитьем или даже чтением» [Бабич, 1939: 34].

Примечательно, что редакция журнала поддержала эту статью и обратилась к читательницам с предложением рассказать, как они совершенствуют свой домашний труд, чтобы без ущерба для домашнего хозяйства участвовать в общественной деятельности в свободное от основной работы время. При этом ни слова не говорилось о механизации домашнего труда и распределении обязанностей между членами семьи.

Следует отметить, что с середины 1930-х гг. органы государственного управления скорректировали идеологические установки относительно сущности равноправия полов. Партийными комитетами, профсоюзами, женскими журналами развертывается идеологическая кампания по пропаганде материнства как патриотического долга советской женщины. В этом смысле показательно выступление партийного и государственного деятеля С. Орджоникидзе на встрече со стахановками и женами инженерно-технических работников, который отмечал: «Женщина поднимается в Советском Союзе на высшую социалистическую ступень и заявляет партии: я — жена моего мужа, верная жена, я — мать своих детей, я — воспитательница своих ребят и воспитательница хорошая, но одновременно я — полноправная гражданка, которая вместе со своим мужем работает на пользу своей родины» [Растет и ширится движение... , 1937: 17].

Забота о мужьях в качестве первостепенной задачи женщин была закреплена в постановлении ЦК ВКП(б) и ВЦСПС от 28 декабря 1938 г., где отмечалось: «Женщины должны стараться создать дома мужьям все условия для плодотворной работы и культурного отдыха. Вовремя приготовленный утренний завтрак и обед, культурный отдых, хорошо организованное место дома для домашней работы и учебы — все это очень эффективные меры борьбы с опозданиями, борьбы за повышение культуры труда» [О мероприятиях... , 1939: 25]. Газеты и журналы пестрели выдержками из выступлений государственных деятелей, партийных работников, женских активисток, в которых содержались призывы к женщинам быть боевыми подругами своих мужей, поддерживать их в случае неудач, создавать в семье обстановку уюта и образцового порядка. О том, что у мужа должны быть какие-то обязанности, на страницах журналов и в речах общественных деятелей не было сказано ни слова.

Таким образом, под лозунгом равноправия создавалась патриархатная идеология, внушавшая женщинам ложные представления о равенстве полов. Патриархальные установки сверху органично накладывались на патриархальное сознание самих женщин, которые воспринимали как должное все свои многочисленные производственные, общественные и бытовые обязанности.

В упрощенной, доступной форме, с помощью пропагандистских технологий осуществлялась подмена понятий: патриархальные традиции распределения гендерных ролей в семье представлялись в форме, выгодной органам управления. В результате российское общество продолжало оставаться в плену стереотипов о естественном предназначении полов.

В целях поддержки функции материнства государство установило пособия детям, одиноким и многодетным матерям, открывало детские сады. Параллельно в массовом сознании с помощью печати и других пропагандистских технологий формировался отрицательный образ отца как неупорядоченного человека, пьющего, бросившего жену, уклоняющегося от уплаты алиментов. Со страниц газет и других печатных изданий лились гневные речи несчастных или брошенных жен. Чтобы понять общественную атмосферу, сложившуюся по отношению к мужчинам, достаточно привести заголовки статей в журналах 1930-х гг.: «О коммунистах, забывших своих жен», «Коммунист Кобозев не заботится о своих детях», «Об отцах-преступниках», «Волчьи повадки», «Старый быт надо бить» и т. п. [Хасбулатова, 2005: 198]. В массовое сознание прочно закладывался

стереотип сильного государства и сильного вождя, которые были готовы защищать женщин от всех невзгод и поддерживать их. Составной частью этой кампании стали государственные меры по ужесточению условий развода, закон о запрещении абортов. Рождение и воспитание детей провозглашалось гражданским долгом каждой женщины.

В результате к 1940-м гг. в общественном сознании прочно закрепился миф о «правильном поведении» советской женщины: ударный труд на общественном производстве, материнство, домашнее хозяйство. Партия заявила, что женский вопрос в СССР решен. Именно с этого периода советская женщина стала заложницей «неустанного внимания и заботы со стороны государства». Ее жизненный путь и формы самореализации четко регламентировались партийными решениями, а идеологическая машина умело выдавала это «принуждение к счастью» за равноправие полов.

Гендерные мифы периода «оттепели»

В послевоенный период женщины вернулись к своим привычным обязанностям. В документах КПСС, научной литературе и пропагандистской печати утверждалось, что в стране выполнена задача освобождения от дискриминации по признаку пола [Программа КПСС, 1976: 121]. Оценивая социальное положение женщин, партия обратила внимание на их высокую бытовую загруженность, слабую представленность на руководящих постах, низкий уровень политической активности. В докладе Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС отмечалось, что с целью облегчения обязанностей женщины, одновременно выполняющей функции труженицы, матери и хозяйки дома, необходимо расширять сеть школ-интернатов, предприятий общественного питания и бытового обслуживания [КПСС. Съезд XXI..., 1959: 60]. О роли отца и супруга, как и в предыдущие периоды, не упоминалось.

В 1950—1960-х гг. государственная политика в отношении женщин носила прагматичный характер. Женщины составляли 49 % от общего числа занятых в народном хозяйстве [Народное хозяйство СССР за 60 лет, 1977: 469]. В публицистической литературе подчеркивалось, что профессиональная деятельность женщин является для них «условием личного счастья». Работницы писали: «...главное в том, что мы работаем во имя великой цели, строим коммунизм. Сознание общественной важности своего труда — вот источник вдохновения рабочего любой профессии в нашей стране» [Громова, 1963: 6]. Подобные заявления были типичными для идеологической пропаганды советского периода. Анализ содержания журналов «Советская женщина» и «Работница» показывает, что в них отсутствовали критические материалы о социальном положении женщин, тон всех статей был абсолютно парадным. Между тем в реальности в 50—60-х гг. женщины были вынуждены идти работать, даже если не хотели, так как на заработную плату мужа семья прожить не могла. В общественное производство были вовлечены миллионы домохозяйек.

В период «оттепели» проблемы положения женщин стали обсуждаться публично, впервые публиковались сведения статистики и социологических исследований об их высокой бытовой загруженности. В работах ученых отмечалось, что данное явление тормозит культурное и политическое развитие женщин

и нарушает принцип равноправия полов [Харчев, 1960: 45]. Однако пропагандистская машина, а вслед за ней и средства массовой информации настойчиво внедряли в сознание людей гендерный миф о якобы достигнутом в СССР равноправии полов, который должен был восприниматься без критического осмысления, на веру.

Гендерная мифология эпохи «развитого социализма»

Анализ показывает, что мифологизация равноправия полов была характерна для всего последующего советского периода. 1970—1980-е гг. были провозглашены официальной идеологией этапом развитого социализма и периодом построения коммунизма.

Женщины являлись незаменимой производительной силой, составляли 51 % в общей численности рабочих и служащих [Женщины в СССР..., 1991: 14]. Как и в предыдущие десятилетия, они были сосредоточены в наименее оплачиваемых по сравнению с мужчинами профессиональных сферах. Женщины трудились в социальных, мужчины в технических отраслях, а также преобладали среди руководителей предприятий и учреждений всех типов. Зарботная плата женщин составляла около двух третей заработной платы мужчин [там же: 16—17]. В политике и управлении востребованность женщин была незначительна. Из 426 членов ЦК КПСС женщины составляли 3,3 %. Среди руководителей трудовых коллективов удельный вес женщин составлял 6,9 % [Женщины в СССР..., 1990: 27].

В то же время в официальных партийных документах утверждалось, что женский вопрос решен, что «социализм освободил женщину от экономического и социального угнетения, создал ей равные с мужчиной возможности трудиться, получать образование, участвовать в общественной жизни» [Материалы XXVII съезда КПСС, 1986: 51].

Социальная статистика продолжала участвовать в процессе манипулирования массовым сознанием, работая на миф о равноправии женщин. Чтобы создать видимость благополучия, данные, характеризующие социальное положение женщин, давались в абсолютных цифрах, а не в процентном отношении. Например, в статисточниках сведения о количестве женщин-ученых никогда не давались в процентном отношении. Так, в сборнике «Народное хозяйство в СССР» показывалось, что число женщин — докторов наук составляет 5100 человек. Если сопоставить это количество с количеством докторов наук — мужчин, получится соотношение 14 к 86 % [Народное хозяйство в СССР, 1978: 93]. В целом следует отметить, что статистические сборники советского периода содержали те данные о положении женщин, которые были удобны руководящим органам. Только в 1990 г. статистический сборник «Женщины в СССР» посвятил 30 % объема информации неблагоприятным тенденциям, характеризующим социальный статус советских женщин [Женщины в СССР..., 1990].

В ходе социально-политических трансформаций второй половины 1980-х гг. ЦК КПСС предпринял попытку решить социально-бытовые проблемы женщин с помощью женских советов. Им предписывалось помочь женщине «успешно сочетать материнство с активным участием в трудовой и общественной жизни» [Материалы XXVII съезда КПСС, 1986: 52]. Речь снова шла

о решении социально-бытовых вопросов: улучшении условий труда, распределении мест в дошкольные учреждения, открытии при предприятиях магазинов полуфабрикатов и др. Задач по достижению фактического равноправия полов перед женскими советами не ставилось. Под лозунгами перестройки идеология Коммунистической партии вновь воспроизводила патриархальный стереотип женского предназначения.

Следует отметить, что в конце 1980-х гг. в обществе уже не было полного единодушия по вопросу равноправия полов. На заседании Первого съезда народных депутатов СССР председатель Комитета советских женщин З. П. Пухова впервые за весь советский период выступила с критикой в адрес правительственных структур в связи с отсутствием государственного механизма по улучшению положения женщин [Первый съезд народных депутатов СССР... , 1989: 42]. Однако это обращение осталось без ответа. В условиях наступившего экономического и политического кризиса миф о равноправии полов начал разрушаться, гендерная асимметрия стала приобретать все более явные формы: профессионально подготовленные, энергичные женщины оказались отстраненными от государственного и экономического управления.

Таким образом, можно сделать вывод, что в гендерном мифе конца XX в. уже не было той исторической роли вождя, как в 1930-е гг., но оставалась особая роль государства как «истинного защитника» интересов женщин. «Женская» государственная политика в СССР носила «защитный» характер и стремилась многие вопросы решать за своих граждан. Государство постоянно что-то предлагало женщине для выполнения трех социальных функций, роль отца и супруга в идеологии равенства не просматривалась. Вновь была осуществлена подмена понятий гендерного равенства.

Вместе с тем практика показала, что пройденный российской женщиной исторический путь от полного бесправия к юридическому равноправию и общественному признанию как самостоятельной личности существенно изменил ее жизненные позиции. Несмотря на идеологические и социальные барьеры, советские женщины завоевали активные позиции в самых различных сферах жизнедеятельности общества.

Заключение

Историко-политологический анализ советских практик достижения равноправия полов показал, что в СССР, благодаря целому комплексу пропагандистских мер и практических действий, идеал домохозяйки XIX в. уступил место новой женщине, которая должна была заниматься производственной и общественной деятельностью и при этом нести ответственность за создание мужу условий для карьеры, за воспитание детей и «тепло домашнего очага». Социалистический миф о равноправии полов оказался жизнеспособным в силу глубокой идеологической проработки, опоры на сложившиеся гендерные стереотипы и способности к эклектике.

Проведенный анализ показывает, что мифологизация массового сознания о равноправии полов осуществлялась сверху, образ жизни советских женщин был основан, по сути, на концепции полоролевого подхода. Утвержденный в официальной идеологии и массовом сознании миф о равноправии полов выполнял

компенсаторскую функцию, позволял женщинам верить, что они равноправны, свободны и счастливы.

К ресурсам государственной власти, которые использовались для создания мифа о равноправии полов, целесообразно отнести ряд технологий. Это технологии партийной пропаганды, когда в упрощенной форме через все средства массовой информации постоянно повторяется идея о равноправной советской женщине: в выступлениях партийных лидеров, дискуссиях и статьях в женских журналах, партийной печати, в решениях партийных съездов и активов. Тон всех статей и выступлений был абсолютно парадный, фотографии изображали только счастливые лица. Создавался миф о государстве и Коммунистической партии как единственных защитниках и выразителях интересов женщин и мужчин.

Еще одной технологией можно назвать обращение власти к культурным нормам предшествующих поколений: веками складывающиеся представления о предназначении полов не могли исчезнуть сразу, общество по инерции продолжало считать ведение домашнего хозяйства обязанностью только женщин.

Для создания видимости благополучия при сравнении характеристик социального положения мужчин и женщин партийные комитеты прибегали к технологии лакировки действительности с помощью публикации благополучной гендерной статистики на основе полуправды. Так, степень участия женщин в общественном производстве обозначалась в процентном отношении, а их участие в науке или управлении — в числовом.

Любому мифу нужны герои и антигерои, которые активно участвуют в конструировании реальности. В советском гендерном мифе таким героем было государство, а антигероем — мужчина в роли мужа и отца, которому не была предусмотрена роль супруга, разделяющего с женой все семейные роли [Хасбулатова, 2005: 309].

Таким образом, государственная идеология, основанная на полоролевом подходе, пропитала социальную действительность советского периода, что препятствовало реальной оценке социального положения женщин и мужчин.

На определенной стадии исторического развития научное осмысление прошлого может быть полезно для настоящего. Очевидно, что в современной России общество постепенно избавляется от мифов о гендерном равенстве. Этому способствует государственная политика, в соответствии с которой органы государственного управления не скрывают, а открыто обсуждают препятствия для более полной реализации женщинами всего комплекса прав и свобод. В Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017—2022 гг., принятой Правительством Российской Федерации, отмечается, что на самореализации и развитии индивидуальности российских женщин, свободном выборе ими образа жизни и профессии отрицательно сказываются сложившиеся в обществе представления о социальной роли женщин, которые создают барьеры на пути достижения фактического равноправия женщин и мужчин [Национальная стратегия... , 2017: 9—10].

Как быстро советские мифы о равноправии полов исчезнут из современного общества? Этот вопрос требует отдельного научного исследования.

Библиографический список

- Бабич Л. Рационализация домашнего хозяйства // *Общественница*. 1939. № 1. С. 33—34.
- Барт Р. Миф сегодня // *Избранные работы: семиотика. Поэтика*. М.: Прогресс-Универс, 1994. С. 72—130.
- Великая Отечественная война, 1941—1945: энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1985. 832 с.
- Громова Г. М. Советская женщина — труженица, мать. М.: Профиздат, 1963. 63 с.
- Женщины в СССР, 1990: статистические материалы / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1990. 63 с.
- Женщины в СССР, 1991: статистические материалы / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1991. 63 с.
- Кольев А. Политическая мифология: реализация социального опыта. М.: Логос, 2003. 384 с.
- КПСС. Съезд XXI, Москва, 1959: стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1959. Т. 1. 592 с.
- Леви-Стросс К. Структурная антропология / пер. с фр. В. В. Иванова. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.
- Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991. 525 с.
- Литвинова Г. И., Попова Н. В. Исторический опыт решения женского вопроса в СССР // *Вопросы истории*. 1975. № 11. С. 3—18.
- Материалы XXVII съезда КПСС. М.: Политиздат, 1986. 256 с.
- Народное хозяйство в СССР: статистический ежегодник / ЦСУ СССР. М.: Статистика, 1978. 654 с.
- Народное хозяйство СССР за 60 лет. М.: Статистика, 1977. 710 с.
- Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017—2022 годы: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 марта 2017 г. № 410-р. М., 2017. 22 с.
- О Международном коммунистическом дне 8 Марта: постановление ЦК ВКП(б) // *Общественница*. 1937. № 3. С. 27.
- О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле: постановление ЦК ВКП(б) и ВЦСПС от 28 декабря 1938 г. // *Общественница*. 1939. № 1. С. 24—25.
- Первый съезд народных депутатов СССР, 25 мая — 9 июня 1989 г.: стенографический отчет. М.: Изд. Верховного Совета СССР, 1989. Т. 2. 480 с.
- Программа Коммунистической партии Советского Союза: принята XXII съездом КПСС. М.: Политиздат, 1976. 144 с.
- Растет и ширится движение жен инженеров и техников // *Общественница*. 1937. № 2. С. 17—18.
- Флад К. Политический миф: теоретическое исследование / пер. с англ. А. Георгиева. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 264 с.
- Хасбулатова О. А. Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2005. 372 с.
- Харчев А. Г. Семья в советском обществе. Л.: Лениздат, 1960. 112 с.

References

- Babich, L. (1939) Ratsionalizatsiia domashnego khoziaïstva [Household rationalization], *Obshchestvennitsa*, no. 1, pp. 33—34.
- Bart, R. (1994) Mif segodnia [Myth today], in: *Izbrannye raboty: Semiotika. Poëtika*, Moscow: Progress-Univers, pp. 72—130.

- Flad, K. (2004) *Politicheskiĭ mif: Teoreticheskoe issledovanie* [Political myth: Theoretical research], Moscow: Progress-Traditsiia.
- Gromova, G. M. (1963) *Sovetskaia zhenshchina — truzhenitsa, mat'* [Soviet woman — a worker, mother], Moscow: Profizdat.
- Kharchev, A. G. (1960) *Sem'ia v sovetskom obshchestve* [Family in Soviet society], Leningrad: Lenizdat.
- Khasbulatova, O. A. (2005) *Rossiĭskaia gendernaia politika v XX stoletii: mify i realii* [Russian gender policy in the XX century: myths and realities], Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.
- Kol'ev, A. (2003) *Politicheskaia mifologĭia: Realizatsiia sotsial'nogo opyta* [Political mythology: The implementation of social experience], Moscow: Logos.
- Levi-Stross, K. (2001) *Strukturnaia antropologĭia* [Structural anthropology], Moscow: EKSMO-Press.
- Litvinova, G. I., Popova, N. V. (1975) Istoricheskiĭ opyt resheniia zhenskogo voprosa v SSSR [The historical experience of solving the women's issue in the USSR], *Voprosy istorii*, no. 11, pp. 3—18.
- Losev, A. F. (1991) *Filosofĭia. Mifologĭia. Kul'tura* [Philosophy. Mythology. Culture], Moscow: Politizdat.
- Natsional'naia strategĭia deĭstviĭ v interesakh zhenshchin na 2017—2022 gody* (2017) [National action strategy for women for 2017—2022], Moscow.
- Rastet i shiritsia dvizhenie zhĕn inzhenerov i tekhnikov (1937) [The movement of the wives of engineers and technicians is growing and expanding], *Obshchestvennitsa*, no. 2, pp. 17—18.

Статья поступила 17.09.2018 г.

Информация об авторе / Information about the author

Хасбулатова Ольга Анатольевна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и управления персоналом, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, oax37@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Head of the Department of Sociology and Human Resource Management, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2018. No. 4. P. 60—70
DOI: 10.21064/WinRS.2018.4.6

Женщина в российском обществе
2018. № 4. С. 60—70
ББК 85.374(2)6-3
DOI: 10.21064/WinRS.2018.4.6

СЕМИОТИКА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ГЕНДЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ (К постановке проблемы)

Д. Г. Смирнов^{a, b}

^a Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

^b Ивановский государственный университет,
г. Иваново, Россия, dissovet_212@mail.ru

Анализируется семиотизация международного дискурса, современный этап которой связан с изменением роли гендерных знаков в символической политике. Показан интердискурсивный характер символической политики идентичности. Проанализирована система гендерных знаков. Гендер рассмотрен как семиотическая категория, обуславливаемая существованием гендерных стереотипов и их ролью в социальной действительности. Раскрыты основные тренды семиотического анализа международных отношений и рассмотрения гендера в кино. Кинематограф представлен как одна из технологий гендера, формирующая реалистичное представление об эталоне поведенческих моделей и практик, задаваемых гендерной иерархией. Предложена дефиниция гендерной семиотики, показан ее потенциал в анализе конкретного кинематографического кейса периода холодной войны.

Ключевые слова: международные отношения, символическая политика, кинематограф, технология гендера, гендерная семиотика, гендерные стереотипы, холодная война, образ врага.

SEMIOTICS OF THE INTERNATIONAL RELATIONS: GENDER DIMENSION (Stating the problem)

D. G. Smirnov^{a, b}

^a St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

^b Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, dissovet_212@mail.ru

The article analyzes the semiotisation of international discourse. It is discovered that the current stage of international relations semiotisation is associated with the changing role of gender signs in symbolic politics. The interdiscourse nature of the symbolic identity policy

© Смирнов Д. Г., 2018

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РНФ научного проекта № 18-18-00233 «Кинообразы советского и американского врагов в символической политике холодной войны: компаративный анализ».

is shown. The system of gender marks is analyzed. Gender is considered as a semiotic category determined by the existence of gender stereotypes and their role in social reality. The main trends of the international relations semiotic analysis and the gender cinematic analysis are revealed. The cinema is presented as one of the gender technologies forming a realistic idea of the behavioral models and practices set by the gender hierarchy. The definition of gender semiotics is proposed, its potential is shown in the analysis of specific cinematic case of the Cold War period.

Key words: international relations, symbolic politics, cinema, technology of gender, gender semiotics, gender stereotypes, Cold War, image of the enemy.

Гендерные знаки: семиотизация международного дискурса

Семиотическое измерение в анализе международных отношений отчетливо обозначило себя в зарубежной научной литературе еще в 1970-х гг.¹, сосредоточив внимание на вопросах конструирования и динамики политических образов в пространстве международных отношений [Jervis, 1970], а также проблеме когнитивного детерминизма вприятии/неприятии акторами символической политики «желаемых образов самих себя» [Jervis, 1976]. Непреходящая эвристичность применения общей теории знаков к пространству международных отношений не в последнюю очередь объясняется тем, что «внимание семиотики к значению сближает ее с конструктивизмом» [Гудалов, Тулупов: 2018: 137], который показал себя эффективным инструментом анализа.

Исходная масштабная проблематизация постепенно конкретизировалась, сформировав, по крайней мере, два магистральных направления исследований — семиологическое (изучающее закономерности языка международных отношений) и собственно семиотическое (изучающее символические конвенции, характерные для локальных дискурсов или конкретных кейсов). Последнее направление как раз и задает содержание настоящего исследования.

Разнообразие дискурсов символической политики идентичности определяется характером знаковых систем, которые репрезентуют тот или иной срез международных отношений. Среди таких систем знаков отчетливо выделяются этнические, конфессиональные, расовые, цивилизационные и пр., формирующие собственные дискурсивные семиотики как определенные концепты, через которые разворачивается символическая политика. Современная символическая политика характеризуется синтезом этих концептов.

Особое место в системе знаков международных отношений заняли гендерные знаки² (см., напр.: [Tickner, 1992; Yuval-Davis, 1997; Hooper, 2001; Eriksen, 2002]). Семиосфера гендера на структурном уровне представлена частными гендерными символами, что обнаруживается в «одежде, обуви, причёске,

¹ Примерно к этому же времени, концу 1960-х — началу 1970-х гг., относится «ращение» киноведения и феминистских исследований [Ярская-Смирнова, 2001: 100].

² Для нас гендерные знаки представляют собой символы или символные комплексы, обуславливающие легко распознаваемый (в культуре большинства) код традиционных гендерных ролей [там же: 115]. Применительно к дискурсу международных отношений гендерные знаки, наряду с другими синтезируя образ врага/друга, задают модели межгосударственных отношений.

косметике, парфюмерии; стиле речи, походке; способе времяпрепровождения, круге чтения; форме проявления эмоций; типе автомобиля, велосипеда, практикуемом виде спорта; типе фигуры; функциях, выполняемых в семье; карьерных предпочтениях; отношении к воинской службе; частоте посещения магазинов и их наборе; демонстрируемых моральных качествах и т. д.» [Серебрянская, 2011: 48]. На структурном уровне анализируются масштабные аспекты гендерного дискурса, такие как репрезентации мужественности и женственности, любви, брака, семьи [Рябов, 2018: 90]. В пределе, оформляясь в образы мужчин и женщин, они становятся символическими пограничниками, которые выступают в качестве маркеров включения и исключения, принимая участие в формировании коллективной идентичности, в отделении «своих» от «чужих» и в оценивании первых выше, чем вторых [Yuval-Davis, 1997: 23].

Цель статьи заключается в анализе того, как гендерные знаки конструируют (воспроизводят) и репрезентируют модели международных отношений. Кинематограф (СССР и США) в этом контексте репрезентативен в качестве источника, ибо передает знаки различного когнитивного спектра, соединяя вербальный и невербальный языки. Хронологически нас будет интересовать кинематограф периода холодной войны, где наиболее отчетливо, на наш взгляд, проявляет себя проекция политики противостояния на экране [Федоров, 2010], представленная через борьбу образов «своих» и «чужих».

Гендер как семиотическая категория

В свое время У. Эко убедительно показал, что понимание знака напрямую связано с формированием привычки к действию, которое осуществляется по правилам, установленным этим самым знаком [Есо, 1979: 194—195]. Данный тезис развивают Ш. Кон и Р. Коннелл, с одной стороны, раскрывая социальную (социально-политическую) аспектацию гендера как «организованной вокруг репродуктивной сферы структуры социальных отношений» [Connell, 2002: 10], а с другой — подчеркивая его семиотическое измерение как «созвездия значений, которые культура приписывает биологическим различиям между полами» [Cohn, 1993: 228]. Таким образом, гендер обнаруживает себя не только как политическая проблема, но еще и как семиотический вопрос. Семиотический срез здесь задает правила интерпретации (реконструкции смысла того или иного образа), тогда как политический срез предполагает практики имплементации (воспроизводство этого образа в повседневности).

Подобный синтез политического и семиотического рождает собственно гендерный дискурс, который представляет собой способ символической организации мира в бинарных оппозициях, стороны которых ассоциируются с мужским или женским полом [Cohn, 1993: 230]. Своеобразная семиотизация гендера как сферы социальных отношений обуславливает появление термина «гендерные стереотипы», который, на наш взгляд, более удобен для использования в контексте символической политики. Вслед за К. Ренцетти мы понимаем гендерные стереотипы как «схематизированные, обобщенные образы маскулинности и фемининности» [Renzetti, Curran, 1999: 292] — представления о свойствах и отношениях (ролях, занятиях), характерных для мужчины и женщины.

Гендер, разворачиваясь в символической политике в некоторые символы или их комплексы, оказывается социальным конструктом, который служит определенной цели. Он обладает ярко выраженным семиотическим импульсом. Последний связан с тем, что знак оказывается не просто репрезентантом того или иного гендера — он диктует правила своего прочтения (интерпретации) и требует соблюдения соответствующих правил поведения. Концептом гендерного дискурса в рамках символической политики оказывается отношение власти/подчинения, что не в последнюю очередь обусловило его востребованность в плане выражения не только военных (горячих) конфликтов, но и холодной войны.

Кинематограф как технология гендера

И в СССР, и в США кинематограф (несмотря на его национальную специфику) отражал и эффективно репрезентовал противостояние двух империй [Gillespie, 2002; Shaw, Youngblood, 2010; Рябов, 2013; Федоров, 2017] в разнообразных дискурсах. Гендерный ресурс оказался одним из наиболее эффективных инструментов в силу того, что он относится к дискурсу повседневности: у зрителя имеется уже сложившаяся когнитивная привычка разворачивания смыслов того или иного гендеризированного образа. В этом контексте кинематограф оказывается одной из технологий гендера [Lauretis, 1987: 13], которые предполагают процесс принятия, отождествления, идентификации с диспозициями и эффектами значений, определенными гендерной системой данного общества [Лауретис, 1998: 136—137].

Анализ гендера в кино представлен двумя основными направлениями: контент-анализ и семиотика. Контент-анализ, пользующийся преимущественно методами количественной социологии, интересуют «роли, психологические и физические качества женщин и мужчин», «насилие на экране» [Ярская-Смирнова, 2001: 102]. Семиотика позволяет «обнаружить структуры смыслов», задаваемых присутствием или отсутствием женщин в культурных репрезентациях [там же: 103]. Семиотика задается вопросом, как создается смысл, а не в чем он состоит [там же: 105].

Гендерная семиотика, согласно Т. де Лауретис, разворачивается следующим образом: «... женщина, застывшая в позиции иконы, зрелища или образа, на которую можно смотреть, задает динамичный взгляд как зрителя, так и мужского персонажа(ей). Именно последний командует сразу действием и пейзажем и занимает позицию субъекта видения, которое он передает зрителю» [Lauretis, 1987: 44]. Здесь речь идет даже не столько об отношении власти/подчинения, сколько о более фундаментальном отношении субъекта/объекта.

Характерно, что маскулинность и фемининность «раздваиваются». В кинематографическом языке, как показывает Т. Б. Рябова, возникают, например, две маскулинности: «чужих» — как чрезмерная агрессивность, амбициозность, демонстрация силы мужчин или мужеподобность женщин и «своих», проявляющаяся через качества «настоящих мужчин», коррелирующие с образом власти (ответственность, надежность, справедливость, рациональность). Фемининность также двояка: у «чужих» она предстает как сомнение в их мужественности с целью дискредитации; феминизация «своих» не несет

отрицательного заряда (например, подчеркивание материнской заботы, милосердия, человечности) [Рябова, 2001: 10].

Наряду с признанием бинарности гендерного дискурса следует иметь в виду, что и маскулинность, и фемининность гетерогенны. Так, в исследованиях Р. Коннелл содержится указание на то, что и «мужественность», и «женственность» представляют собой поле конкурирующих дискурсов, определяемых различными социальными идентификаторами [Connell, 1987: 183, 186; 1995: 76]. Общепринято положение об иерархии маскулинностей — гегемонной, с одной стороны, и подчиненных и маргинализируемых — с другой. Подобным образом дело обстоит и с фемининностью, у которой, однако, есть своя специфика: в целом роль женщины в производстве гендерных дискурсов ограничена. Женское бытие предстает как «бытие воспринимаемых» (это очень хорошо видно на примере кинематографического текста): женщины существуют прежде всего через взгляд других и для взгляда других. Так, П. Бурдьё полагает, что именно маскулинистское доминирование производит женщин как символические объекты, что сохраняет их в состоянии постоянной символической зависимости [Bourdieu, 2001: 63, 66].

Гендерная семиотика в этом контексте предстает как знаковая система, включающая образы и отношения маскулинности и фемининности в качестве маркирующих эталоны поведения (политического, экономического, нравственного, патриотического и др.)³. Вместе с тем она может рассматриваться в качестве соответствующей методологической программы, которая оказалась весьма востребованной в осмыслении современной международной символической политики [Riabov, 2017; Рябов, 2018; Гудалов, Тулупов, 2018].

Гендерная семиотика, генерирующая «набор практик, которые помещают репродуктивные различия между телами в социальные процессы» [Connell, 2002: 10], будучи производной от системы гендерных стереотипов, активно используется в кинематографическом тексте. Смысл эксплуатации гендерных знаков в данном случае предполагает «апелляцию к гендерной идентичности человека с целью добиться желаемого типа поведения или желаемого типа ориентации. Такая апелляция устанавливает взаимосвязь между формами поведения индивида и определенными моделями маскулинности/фемининности» [Рябова, 2001: 10]. Гендерные маркеры не только помогают определить «своих» и «чужих», но и вырабатывают систему оценок и предпочтений, отношения неравенства и контроля.

Итак, кинематограф в интересующем нас контексте предстает как технология гендера, которая через идентификацию с предлагаемыми сюжетными диспозициями и эффектами значений образов задает (воспроизводит) сложившуюся систему отношений полов, предлагая принять ее в качестве эталона/девиации индивидуального поведения, которое оказывается «всеобщим законом». Наиболее отчетливо это видно на примере игрового кинематографа, стереотипизирующего поведенческие модели и практики.

³ Более корректно следовало бы определить гендерную семиотику как знаковую систему, анализирующую не только маскулинные и фемининные символы (в качестве маркирующих эталоны поведения), но и иные гендерные срезы. Так, например, крайне интересна и актуальна, на наш взгляд, идея «холодной войны детей» [Рябов, 2018: 91].

Кинематографический способ репрезентации гендерного дискурса как своеобразной формы символического насилия, пожалуй, более всего подходит для осуществления гендерной семиотизации. Он представляет собой экономный способ организации картины мира, он очеловечивает (и натурализирует) ее, делая мир более понятным и простым.

Семиотика кинематографического текста: опыт гендерного анализа

В контексте наших размышлений интерес представляет фильм «Заговор обреченных» (реж. М. Калатозов, 1950). В центре кинематографического повествования оказывается образ Ганны Лихта⁴ — заместителя премьер-министра одной из восточноевропейских стран, с которым невольно сопоставляет остальных персонажей зритель⁵. Этот момент, на наш взгляд, определяет специфику картины в ряду фильмов холодной войны. Здесь имеет место своеобразная инверсия андроцентрической ориентации: главным героем оказывается не мужчина, а женщина, которая задает точку отсчета маскулинности.

В образе Ганны Лихта мужская фемининность (раскрывающаяся через девиантные образы врагов) проигрывает женской маскулинности (раскрывающейся через «нормальные» образы друзей)⁶. Это обуславливает главную идею фильма. В таком контексте главная героиня может быть рассмотрена через призму концепции акцентированной женственности [Connell, 1987: 183]. Образ, репрезентирующий эту акцентированную женственность, по сути, организует иерархию фемининностей в гендерном порядке патриархатного общества. В теории он ориентирован на соответствие интересам и желаниям мужчин — представителей гегемонной маскулинности. Вместе с тем образ Ганны Лихта (образ «своего») укрепляет не столько глобальную субординацию женщин («своих» и «чужих»), сколько глобальную субординацию мужчин: маскулинность последних определяется в сравнении с маскулинностью главной героини. Сопrotивление подобному фемининному режиму и формирует бинарную оппозицию семиотики картины, которая опредмечивает противостояние стран народной демократии и СССР, с одной стороны, и США и их союзников — с другой.

Мужские образы картины неоднородны. Гегемонную маскулинность, представленную, как мы уже сказали, в образе Ганны Лихта, дополняют образы маскулинностей подчиненных (Макс Вента, Марк Пино, Коста Варра)

⁴ Прототипом Ганны Лихта стала Анна Паукер (министр иностранных дел Румынии и фактический лидер РКП в конце 1940-х — начале 1950-х гг.). В 1948 г. журнал «Time» поместил ее портрет на обложке и представил как самую влиятельную из живущих женщин.

⁵ Сюжет фильма строится вокруг покушения на Ганну Лихта — основного врага заговорщиков и одновременно главного персонажа фильма. Ее значимость для соратников-мужчин не столько обуславливается их маскулинной функцией заботы о женщине, сколько демонстрирует высоту гендерной планки, устанавливаемой образом героини, до которой не дотягивает ни один мужской персонаж повествования.

⁶ Это отчетливо просматривается в эпизодах с неудачным покушением и провалившейся попыткой переворота, где главную роль в разоблачении заговорщиков опять-таки играет Ганна Лихта.

и маргинализируемых (Иохим Пино, Гуго Вастис). Демаскулинизированным оказывается образ кардинала Бирнча, слащавого, жеманного церковника, то и дело меняющего одеяния. На противоположной стороне — образ «настоящего» американца Мак-Хилла, уверенного в себе, прагматичного манипулятора, постоянно смолящего сигару и пьющего виски. Женские (основные) образы менее многочисленны и более структурированы. В качестве оппонента Ганны выступает Христина Падера (образ «чужого») — министр продовольствия, женственная, утонченная и беспринципная особа. В ее образе выписана подчиненная фемининность: Христина Падера, формально подчиняясь Ганне Лихта, стремится добиться статуса гегемонной.

В центре сюжета — двойное противостояние Ганны Лихта: Мак-Хиллу и Христине Падера, чем объясняется сложность атрибуции образа первой в общей системе образов фильма. В случае с Мак-Хиллом сталкиваются две маскулинности — сильная и слабая. Маскулинный образ Мак-Хилла все же уступает образу Ганны Лихта: его мужественности так и не хватает, чтобы вступить в открытое противостояние с Ганной (герои так и не встречаются). В этом и видится слабость маскулинности Мак-Хилла, который в финале фильма вынужден спешно и постыдно бежать. В случае с Христиной Падера сталкиваются маскулинность и фемининность. Обращает на себя внимание частичная зеркальность образов: обе не замужем, поглощены работой, практически неэмоциональны. Вместе с тем женственность Христины, выражающаяся в ее эмоциональности, боязливости, брезгливости, непоследовательности, проигрывает противоположным маскулинным качествам Ганны⁷.

Сильная маскулинность Ганны Лихта достигается при помощи различных кинематографических приемов. Аскетический облик, ее нестяжательность подчеркиваются скромной, без изысков «рабочей» одеждой, практически не меняющейся в течение фильма, для которой характерна в основном черно-белая или светло-серая (по особым, торжественным, случаям) цветовая гамма. Подобное цветовое решение работает, на наш взгляд, на формулу, в целом определяющую образ лидера (экстраполяция на международную роль СССР) в контексте фильма, — «первый среди равных»⁸.

Пространство картины организуется именно вокруг Ганны Лихта: она всегда занимает в кадре центральное место, вокруг которого группируются остальные персонажи. Она выступает символическим пограничником, задающим для зрителя бинарную оппозицию восприятия. Это усиливается комплексом семиотических средств — одеждой, взглядом, мимикой, интонацией, позой.

Сдержанность и неэмоциональность Ганны отличают ее от всех остальных женских персонажей, которым в той или иной мере свойственна чувственность

⁷ Подобная двойная конфронтация может быть условно представлена как противостояние внешнее и противостояние внутреннее. Столкновение сильной и слабой маскулинностей репрезентует конфликт СССР и США, а столкновение сильной и слабой фемининностей маркирует внутренние отношения «своих» и «чужих».

⁸ Образ Ганны Лихта в некотором смысле сакрализуется, что опять-таки отсылает нас к формам маскулинизации. Образ кардинала Бирнча, напротив, подвергается десакрализации через демаскулинизацию, будучи представленным в виде безвольного, алчного торговца, обеспокоенного лишь комфортом земного существования.

и несдержанность. Уверенный взгляд, ровный, спокойный голос, открытая поза — все это формы маскулинизации образа Ганны Лихта. В противовес ей игрива и эмоциональна, например, американская журналистка Кира Рейчел (ее образ репрезентует подчиненную фемининность), чем, собственно, и обуславливается, вкупе с наигранностью поведения, недоверие к ней.

Задачи, которые решает Ганна Лихта, по сюжету требуют не женственности, а суровой мужественности — рассудительности, рациональности, бесстрашия и т. п. Очевидно, что властная функция в этом контексте принадлежит именно этому образу. Мужчины же выполняют в основном силовую функцию — эффектную, но бессодержательную.

Финал картины отражает андроцентристскую позицию, где «итоги» неудавшегося путча подводит мужской персонаж. Тем не менее Ганна Лихта оказывается в кадре по левую руку от оратора, будучи единственной женщиной. Этот момент фиксирует, с одной стороны, идею гетерогенности маскулинности, а с другой — определяющее значение концепта акцентированной женственности в гендерной кинематографической семиотике.

Таким образом, гендерные знаки в конкретном кинематографическом повествовании раскрывают взаимоотношения СССР и США в период холодной войны. Образы сверхдержав персонифицируются в героях фильма, демонстрируя особенности мировоззрения посредством формирования нормативного и девиантного стилей поведения. Фильм как обращение к зрителю требует от него выстраивания идентичности через принятие той стороны конфликта, которая в символическом плане выражения более соответствует его собственным ценностям и идеалам.

Вместо заключения

Гендер выступает как «реальность, опосредованная знаками, символами, ритуалами, актами коммуникации» [Бабаян, 2009: 285], а «художественные репрезентации вносят существенный вклад в образное определение социального порядка» [Ярская-Смирнова, 2001: 111]. Последний, по мнению Р. Коннелл, предстает как «мировой гендерный порядок» [Connell, 1998: 3]. Он конструируется не в последнюю очередь с помощью кинематографа, задающего зрителю сложную систему гендерной семиотики — знаков маскулинности и фемининности и т. п.

Женские образы в кинематографе периода холодной войны выполняли подчиненную зеркальную функцию, оттеняя образы маскулинности и делая их более репрезентативными. Вместе с тем они могли иногда использоваться в качестве референтных, определяющих всю систему легитимации международных отношений (через отношения кинематографических персонажей).

Гендерные знаки формировали представление о том, что маскулинность, будучи выраженной через семиотические маркеры, фиксирует не половые различия, а отношения власти и подчинения (отношения актора и актанта), где субъектом осуществления власти может быть и мужчина и женщина. Сама же дихотомия «маскулинность/фемининность» как индекс «своих»/«чужих» убедительно демонстрирует эвристический потенциал применения соответствующих образов в конструировании картины международных отношений.

Библиографический список

- Бабаян С. С.* Гендер и межкультурная коммуникация: потенциальные поля пересечения // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Сер.: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2009. Т. 15, № 4. С. 285—289.
- Гудалов Н. Н., Тулунов Д. С.* Семиотика стрессоустойчивости в международных отношениях: многообразие академических и политических смыслов // Полития. 2018. № 1 (88). С. 135—147.
- Лауретис Т. де.* Американский Фрейд // Гендерные исследования. 1998. № 1. С. 122—152.
- Рябов О. В.* «From Russia with love»: образ СССР в гендерном дискурсе американского кинематографа (1946—1963 гг.) // Общественные науки и современность. 2013. № 5. С. 166—176.
- Рябов О. В.* «Как хорошо, что наяву я не в Америке живу!» Образ США в гендерном дискурсе советской мультипликации (1946—1963) // Женщина в российском обществе. 2018. № 2. С. 89—103.
- Рябова Т. Б.* Гендерные стереотипы и гендерная стереотипизация: методологические подходы // Женщина в российском обществе. 2001. № 3—4. С. 3—12.
- Серебрянская В. Н.* Символ гендера в пространстве коммуникации // Известия Волгоградского государственного технического университета. Сер.: Проблемы социально-гуманитарного знания. 2011. Т. 9, № 7 (80). С. 45—48.
- Федоров А. В.* Образы холодной войны: проекция политики противостояния на экране // Политические исследования. 2010. № 4. С. 48—64.
- Федоров А. В.* Отражения: Запад о России / Россия о Западе. Кинообразы стран и людей. М.: Информация для всех, 2017. 389 с.
- Ярская-Смирнова Е. Р.* Гендер, власть и кинематограф: основные направления феминистской кинокритики // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. 4, № 2. С. 100—117.
- Bourdieu P.* Masculine Domination. Stanford: Stanford University Press, 2001. 133 p.
- Cohn C.* Wars, wimps, and women: talking gender and thinking war // Gendering War Talk / ed. by M. Cooke, A. Woollacott. Princeton: Princeton University Press, 1993. P. 227—246.
- Connell R. W.* Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics. Cambridge: Polity Press, 1987. 334 p.
- Connell R. W.* Masculinities. Berkeley: California Press, 1995. 295 p.
- Connell R. W.* Masculinities and globalization // Men and Masculinities. 1998. Vol. 1, № 1. P. 3—23.
- Connell R. W.* Gender. Cambridge: Polity Press, 2002. 173 p.
- Eco U.* The Role of the Reader: Explorations in the Semiotics of Texts. Bloomington; London: Indiana University Press, 1979. 273 p.
- Eriksen T. H.* The sexual life of nations: notes on gender and nationhood // Kvinner, køn og forskning. 2002. № 2. P. 56—65.
- Gillespie D.* Russian Cinema. New York: Longman, 2002. 216 p.
- Hooper C.* Manly States: Masculinities, International Relations, and Gender Politics. New York: Columbia University Press, 2001. 224 p.
- Jervis R.* The Logic of Images in International Relations. Princeton: Princeton University Press, 1970. 281 p.
- Jervis R.* Perception and Misperception in International Politics. Princeton: Princeton University Press, 1976. 464 p.
- Lauretis T. de.* Technologies of Gender: Essays on Theory, Film, and Fiction. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1987. 151 p.
- Rentzetti C. M., Curran D. J.* Women, Men and Society. Boston: Allyn and Bacon, 1999. 450 p.

-
- Riabov O. Gendering the American enemy in early Cold War Soviet films (1946—1953) // *Journal of Cold War Studies*. 2017. Vol. 19, № 1. P. 193—219.
- Shaw T., Youngblood D. *Cinematic Cold War: the American and Soviet Struggle for Hearts and Minds*. Lawrence: University Press of Kansas, 2010. 301 p.
- Tickner J. A. *Gender in International Relations: Feminist Perspectives on Achieving Global Security*. New York: Columbia University Press, 1992. 180 p.
- Yuval-Davis N. *Gender and Nation*. London: Sage Publications, 1997. 157 p.

References

- Babaian, S. S. (2009) Gender i mezkul'turnaia kommunikatsiia: potentsial'nye polia pere-secheniia [Gender and intercultural communication: potential intersection fields], *Vest-nik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. A. Nekrasova*, seriia Pedagogika, Psikhologiia, Sotsiokinetika, vol. 15, no. 4, pp. 285—289.
- Bourdieu, P. (2001) *Masculine Domination*, Stanford: Stanford University Press.
- Cohn, C. (1993) Wars, wimps, and women: talking gender and thinking war, in: Cooke, M., Woollacott, A. (eds.) *Gendering War Talk*, Princeton: Princeton University Press, pp. 227—246.
- Connell, R. W. (1987) *Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics*, Cambridge: Polity Press.
- Connell, R. W. (1995) *Masculinities*, Berkeley: California Press.
- Connell, R. W. (1998) Masculinities and globalization, *Men and Masculinities*, vol. 1, no. 1, pp. 3—23.
- Connell, R. W. (2002) *Gender*, Cambridge: Polity Press.
- De Lauretis, T. (1987) *Technologies of Gender: Essays on Theory, Film, and Fiction*, Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press.
- De Lauretis, T. (1998) Amerikanskiĭ Freid [American Freud], *Gendernye issledovaniia*, no. 1, pp. 122—152.
- Éco, U. (1979) *The Role of the Reader: Explorations in the Semiotics of Texts*, Bloomington, London: Indiana University Press.
- Èriksen, T. H. (2002) The sexual life of nations: notes on gender and nationhood, *Kvinner, køn og forskning*, no. 2, pp. 56—65.
- Fedorov, A. V. (2010) Obrazy kholodnoi voĭny: proektsiia politiki protivostoianiia na èkrane [Images of the Cold War: a projection of the opposition policy on the screen], *Politicheskie issledovaniia*, no. 4, pp. 48—64.
- Fedorov, A. V. (2017) *Otrazheniia: Zapad o Rossii / Rossiia o Zapade. Kinoobrazy stran i liudeĭ* [Reflections: the West about Russia / Russia about the West. Cinema images of states and people], Moscow: Informatsiia dlia vsekh.
- Gillespie, D. (2002) *Russian Cinema*, New York: Longman.
- Gudalov, N. N., Tulupov, D. S. (2018) Semiotika stressoustoĭchivosti v mezhdunarodnykh ot-nosheniakh: mnogoobrazie akademicheskikh i politicheskikh smyslov [Semiotics of stress tolerance in international relations: a variety of academic and political meanings], *Politiia*, no. 1 (88), pp. 135—147.
- Hooper, C. (2001) *Manly States: Masculinities, International Relations, and Gender Politics*, New York: Columbia University Press.
- Jervis, R. (1970) *The Logic of Images in International Relations*, Princeton: Princeton University Press.
- Jervis, R. (1976) *Perception and Misperception in International Politics*, Princeton: Princeton University Press.
- Rentzetti, C. M., Curran, D. J. (1999) *Women, Men and Society*, Boston: Allyn and Bacon.

- Riabov, O. (2017) Gendering the American enemy in early Cold War Soviet films (1946—1953), *Journal of Cold War Studies*, vol. 19, no. 1, pp. 193—219.
- Riabov, O. V. (2013) «From Russia with love»: obraz SSSR v gendernom diskurse amerikanskogo kinematografa (1946—1963 gg.) [«From Russia with love»: the image of the USSR in the gender discourse of American cinema (1946—1963)], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 166—176.
- Riabov, O. V. (2018) «Kak khorosho, chto naiavu ia ne v Amerike zhivu!» Obraz SShA v gendernom diskurse sovetskoĭ mul'tiplikatsii (1946—1963) [“I am so glad I don't live in America in real life!” The image of the USA in gender discourse of Soviet animation (1946—1963)], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 2, pp. 89—103.
- Riabova, T. B. (2001) Gendernye stereotipy i gendernaia stereotipizatsiia: metodologicheskie podkhody [Gender stereotypes and gender stereotyping: methodological approaches], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 3—4, pp. 3—12.
- Serebrianskaia, V. N. (2011) Simvol gendera v prostranstve kommunikatsii [Gender symbol in communication space], *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, seriia Problemy sotsial'no-gumanitarnogo znaniia, vol. 9, no. 7 (80), pp. 45—48.
- Shaw, T., Youngblood, D. (2010) *Cinematic Cold War: The American and Soviet Struggle for Hearts and Minds*, Lawrence: University Press of Kansas.
- Tickner, J. A. (1992) *Gender in International Relations: Feminist Perspectives on Achieving Global Security*, New York: Columbia University Press.
- Yarskaia-Smirnova, E. R. (2001) Gender, vlast' i kinematograf: osnovnye napravleniia feministскоĭ kinokritiki [Gender, power and cinema: the main directions of feminist film critics], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noĭ antropologii*, vol. 4, no. 2, pp. 100—117.
- Yuval-Davis, N. (1997) *Gender and Nation*, London: Sage Publications.

Статья поступила 21.10.2018 г.

Информация об авторе / Information about the author

Смирнов Дмитрий Григорьевич — исполнитель по гранту, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия (Grant Contractor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation); доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, dissovet_212@mail.ru (Dr. Sc. (Philosophy), Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation).

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ГЕНДЕРНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Woman in Russian Society
2018. No. 4. P. 71—84
DOI: 10.21064/WinRS.2018.4.7

Женщина в российском обществе
2018. № 4. С. 71—84
ББК 60.561.23
DOI: 10.21064/WinRS.2018.4.7

УЙТИ НЕЛЬЗЯ ОСТАТЬСЯ: ФОРМИРОВАНИЕ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ ЖЕНЩИН, СМЕНИВШИХ STEM-ПРОФЕССИИ

Н. С. Григорьева^a, Т. В. Чубарова^b

^a Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия, grigorieva@spa.msu.ru

^b Институт экономики, Российская академия наук, г. Москва, Россия

Сквозь призму гендерного подхода анализируются причины, по которым женщины, имеющие STEM-образование, не работают по специальности. Исследование основано на неформализованных биографических интервью с женщинами в трудоспособных возрастах, сменившими профессию под влиянием различных жизненных обстоятельств. Ответы интервьюируемых структурированы по четырем основным направлениям исследования. Проведенный анализ позволяет сделать, по крайней мере, два основных вывода. Во-первых, стереотипные представления о «мужских» и «женских» профессиях и карьере по-прежнему являются препятствием сбалансированного позиционирования женщин на современном рынке труда. Хотя происходит размывание гендерных стереотипов, особенно «на входе» женщин в профессию, рынок труда в STEM-профессиях остается по отношению к ним недружелюбным. Во-вторых, государство и работодатели в настоящее время не предлагают активных мер по стимулированию занятости женщин в высокотехнологичных и инженерных сферах, в том числе технологий, позволяющих женщинам вернуться к профессии по образованию.

Ключевые слова: гендерная сегрегация на рынке труда, STEM-образование, STEM-профессии, гендерные стереотипы.

© Григорьева Н. С., Чубарова Т. В., 2018

Публикация подготовлена по результатам исследования, выполненного по теме «Профессиональные ориентации молодежи на STEM-профессии в г. Москве: гендерный аспект» в рамках проекта «Национальная стратегия действий Российской Федерации в интересах женщин на 2017—2022 гг.» (исполнитель — АНО «Совет по вопросам управления и развития»).

**TO LEAVE IMPOSSIBLE TO STAY:
LIFE STRATEGIES OF WOMEN WHO LEFT STEM-PROFESSIONS*****N. S. Grigorieva^a, T. V. Chubarova^b***^a Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation,
grigorieva@spa.msu.ru^b Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

The article, through the prism of the gender approach, analyzes the reasons due to which women with STEM-education leave their profession. The study is based on unstructured biographical interviews with working age women who have changed their occupation under influence of various life circumstances. The data show that reasons for such a change are complex and interweaving and it is impossible to single out any one model of the life behavior of participants. However, some typical reasons are identified and include: dissatisfaction with a particular place of work, incompatibility of professional and family strategies, dependence (economic and moral) on significant others, low social status of engineering profession. The study was limited by difficulties in access to the field and by the fact that the subject seems to be relatively empirically under researched as the authors failed to find similar studies. However, the results obtained allow for at least two main conclusions. First, stereotyped ideas about “male” and “female” professions and careers continue to be obstacles to the balanced positioning of women in the modern labor market. And although there is a certain erosion of gender stereotypes, especially “at the entrance” of women into STEM-professions, labor market still remains unfriendly towards them. Secondly, the state and employers fail to propose active measures to stimulate women’s employment in high-tech and engineering, including mechanisms to allow STEM-educated women to return to their original profession.

Key words: gender segregation in the labor market, STEM-education, STEM-professions, gender stereotypes.

Постановка проблемы

Проблема освоения женщинами инженерных профессий в настоящее время стоит на повестке дня. В развитых странах, несмотря на то что в других областях происходит выравнивание гендерного дисбаланса, в STEM-профессиях доля женщин по-прежнему относительно мала. Так, в США женщины недостаточно представлены как среди тех, кто получил STEM-образование, так и среди тех, кто работает по этим специальностям. В 2015 г. в США женщины занимали 47 % всех рабочих мест, но составили только 24 % занятых в STEM-профессиях. При этом они заработали на 35 % больше, чем женщины, занятые в других профессиях [Women in STEM, 2017]. Принято считать, что освоение женщинами более высокооплачиваемых STEM-профессий позволит, с одной стороны, сократить гендерные разрывы в заработной плате, а с другой — активнее использовать потенциал женщин для развития современного общества, повысить их социальный статус [Гендерные вопросы... , 2015].

Глобальные вызовы современного рынка труда, требования к новым знаниям, возрастание роли человеческого капитала в экономическом развитии уже в ближайшем будущем потребуют нового качества кадров практически во всех профессиях [Кеммет, 2017]. «Более 70 % всех профессий, в том числе и таких

массовых, как медсестра и социальный работник, в которых сегодня в основном задействованы женщины, будут основываться на 4 «китах»: математика, инженерные и технологические дисциплины, естественно-научные знания, информатика и цифровые методы» [STEM: новые перспективы, 2016: 6].

Национальная стратегия действий РФ в интересах женщин на 2017—2022 гг. ставит задачу активного вовлечения девушек в инженерные и технологические профессии [Женщины и STEM... , 2017]. Вместе с тем в России этот вопрос имеет свою специфику. В дореволюционной России численность женщин, обучавшихся на инженерных специальностях, была ничтожно мала — только 40 студенток в 1913/14 гг. К концу советского периода среди студентов учебных заведений инженерно-технического профиля женщины составляли приблизительно 30 %. Примерно столько же их было на производстве.

После распада СССР некоторое время сохранялась тенденция увеличения числа студенток в инженерных вузах, что объяснялось универсальностью профессии, а кроме того, стратегиями поведения женщин в период экономических трансформаций. Инженерная профессия какое-то время гарантировала женщинам занятость и обеспечивала выживание в условиях рыночной трансформации [Хасбулатова, 2004]. Однако постепенно женщины в России перестали выбирать профессию инженера, их стало меньше и в профильных вузах, и в соответствующих профессиях [Гендерное измерение... , 2018].

Если в западных странах заниматься профессиональной ориентацией девочек на STEM-дисциплины стали в последние 10—15 лет [Gonzalez, Kuenzi, 2012; Женщины в сфере труда, 2016; UNESCO, 2016, 2017], то в России этот процесс можно охарактеризовать скорее как «возвращение в профессию» [STEM: новые перспективы... , 2016; Малышева, 2016; Гендерное измерение... , 2018].

Одна из причин слабого представительства женщин в STEM-профессиях — сохранение гендерных стереотипов о «мужских» и «женских», престижных и непрестижных, выгодных и невыгодных профессиях. Технические вузы и специальности традиционно считаются «мужскими», равно как и инженерная деятельность оценивается как «мужское» профессиональное поле. Но отсыл к гендерным стереотипам в настоящее время сам становится стереотипом, предлагающим очевидные объяснения гендерного дисбаланса. Представляется, что проблема эта комплексная, требующая нюансного подхода. Это подтверждает и такой парадокс: доля женщин со STEM-степенью ниже в более гендерно-равных обществах, если смотреть по Gender Gap Index, рассчитываемому Всемирным экономическим форумом в Давосе [Stoet, Geary, 2018]. Необходимо выявлять причины устойчивости подобных стереотипов в современном быстро меняющемся обществе.

По изучению интереса студенток STEM-направления к будущей инженерной профессии выполнено несколько исследовательских проектов (см., напр.: [Штылева, 2008; Савостина и др., 2017; Кеммет, 2015, 2017; Курбатова, 2015]). Большинство из них осуществлены на базе ведущих региональных университетов: Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина, Пермского государственного университета, Дальневосточного федерального университета, расположенных в индустриальных центрах России, где инженерные профессии наиболее востребованы.

У девушек на первое место выходит значимость интересной работы, возможность реализации своих способностей [Банникова и др., 2015; Кеммет, 2015]. Они часто выбирают технический вуз под влиянием родителей и во время обучения не испытывают серьезных внешних затруднений. А вот траектории их профессиональной деятельности имеют гендерные обременения [Мякина, Уварова, 2007]. Поэтому важно осмыслить не только барьеры к получению STEM-образования, мотивы поступления девушек в России в STEM-вузы и последующее трудоустройство, но и причины, заставляющие женщин, его получивших, менять профессию.

Зарубежные исследования показывают, что женщины чаще, чем мужчины, оставляют STEM-профессии [UNESCO, 2017; Glass et al., 2013]. Среди причин отмечаются доминирование мужчин, недоброжелательность с их стороны, а также со стороны руководства и инвесторов, отсутствие внимания к этой проблеме со стороны менеджмента [Hewlett et al., 2014].

Цели и методология исследования

Объектом данного исследования (2017) стали молодые женщины в трудоспособных возрастах (30—45 лет), всего 17 человек, получившие высшее образование по инженерным специальностям, но в силу разных обстоятельств сменившие свою профессию. Все они обучались на бюджетных отделениях, 3 окончили вуз с красным дипломом, 10 — с хорошими и отличными оценками, 3 обучались в аспирантуре, 1 защитила кандидатскую диссертацию (но уже по другой специальности). Представляется важным выяснить, какие факторы повлияли на их решение сменить профессию, существует ли возможность их возвращения в специальность.

Для исследования был избран метод биографического неструктурированного интервью в виде свободной беседы, что позволило собрать более богатый эмпирический материал о биографическом конструировании смены профессиональных предпочтений и выборе жизненного пути [Bryman, 2004].

Центральный вопрос, который был поставлен перед каждой участницей, — под влиянием каких факторов она сменила выбранную в начале жизненного пути STEM-профессию и есть ли шанс (и при каких условиях) вернуться к ней (общее время беседы 1,5—2 часа).

Поиск интервьюируемых осуществлялся методом «снежного кома» с помощью родственников, знакомых, друзей на основе личной рекомендации. Это обусловило, с одной стороны, относительную открытость интервьюируемых, а с другой — малое число отказов от интервью. В результате были получены авторские повествования, касающиеся определенного периода жизни (нарратив).

Обработка транскриптов интервью проводилась с помощью открытого и осевого кодирования [Lindlof, Taylor, 2002: 45], с последующей интерпретацией.

Результаты исследования

Ниже представлены некоторые типичные причины, которые, как показали интервью, привели респонденток к смене профессии.

Неудовлетворенность конкретным местом работы. Она, скорее всего, связана с разрывом или со значительными расхождениями представлений о будущей работе, которые сформировались во время учебы или практики, по рассказам родителей, и реальных обязанностей, которые пришлось исполнять на работе.

Я училась в МАДИ, учиться очень нравилось. Поступила в аспирантуру, диссертацию почти написала. Активно искала работу, чтобы что-то новое придумать. И если бы такая работа нашлась — наверное, и небольшая зарплата была бы допустима. Но ничего такого и близко не было. А когда работа не нравится, да еще и зарплата совсем маленькая — ради чего? Ни удовлетворения, ни денег. Несколько лет меня мучил вопрос: зачем я училась столько лет? (Светлана К., 42 года)

Для тех же, кто проработал по специальности больше десяти лет, часто характерно состояние выгорания в профессии из-за напряженного графика работы, или постоянного стремления к совершенствованию в профессии, или обманутых ожиданий.

Я проработала инженером по эксплуатации оборудования больше 15 лет. Работа была по графику — утренние и вечерние смены. Плюс аварии и всегдашняя готовность быть на рабочем месте. Когда установили новое оборудование, думала, что-то изменится, мы перейдем на другой уровень и качество работы, но этого не случилось. При этом я занималась и самообразованием, и вообще всегда интересовалась тем, что происходит в отрасли. Наверное, в какой-то момент я дошла до точки. Не хочу работать, и все тут. Работу сменила. Но мне кажется, если бы мне предложили какие-то варианты с перспективой, я бы попробовала. (Елена Р., 42 года)

Некоторые ситуации можно объяснить существующими дискриминационными практиками на рабочем месте, когда молодому специалисту (особенно женщине) откровенно не доверяют или видят в нем потенциального конкурента. Опытные коллеги демонстрируют негативное отношение к работнику, который должен «знать свое место». Подобное отношение иногда преодолевается по мере роста профессионального капитала, но не всегда хватает терпения этого дождаться.

Пришла на работу, а тут меня совсем не ждали. Два года была «девочкой на посылках». Прямо дедовщина какая-то. Ругалась с начальником. Кому это понравится? Короче говоря, разница между тем, как о профессии рассказывали в вузе, и практикой и реальной жизнью оказалась настолько огромной, что я плюнула на все и ушла. И не жалею. (Марина Б., 29 лет)

В отдельную подгруппу можно выделить двух интервьюируемых женщин, которые попали «в инженеры» случайно, не собирались работать по специальности и легко нашли себя в другой сфере деятельности. Учились без удовольствия, оценки имели весьма средние, расставание с полученной специальностью рассматривалось ими не как потеря, а как начало движения совершенно в другом направлении.

Я закончила МИСИС¹. <...> Когда приехала в Москву, то подала документы в несколько институтов. У меня не было четкой установки куда-то конкретно поступить, было просто желание поступить в институт в Москве. (Елена Ч., 30 лет)

Мне было все равно, в какой институт поступать в Москве, лишь бы навсегда уехать из своего поселка... обязательно поступить на бюджет, поэтому пошла туда, где конкурс был меньше. ...Остаться в Москве, найти работу, купить жилье... Как видите, все удалось. О своем институте: я окончила институт землеустройства, даже не вспоминаю. С однокурсниками отношения не поддерживаю... (Ирина К., 39 лет)

Трудности в совмещении профессиональных и семейных стратегий.
Чаще всего смена профессии являлась следствием рождения ребенка и ухода за ним. Далее — сложности с социализацией ребенка в детском саду или проблемы со здоровьем, в результате чего принималось решение о поиске работы с более свободным графиком. Это группа респонденток, которые выбирали свою профессию сознательно, очень хорошо учились, закончили вузы с отличным дипломом, обучались в аспирантуре.

Пять лет назад я вышла замуж, скоро забеременела, родила, была в отпуске по уходу за ребенком, а потом вышла на работу. И начались проблемы. Детей в детском саду забирают домой рано, я никак не успевала «добежать» до детского сада до 19 часов, что означало всегдашние объяснения с воспитателем и постоянное чувство вины. Мы пытались установить какой-то семейный график, в который были включены все: родители, родственники, даже папа прилетал на неделю из другого города. Так мы продержались примерно полгода. А потом дочка начала болеть. На меня стали коситься на работе: нельзя же постоянно отпрашиваться. Решение, что я должна сменить работу, было вроде бы общим. Родители мужа уходят на пенсию не собираются. <...> Муж занят карьерой. Моя мама обеспечивает себя. (Наталья Д., 32 года)

По образованию я математик, окончила мехмат МГУ. Распределилась в НИИ. Может быть, и сейчас там работала бы, но родилась дочь с врожденным тяжелым заболеванием, что требовало ухода и моего ежедневного присутствия в ее жизни. <...> Я поступила в аспирантуру гуманитарного профиля, выбрала тему исследования, в какой-то мере связанную с болезнью ребенка, погрузилась в нее полностью, что помогло мне и в понимании заболевания, и в поиске вариантов помощи, на которую можно рассчитывать. После защиты диссертации осталась работать там же. Зарплата была маленькая, но были разные гранты, что позволяло поддерживать приемлемый образ жизни, лечить дочку, заниматься ее восстановлением. <...> Мужа хватило на три года. Мой график работы позволял появляться на работе, как говорится, «по необходимости». Я могла работать дома, таким образом удалось сочетать работу и заботу о ребенке. (Елена Р. 45 лет)

¹ Современный технологический университет, сохранивший бренд «МИСиС».

В обоих случаях речь идет о необходимости гибкого рабочего графика, регулировании рабочего времени и пространства и т. д. И если Елена Р. смогла решить для себя этот вопрос, уйдя в другую сферу деятельности, то Наталья Д. явно не удовлетворена тем, как складывается ее профессиональная жизнь, ей не удалось найти баланс между полным рабочим днем и семейными обязанностями.

Моральная зависимость от окружающих. Фактически это «подкаблучницы», эмоционально сильно зависящие от своих партнеров. Они скорее предпочтут согласиться с предложением, которое изначально им не нравится, чем нарушить сложившееся в семье равновесие. Эти женщины часто испытывают давление со стороны окружающих (экономическое и моральное), которое может исходить от мужа, родителей, подруг и даже просто знакомых.

Вот уже два года я работаю социальным работником со свободным графиком. С профессиональной точки зрения работа мне не нравится. Для нее совсем не обязательно было оканчивать институт и уж тем более аспирантуру. Главное — не мое это!

Еще я занимаюсь домашней работой, считается, что с моим графиком это легче сделать. Но я никогда не мечтала быть домохозяйкой. Однако родители, муж, друзья «по песочнице» считают, что такая жизнь должна меня устраивать... (Наталья Д., 32 года)

Место работы сменила по рекомендации мужа, ему не нравилась моя постоянная занятость, он считал мою работу не престижной и не украшающей женщину.

...Я пришла в офис секретарем-организатором. Очень скоро меня отметили и перевели со значительным повышением — начальником отдела продаж (тут-то диплом и пригодился). Я управляю пусть небольшим, но очень грамотным коллективом. К моей первой специальности эта работа не имеет никакого отношения. Зарплата и нынешний статус меня вполне устраивают. Менять ничего не собираюсь. (Екатерина Ч., 30 лет)

Низкий социальный статус профессии. Он проявляется и в низком уровне оплаты труда, и в пренебрежительном отношении окружающих. При этом речь идет о желании обеспечить себе приемлемый уровень жизни, обрести ее иное качество.

Моя работа не считается престижной, я особенно ощущаю это, когда собираюсь с подружками, которые давно работают в офисах. Что ты нашла на этом производстве, спрашивают они меня, ни денег, ни представительства... Родители тоже подливают масла в огонь: им не нравится то, чем я занимаюсь. Честно говоря, я не очень задумываюсь о престижности или непрестижности профессии. Работа не вызывает у меня отторжения, даже нравится. Наверное, все дело в том, что в глазах общества лучше работать в подтанцовке на сцене, чем на заводе. Успешная карьера — это не об инженерной деятельности. (Евгения Б., 41 год)

Исследование показало, что решение респонденток о смене профессии было как осозанным, так и зависело от сложившихся обстоятельств. В интервью присутствует определенное противоречие между представлениями

о «традиционном» разделении семейных обязанностей и пониманием современного рынка труда, о женской зависимости / независимости в семье. В отдельных интервью были высказаны предположения о возможности возвращения к полученной специальности, но при определенных условиях, суть которых не всегда удавалось четко определить. Вариант абсолютно удаленного режима работы ни одну из женщин не устроил, они рассматривают его не как «свободу выбора», а скорее как «невозможность хоть на время отключиться от домашних проблем». В плане же профессиональной переподготовки предпочтение отдавалось именно дистанционным учебным программам.

У всех интервьюируемых родители были связаны с инженерной специальностью (или научной деятельностью), поэтому кто-то выбрал специальность «по наследству». Причем те, у кого родители работают инженерами до сих пор, переживают по поводу смены профессии.

Мои родители по образованию инженеры. Папа работает инженером до сих пор. Мама тоже инженер, но она попала под сокращение на работе. Сокращались прежде всего женщины, которые были замужем и мужья имели работу. Прямо так ей и сказали: «У тебя есть муж, он тебя прокормит, а вот твоя коллега — она мать-одиночка, ей ребенка кормить надо». (Наталья Д., 32 года)

Я родилась и выросла в Москве, папа работал в автомобильной промышленности, дедушка тоже, так что я, можно сказать, потомственный инженер. ...Поступила в МАДИ, на «папин» факультет, и несколько, пока училась, об этом не жалела. Ну а дальше... как у всех. Машины люблю до сих пор. <...> Родители очень переживали, когда я ушла из профессии, особенно папа. Со временем все смирились с новой ситуацией... (Светлана К., 42 года)

Однако позиция родителей Светланы скорее исключение. Родители поддерживали девушек в момент поступления в вуз и не возражали против избранной специальности. Но после его окончания большинству родителей не нравилось трудоустройство дочерей, они активно или «по умолчанию» способствовали смене профессии, чаще всего в пользу семейной жизни.

На вопрос, хотите ли (планируете ли) Вы вернуться в свою профессию, почти все ответили риторическим вопросом как бы самому себе: а зачем? Это можно рассматривать как стремление уйти от ответа, оставить себе пространство для маневра, с последующим переходом к оправданию жизненных ситуаций.

Хочу ли я вернуться в свою профессию? Мне лично очень хочется. И с материальной точки зрения это было бы здорово! У девочек, которые начинали вместе со мной, зарплата увеличилась за это время в 2—2,5 раза. Но пока дочка не пойдет в школу, даже думать об этом не смею, отсутствовать дома по 8—10 часов каждый день я уже не могу. В этом году маме исполнится 55 лет, и я втайне надеюсь, что она все-таки выйдет на пенсию и сможет мне помочь. Может быть, тогда. Грустно все это. (Наталья Д., 32 года)

Категоричный ответ — «Не вернусь!» — больше характерен для женщин, которые перешли 40-летний рубеж или состоялись в новой профессии.

Я думаю, что профессию я уже потеряла... и возвращаться нет никакого смысла, да и возраст уже не тот. Я привыкла к другой жизни, и она «привыкла» ко мне. Я не мыслю в категориях «нравится» — «не нравится». Работа есть, и хорошо. На мне старенькая мама, я должна обеспечивать ее, для этого нужна стабильность. (Светлана К., 42 года)

Я думаю, что моя первая специальность для меня потеряна. Да и куда-то возвращаться в моем возрасте уже не имеет смысла. И потом, я считаю, что вполне состоялась в своей новой профессии. А математика — это мой инструмент, которым я хорошо владею, и думаю, что смогла бы работать в области высоких технологий. Мехмат дает такой запас прочности, что растерять его практически невозможно. Но с нынешним курсом «на омоложение» шансов добиться приличных результатов по первой профессии у меня практически никаких... (Елена Р., 45 лет)

Опрошенные женщины имеют представление, что такое STEM-профессии и STEM-образование. Но для себя они уже решение приняли и поэтому даже не рассматривают варианты каких-то курсов переподготовки, дополнительного образования и т. д.

По поводу STEM-образования я в курсе. Мне кажется, перспективный вариант для девушек, получающих техническое или инженерное образование, найти себе работу дистанционного характера или с гибким графиком. Сейчас это возможно. Среди моих коллег по первой специальности очень много женщин, чья профессиональная карьера сложилась очень удачно, меньше тех, кто сумел наладить свою личную жизнь; в большинстве случаев это удалось в ситуациях, когда муж и жена работали в одной профессиональной нише или заехали общий бизнес. И в то же время много мужчин, которые покинули первую специальность и ушли в бизнес, в политику. Так что здесь какой-то паритет. Но зарплаты у всех мужчин выше...

Я не пойду ни на какие курсы переподготовки, буду работать на своем месте и делать все возможное для обеспечения будущего дочери. (Елена Р., 45 лет)

Некоторые выводы

Результаты исследования показали, что причины смены женщинами инженерных профессий представляют собой достаточно сложное переплетение разнообразных факторов. Тем не менее участниц интервью можно условно разделить на три группы.

Первая группа — это женщины, которые успели сделать личную карьеру в своей профессии и имеют опыт работы на инженерных должностях от 3 до 15 лет. Они трудились с удовольствием, менять место работы не планировали, сменить профессию их заставили семейные обстоятельства. Гипотетически они хотят вернуться в прежнюю профессию. В этой группе гендерный контракт «работающая мать» [Здравомыслова, Темкина, 2003] является базовым и женщины считают, что обязаны сочетать семью и работу. В результате они вынуждены искать баланс, что не всегда получается, тогда они выбирают «дом», тем самым снижая свой статус и ценность как работника.

Вторая группа — женщины, выбравшие инженерный вуз случайно, руководствуясь отнюдь не профессиональными мотивами. При этом одни в результате учебы профессию «полюбили» и связывали с ней свою дальнейшую жизнь, а другие изначально работать по специальности не планировали. Их опыт работы по специальности очень мал (не превышает 3 лет) или совсем отсутствует. Вернуть их в профессию по образованию практически невозможно, поскольку а priori они себя в ней не видели.

Третья группа — это женщины, очень зависимые от мнения других, которое для них значимо. Они принимают решения по принципу «так муж (друг, сват) посоветовал». Для них очень важно, как позиционируется их работа в глазах других, насколько она статусная в общественном мнении.

Выделенные наиболее типичные причины смены профессии во многом могут быть объяснены сохраняющимися стереотипами в отношении жизненного пути мужчин и женщин, их профессиональной деятельности. Заметим, что стереотипы в отношении «женских» и «мужских» обязанностей характерны не только для женщин STEM-профессий, но здесь они устойчивее, поскольку дополняются стереотипами о характере инженерного труда (более 2/3 интервьюируемых — инженеры по образованию), престижности профессии, ее невысоком социальном статусе. В результате такого многократного усиления эти стереотипы обретают стабильность. В этом случае эффективно могут сработать информационные кампании, демонстрирующие престижность новых высокооплачиваемых рабочих мест, направленные как на самих женщин, так и на их окружение.

Ограничения данного исследования связаны с временными условиями выполнения проекта, затрудненным доступом в поле и слабой эмпирической изученностью проблемы (не удалось обнаружить ни одного аналогичного исследования). Выводы ограничены в силу выборки и использованного метода, что не позволяет экстраполировать полученные результаты на всю совокупность женщин, сменивших свою профессию.

Участницы исследования не испытывали трудностей во время учебы и дискриминации по гендерному признаку. Те, кто закончил вузы более 10 лет назад, выбирали свою профессию «по желанию», руководствуясь интересом к инженерной деятельности, а не стремлением «поступить все равно куда, лишь бы поступить и остаться в Москве». При этом парадоксально, что сами интервьюируемые на этапе выбора профессии не поддались гендерным стереотипам.

Практически все интервьюируемые признали, что фактически свою первую специальность они потеряли, хотя примерно у половины наблюдается выраженная, прямо или косвенно, ностальгия по профессии, в которой они прожили часть своей жизни. У других изначально не было представления о том, чем они будут заниматься. Это ставит вопрос о необходимости развития системы профессиональной ориентации, более тесной связи системы образования и рынка труда, чтобы избежать потерь и для женщин, и для общества в целом. Для этого целесообразно развивать в российских вузах практики профессиональной поддержки женщин², выходящих на рынок труда, в том числе налаживания прямых

² Российские исследователи проанализировали такие практики, взяв в качестве примера 26 университетов, являющихся лидерами в рейтинге QS World University Ranking — 2017 (среди российских вузов в согнго этого рейтинга входит только МГУ им. М. В. Ломоносова).

связей с работодателями. Информация о программах профессиональной переподготовки должна быть доступна, привлекательна и привязана к перспективам дальнейшего трудоустройства³. Сохранить женщин в STEM-профессиях можно путем обеспечения гибкого графика работы, хотя бы в определенные периоды времени, с регулированием ее объемов, развития инфраструктуры ухода за детьми, предоставления льгот семейным работникам, включая схемы профессиональной переподготовки для продвижения по карьерной лестнице [Исупова, 2015; Баскакова и др., 2018].

Библиографический список

- Банникова Л. Н., Кеммет Е. В., Шолина И. И. Аспекты выбора политехнического образования // Современные технологии и развитие политехнического образования: материалы Международной научной конференции. Владивосток: Дальневост. федер. ун-т, 2015. С. 688—691. URL: <http://www.dvfu.ru/web/dpn/katalog> (дата обращения: 18.09.2017).
- Баскакова М. Е., Соболева И. В., Чубарова Т. В. Социально-экономическая защищенность женщин в сфере труда // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 2. С. 85—100.
- Гендерное измерение цифровой экономики: от стратегии к действию (2018—2030): материалы Всероссийской конференции с международным участием (Плес — Иваново, 20—21 апреля 2018 г.). Иваново: Иван. гос. ун-т, 2018. 134 с.
- Гендерные вопросы и наука // Модельный тренинг ООН — 2015. ЮНЕСКО, 2015. URL: <http://www.state.gov/documents/organization/240763.pdf> (дата обращения: 25.04.2018).
- Женщины в сфере труда. Тенденции, 2016. Женева: МОТ, 2016. 14 с.
- Женщины и STEM в цифровую эпоху: политика занятости в мегаполисе / под ред. О. Б. Савинской; АНО «Совет по вопросам управления и развития». М.: Вариант, 2017. 88 с.
- Здравомыслова Е., Темкина А. Советский этакратический гендерный порядок // Социальная история / отв. ред. Н. Л. Пушкарева. М.: РОССПЭН, 2003. С. 436—464.

Анализировались мероприятия, которые проводят университеты по поддержке женщин в научно-технических областях и бизнесе. Пятерку лидеров по количеству таких мероприятий составили: Массачусетский технологический университет (1-е место QS), Йельский университет (15-е), Национальный университет Сингапура (12-е), Федеральная политехническая школа Лозанны (14-е) и Австралийский национальный университет (22-е). См. подробнее: [Женщины и STEM в цифровую эпоху, 2017: 43—64].

³ Нужна грамотная «наглядная агитация», энергичная и умелая пропаганда сродни той, что проводилась в 1920—1930-х гг. (и позднее), в которую были вовлечены художники, поэты, режиссеры (книжная иллюстрация «Мотоциклетный пробег жен инженеров» художника А. Яр-Кравченко (1937), стихи В. Маяковского «Кем быть?» (1928) или С. Михалкова «А что у вас? (Мамы разные нужны...)» (1954), художественные фильмы, среди которых «Светлый путь» Г. Александрова (1940) и «Екатерина Воронина» И. Анненского (1957), красочные панно станций «Маяковская» (1938) и «Новокузнецкая» (1943) Московского метрополитена, выполненные В. Фроловым по эскизам А. Дейнеки с изображением «примет XX столетия», воспеванием советской действительности 1920—1930-х гг.: промышленного производства, индустриализации, жизни современного города и горожан, физической культуры и массового спорта — с равной степенью присутствия и мужчин, и женщин).

- Исупова О. Г.* Материнская карьера: дети и трудовые стратегии // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 185—194.
- Кеммет Е. В.* Гендерный аспект выбора инженерной профессии: история и современность // Социокультурное развитие большого Урала: тренды, проблемы, перспективы: XX Уральские социологические чтения: материалы юбилейной Всероссийской научно-практической конференции (Екатеринбург, 27—28 февраля 2015 г.) / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: УрФУ, 2015. С. 210—214.
- Кеммет Е. В.* Гендерная асимметрия в профессиональном сообществе инженеров // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2017. № 1 (45). С. 140—145.
- Курбатова Л. Н.* Представление преподавателей технического вуза о качестве инженера в соответствии с подготовкой студентов по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Сер.: Культура. История. Философия. Право. 2015. № 2. С. 79—85.
- Мальшева М. М.* Естественные и технические науки для женщин в XXI веке // Народонаселение. 2016. № 3. С. 76—85.
- Мясина Е. П., Уварова В. И.* Карьера российской женщины-инженера: особенности и проблемы // Профессиональная карьера женщин и вызовы времени: материалы Международной научно-практической интернет-конференции (1—31 мая 2007 г.). Орел: Орловский государственный технический университет, 2007. С. 65—77.
- Савостина Е. А., Смирнова И. Н., Хасбулатова О. А.* STEM: профессиональные траектории молодежи: (гендерный аспект) // Женщина в российском обществе. 2017. № 3. С. 33—42.
- STEM: новые перспективы профессиональной занятости женщин / под ред. Е. А. Савостиной; сост. Е. В. Кочкина; АНО «Совет по вопросам управления и развития. М.: Акварель, 2016. 128 с.
- Хасбулатова О. А.* Обзор опыта советской государственной политики в отношении женщин // Гендерная реконструкция политических систем / ред.-сост. Н. М. Степанова, Е. В. Кочкина. СПб.: Алетей, 2004. С. 397—407.
- Штылева Л. В.* Фактор пола в образовании: гендерный подход и анализ. М.: ПЕР СЭ, 2008. 316 с.
- Bryman A.* Social Research Methods. New York: Oxford University Press, 2004. 592 p.
- Glass J. L., Sessler Sh., Levitte Ya., Michelmor K. M.* What's so special about STEM? A comparison of women's retention in STEM and professional occupations // Social Forces. 2013. № 92 (2). P. 723—756.
- Gonzalez H. B., Kuenzi J. J.* Science, Technology, Engineering, and Mathematics (STEM) Education: a Primer / Congressional Research Service. [S. l.], 2012. 28 p.
- Hewlett S. A., Sherbin L., Dieudonne F., Fargnoli Ch., Fredman C.* Athena Factor 2.0: Accelerating Female Talent in Science, Engineering and Technology: Executive Summary. New York: Center for Talent Innovation, 2014. 72 p. URL: <http://www.talentinnovation.org/assets/Athena-2-ExecSummFINAL-CTI.pdf> (дата обращения: 25.04.2018).
- Lindlof T., Taylor B.* Qualitative Communication Research Methods. Thousand Oaks (CA): Sage, 2002. 377 p.
- Stoet G., Geary D. C.* The gender-equality paradox in science, technology, engineering, and mathematics education // Physiological Science. 2018. Vol. 29, № 4. P. 581—593.
- UNESCO. Measuring Gender Equality in Science and Engineering. SAGA. Science, Technology and Innovation Gender Objectives List (STIGOL). Paris: UNESCO, 2016. 13 p.
- UNESCO. Cracking the Code: Girls' and Women's Education in Science, Technology, Engineering and Mathematics (STEM). Paris: UNESCO, 2017. 85 p.
- Women in STEM. 2017. URL: <https://www.esa.gov/reports/women-stem-2017-update> (дата обращения: 25.04.2018).

References

- Bannikova, L. N., Kemmet, E. V., Sholina, I. I. (2015) Aspekty vybora politekhnicheskogo obrazovaniia [Aspect of choice of technical education], *Sovremennye tekhnologii i razvitie politekhnicheskogo obrazovaniia: Materialy Mezhdunarodnoĭ nauchnoĭ konferentsii*, Vladivostok: Dal'nevostochnyĭ federal'nyĭ universitet, pp. 688—691.
- Baskakova, M. E., Soboleva, I. V., Chubarova, T. V. (2018) Sotsial'no-ekonomicheskaia zashchishchennost' zhenshchin v sfere truda [Social and economic security of women at the labour market], *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiĭskoi akademii nauk*, № 2, pp. 85—100.
- Bryman, A. (2004) *Social Research Methods*, New York: Oxford University Press.
- Gendernoe izmerenie tsifrovoi ekonomiki: ot strategii k deĭstviu (2018—2030): Materialy Vserossiĭskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem: (Plēs — Ivanovo, 20—21 aprelia 2018 g.) (2018) [Gender dimension of digital economy: from strategy to action: Proceedings of All-Russia conference with international participation (Ples — Ivanovo, 20—21 April 2018)], Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.
- Gendernye voprosy i nauka (2015) [Gender issues and science], *Model'nyĭ trening OON — 2015*, UNESCO, available from <http://www.state.gov/documents/organization/240763.pdf> (accessed 25.04.2018).
- Glass, J. L., Sessler, Sh., Levitte, Ya., Michelmores, K. M. (2013) What's so special about STEM? A comparison of women's retention in STEM and professional occupations, *Social Forces*, vol. 92 (2), pp. 723—756.
- Gonzalez, H. B., Kuenzi, J. J. (2012) *Science, Technology, Engineering, and Mathematics (STEM) Education: A Primer*, Congressional Research Service.
- Hewlett, S. A., Sherbin, L., Dieudonne, F., Fagnoli, Ch., Fredman, C. (2014) *Athena Factor 2.0: Accelerating Female Talent in Science, Engineering and Technology: Executive Summary*, New York: Center for Talent Innovation, available from <http://www.talentinnovation.org/assets/Athena-2-ExecSummFINAL-CTI.pdf> (accessed 25.04.2018).
- Isupova, O. G. (2015) Materinskaia kar'era: deti i trudovye strategii [Mother's career: children and employment strategies], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 10, pp. 185—194.
- Kemmet, E. V. (2015) Gendernyĭ aspekt vybora inzhenernoi professii: istoriia i sovremennost' [Gender aspects of choosing engineering profession: history and modern times], in: Vishnevskii, Iu. R. (ed.), *Sotsiokul'turnoe razvitie bol'shogo Urala: trendy, problemy, perspektivy: XX Ural'skie sotsiologicheskie chteniia: Materialy iubileinoi Vserossiĭskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Ekaterinburg: Ural'skii federal'nyi universitet, pp. 210—214.
- Kemmet, E. V. (2017) Gendernaia asimmetriia v professional'nom soobshchestve inzhenerov [Gender asymmetry in engineering profession], *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo*, serii Sotsial'nye nauki, no. 1 (45), pp. 140—145.
- Khasbulatova, O. A. (2004) Obzor opyta sovetskoi gosudarstvennoi politiki v otnoshenii zhenshchin [Review of the Soviet state experience in policy toward women], in: Stepanova, N. M., Kochkina, E. V. (eds), *Gendernaia rekonstruktsiia politicheskikh sistem*, St. Petersburg: Aleteĭia, pp. 397—407.
- Kurbatova, L. N. (2015) Predstavlenie prepodavatelei tekhnicheskogo vuza o kachestve inzhenera v sootvetstvii s podgotovkoi studentov po programmam bakalavriata, spetsialiteta, magistratury [Attitudes of lecturers of technical university towards quality of engineers], *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta*, serii Kul'tura, Istoriia, Filosofii, Pravo, no. 2, pp. 79—85.
- Lindlof, T., Taylor, B. (2002) *Qualitative Communication Research Methods*, Thousand Oaks, CA: Sage.

- Malysheva, M. M. (2016) Estestvennye i tekhnicheskie nauki dlia zhenshchin v XXI veke [Natural and technical sciences for women in XXI century], *Narodonaselenie*, no. 3, pp. 76—85.
- Myasina, E. P., Uvarova, V. I. (2007) Kar'era rossiiskoi zhenshchiny-inzhenera: osobennosti i problemy [Career of a woman engineer: peculiarities and problems], *Professional'naiia kar'era zhenshchin i vyzovy vremeni: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi internet-konferentsii (1—31 maia 2007 g.)*, Orel: Orlovskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet, pp. 65—77.
- Savinskaia, O. B. (ed.) (2017) *Zhenshchiny i STEM v tsifrovuiu epokhu: politika zaniatosti v megapolise* [Women in STEM at the modern age: employment policy in megapolis], Moscow: Variant.
- Savostina, E. A. (ed.) (2016) *STEM: novye perspektivy professional'noi zaniatosti zhenshchin* [STEM: new prospects of women's professional activities], Moscow: Akvarel'.
- Savostina, E. A., Smirnova, I. N., Khasbulatova, O. A. (2017) STEM: professional'nye traektorii molodezhi: (Gendernyi aspekt) [STEM-profession trajectories of the youth: (Gender aspect)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 33—42.
- Shtyleva, L. V. (2008) *Faktor pola v obrazovanii: gendernyi podkhod i analiz* [Gender in education: approaches and analysis], Moscow: PER SHE.
- Stoet, G., Geary, D. C. (2018) The gender-equality paradox in science, technology, engineering, and mathematics education, *Physiological Science*, vol. 29, no. 4, pp. 58—593.
- UNESCO. *Measuring Gender Equality in Science and Engineering. SAGA. Science, Technology and Innovation Gender Objectives List (STIGOL)* (2016), Paris: UNESCO.
- UNESCO. *Cracking the Code: Girls' and Women's Education in Science, Technology, Engineering and Mathematics (STEM)* (2017), Paris: UNESCO.
- Women in STEM, 2017* (2017), available from <https://www.esa.gov/reports/women-stem-2017-update> (accessed 25.04.2018).
- Zdravomyslova, E., Temkina, A. (2003) Sovetskiĭ ètakraticheskii gendernyi poriadok [Soviet etactatic gender order], in: Pushkareva, N. L. (ed.), *Sotsial'naiia istoriia*, Moscow: ROSSPÈN, pp. 436—464.
- Zhenshchiny v sfere truda. Tendentsii, 2016* (2016) [Women on labour market. Tendencies 2016], Zheneva: MOT.

Статья поступила 16.08.2018 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Григорьева Наталия Сергеевна — доктор политических наук, профессор кафедры политического анализа, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, grigorieva@spa.msu.ru (Dr. Sc. (Political Sc.), Professor at the Department of Political Analyses, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation).

Чубарова Татьяна Владимировна — доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Институт экономики РАН, г. Москва, Россия, t_chubarova@mail.ru (Dr. Sc. (Econ.), Chief Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Woman in Russian Society

2018. No. 4. P. 85—99

DOI: 10.21064/WinRS.2018.4.8

Женщина в российском обществе

2018. № 4. С. 85—99

ББК 66.4(2),32

DOI: 10.21064/WinRS.2018.4.8

БРАЧНАЯ ЭМИГРАЦИЯ ЖЕНЩИН ИЗ РОССИИ: МАСШТАБЫ, ПРИЧИНЫ, ОСОБЕННОСТИ

С. В. Рязанцев^а, С. Ю. Сивоплясова^а,
Т. К. Ростовская^а, Л. А. Бушкова^б

^а Институт социально-политических исследований, Российская академия наук,
г. Москва, Россия, riazan@mail.ru

^б Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Россия

Рассматриваются тенденции женской брачной эмиграции из России после распада СССР. Показано, что феномен «русских жен» стал распространенным в глобальном масштабе. Анализируются социально-экономические и демографические факторы брачной эмиграции российских женщин. Выделены ее ключевые направления, к которым относятся США, страны Европы, а в последние годы приобретают популярность азиатские страны (Япония, Корея, Китай, страны Ближнего Востока). Определена структура брачной эмиграции женщин из России и институты, содействующие ей. Выявлены риски, связанные с переездом женщин за рубеж с целью заключения брака, в том числе вовлечения в трафикинг, сексуальную и трудовую эксплуатацию, попадания в зависимость. Рассмотрены последствия брачной эмиграции как для самих женщин, так и для страны в целом.

Ключевые слова: брачная эмиграция; российские женщины; брачный рынок; причины, тенденции и последствия брачной эмиграции; риски, связанные с брачной эмиграцией.

© Рязанцев С. В., Сивоплясова С. Ю., Ростовская Т. К., Бушкова Л. А., 2018

Публикация подготовлена в рамках поддержанного Советом по грантам Президента РФ проекта № МК-2984.2017.6 «Российские женщины на международном брачном рынке: тенденции, каналы и последствия для страны».

MARRIAGE EMIGRATION OF WOMEN FROM RUSSIA: SCALE, REASONS, FEATURES

*S. V. Ryazantsev^a, S. Yu. Sivoplyasova^a,
T. K. Rostovskaya^a, L. A. Bushkova^b*

^a Institute for Socio-Political Research, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, riazan@mail.ru

^b Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation

This article deals with trends in women's marriage migration from Russia after the collapse of the Soviet Union. Difficulties of registration of marriage migration are singled out. They are connected with, on the one hand, emigrants wish not to notify the authorities about their intentions, and on the other hand, with the fact that other forms of emigration often lead to marriage emigration. The data of foreign statistics and surveys of experts show that the phenomenon of "Russian wife" became a very common phenomenon on a global scale. The factors and causes of marriage emigration of women from Russia are analyzed in the article. Push and pull factors are highlighted. The first group includes socio-economic and demographic factors. The second group includes subjective-psychological factors. Foreign suitors are attracted by the beauty of Russian women, their complaisance and lack of commitment to the ideas of emancipation. Russian women are attracted by economic status of foreign men, attention to their wife and children. Authors attempt to estimate the scale and geography of the phenomenon of marriage migration from Russia based on comparative analysis of Russian and foreign statistics. The key directions of emigration of Russian women after the collapse of the USSR are highlighted. They include USA, European countries, and in recent years Asian countries (Japan, Korea, China, Middle East countries) are gaining popularity. The structure and institutions promoting marriage emigration of women and their entry into the international marriage market are determined. Risks associated with the move of women abroad with the purpose of marriage are identified. These risks include involvement in trafficking, sexual and labor exploitation, becoming dependent. The consequences of marriage emigration are identified both for women and for the country as a whole.

Key words: marriage migration of the Russian women, marriage market causes, trends, consequences and risks of the marriage migration.

Введение

После распада СССР российские граждане стали активно участвовать в различных формах международной миграции населения. Масштабы эмиграции из страны выросли многократно по сравнению с советским периодом. Причинами тому являлись, во-первых, открытие границ и значительное упрощение процедур их пересечения; во-вторых, трансформация внутригосударственной (межреспубликанской) миграции в международную, в частности, сформированные ранее миграционные потоки, обусловленные родственными связями и географической структурой хозяйства, после распада СССР стали межгосударственными; в-третьих, сложная политическая и социально-экономическая обстановка в России, стимулирующая отток эмигрантов прежде всего в США, Израиль, Германию и другие европейские страны.

Женщины включились во все формы миграции: трудовую, образовательную, миграцию с целью воссоединения семьи и т. д. Так, если в 1997 г. их доля среди мигрантов, выезжающих из страны и приезжающих в страну на постоянное место жительства, составляла менее трети (24 % миграционного оборота), то к 2000 г. — 51 %. Доля женщин в миграционном обороте страны превышала долю мужчин вплоть до 2012 г., когда изменились правила статистического учета мигрантов. К 2016 г. доля женщин уменьшилась до 43 %.

Среди выезжающих из России на постоянное место жительства за границу женщины составляют заметную долю. В 2000-е гг. в абсолютном исчислении количество женщин-иммигранток в Россию превышало количество женщин-эмигранток из России. Но в относительном отношении доля женщин среди эмигрантов была выше, чем их доля среди иммигрантов. С 2012 г. ситуация изменилась. Доля женщин среди иммигрантов превысила их долю среди эмигрантов (37,3 и 29,9 % соответственно). В 2016 г. данное соотношение составило соответственно 45 и 40,3 %. Приведенные данные свидетельствуют, что Россия в результате миграции как будто бы накапливает женское население. Однако за этой статистикой стоит неполнота учета миграционных событий, в том числе среди женщин.

Трудовая эмиграция является популярной формой современной эмиграции из России. Однако, судя по официальным статистическим данным, женщины в нее не вовлечены так активно, как мужчины. Если в начале 2000-х гг. доля женщин среди временных трудовых эмигрантов составляла 7—16 %, то к 2014 г. она сократилась до 5 %. Причем снизились не только относительные, но и абсолютные показатели временной трудовой миграции женщин: в 2011 г. численность женщин-эмигранток составляла 7,3 тыс. человек, а в 2014 г. — 3,2 тыс. человек [Рязанцев и др., 2016: 229]. Вместе с тем важно отметить, что учет эмигрантов в современной России сильно затруднен. Это связано с тем, что человек, самостоятельно нашедший работу за рубежом и переезжающий в другую страну с целью трудоустройства, не информирует органы госвласти и не попадает в статистику. Поэтому, очевидно, данные статистики о трудовой эмиграции женщин неточны [Ryazantsev, Sivoplyasova, 2016].

Одной из распространенных форм эмиграции из России стала брачная эмиграция женщин, которые покидают Российскую Федерацию в поисках мужа-иностранца или выезжают в страну постоянного проживания своего супруга. Выезд женщин за пределы России, как правило, становится эмиграцией на постоянное место жительства. И даже если брак неудачен, многие российские женщины предпочитают оставаться за рубежом, приобретая там вид на жительство или гражданство. На первый взгляд выбор супруга и места жительства является личным делом, характеризует свободу личности. Но с другой стороны, для России отток женщин репродуктивного возраста, влияет на сокращение не только численности населения, но и рождаемости, т. е. женская эмиграция влечет за собой, кроме прямых потерь (уехавшие за рубеж женщины), потери косвенные (не рожденные в России дети). Учитывая еще и то, что основу миграционного потока составляют внешне привлекательные девушки репродуктивного возраста, следует отметить: данная форма миграции чревата потерей не только демографического, но и генетического потенциала страны.

Для многих стран мира брачная миграция женщин является достаточно распространенным явлением. Например, тайландские женщины активно выезжают за границу, выходя замуж за европейцев и американцев, гражданки Филиппин и Вьетнама — за граждан Китая, Тайваня, Гонконга и Сингапура. Россия, наряду с Украиной и Белоруссией, после распада СССР также стала в буквальном смысле страной — экспортером невест на международные брачные рынки. Причины, побуждающие женщин искать свое счастье за рубежом, сложны и лежат в социально-экономической, политической, культурной и психологической плоскостях. При этом на протяжении последней четверти века после распада СССР в различные периоды российского общества на первый план выходили разные причины, которые предопределяли динамику и приоритетные направления брачной эмиграции женщин.

В настоящем исследовании рассматриваются некоторые теоретические аспекты брачной миграции, выявляется социально-демографическая структура эмиграционных потоков из России, определяются социально-демографические последствия женской брачной эмиграции для страны.

Обзор научной литературы

В зарубежной научной литературе проблеме брачной эмиграции уже достаточно давно уделяется большое внимание. В частности, активно обсуждаются вопросы переезда женщин с целью замужества из менее развитых стран в более развитые [Charsley et al., 2014], рассматриваются вопросы определения правового статуса женщин и детей, рожденных в интернациональном браке, изучаются аспекты регулирования брачной эмиграции через «визу невесты» [Brau, Chart, 2016], а также проблемы вовлечения женщин через брачный канал в систему международного трафика (European Commission, OECD, IOM, OHCHR).

Феномен женской брачной эмиграции из России начал рассматриваться в научной литературе с 1990-х гг. И практически всегда о нем справедливо писалось как о проблеме для страны с точки зрения потерь ее демографического потенциала. Например, исследовательницы миграции Е. В. Тюрюканова и И. В. Цаллагова указывали на выталкивающие эмиграционные факторы, обуславливавшие большое количество браков российских женщин с иностранцами, в контексте экономической трансформации российского общества: демократизацию социальной жизни в стране, большую неудовлетворенность и неустроенность высокообразованных женщин в России, что, в свою очередь, определялось трудностями совмещения работы с домашними проблемами и воспитанием детей, усилением экономической дискриминации женщин на рынке труда, вытеснением их из высокооплачиваемых секторов [Тюрюканова, 1996; Цаллагова, 1996].

Исследовательницы Г. П. Анашкина и С. А. Погодина в одной из работ также акцентировали внимание на разнообразии причин брачной эмиграции российских женщин, относя к ним проблемы постсоветского общества (экономические, социальные, демографические); национально-культурные особенности; демографические проблемы стран Западной Европы; психологические и культурные потребности и запросы части мужчин западного общества; наконец, возможности, которые предоставляет открытое общество [Анашкина, Погодина, 2011].

Ряд российских ученых изучают модели поведения женщин в контексте брачной эмиграции. Например, О. В. Митина и В. Ф. Петренко отмечают: «Наиболее предпочтительным для российских женщин является выйти замуж за человека более высокого социального статуса и чуть меньше — за простого человека, хорошего хозяина, живущего “земными” проблемами. В этих сценариях замужества просматривается желание найти в браке безопасность, стабильность, гарантированный жизненный уровень либо за счет более высокого статуса мужа, либо за счет того, что он сам будет решать все эти вопросы» [Митина, Петренко, 2000: 73].

О. И. Маховская утверждает, что в последнее время экономические факторы брачной эмиграции из России теряют свою актуальность и отходят на второй план: «Женская брачная эмиграция в страны дальнего зарубежья больше не имеет “колбасной”¹, то есть экономической, подоплеку. Основная причина стремления россиянок выйти замуж за границу — это кризис отечественной модели семьи» (цит. по: [Коньгина, 2003]).

Отметим, что подавляющее большинство российских исследователей данного феномена изучают его с точки зрения социально-экономических и психологических подходов. Следует указать на прикладной аспект такого изучения: выходят книги-пособия, которые содержат полезные советы, как выйти замуж за иностранца (см., напр.: [Петрова-Соломон, 2014]). Таким образом, при наличии публикаций по отдельным аспектам брачной эмиграции российских женщин отсутствуют комплексные исследования, затрагивающие все ее аспекты (психологические, социально-экономические, демографические), а значит, последствия данной формы эмиграции для страны недооцениваются.

Источники информации и методы исследования

Для целей настоящего исследования используется юридическое определение понятия «брак», так как именно в этой трактовке подразумевается официальный брак, санкционированный государством и учитывающийся в статистике. Браки могут заключаться между людьми, проживающими как в одной местности, так и в разных населенных пунктах, регионах и странах. Таким образом, иногда заключение брака сопряжено с перемещением мужчин и женщин к новому месту жительства, т. е. с миграцией. Такой тип миграции принято называть брачной.

В российской и зарубежной научной литературе существуют два подхода к пониманию термина «брачная миграция». В рамках первого подхода особое внимание уделяется цели миграции, которая определена четко — «заключение брака». сторонники данного подхода определяют брачную миграцию как «безвозвратную миграцию, осуществляемую в связи с заключением брака и соответствующим переездом одного из супругов на постоянное место жительства к другому супругу» [Ионцев, 2001: 38]. При этом переезд может как осуществляться внутри страны (внутренняя брачная миграция), так и быть связанным с пересечением государственной границы (международная брачная миграция).

¹ Термин «колбасная эмиграция» взят из популярной в 1990-е гг. песни «Два кусочка колбаски» музыкальной группы «Комбинация».

Российские ученые Р. Н. Акифьева и В. В. Ерашова не делают различий между миграцией, предполагающей заключение брака между представителями разных государств, и миграцией, обусловленной браком между гражданами одной страны, но разных национальностей, и используют в обоих случаях термин «смешанный союз» [Акифьева, Ерашова, 2016: 272]. На наш взгляд, игнорировать миграционный аспект в межнациональных браках несправедливо, поскольку у брачных мигрантов в случае переезда в другую страну возникает целый пласт социально-экономических и культурно-языковых проблем, которые заслуживают всестороннего исследования.

Сторонники второго подхода несколько расширяют трактовку понятия «брачная миграция». Под ней понимается не только переезд жениха или невесты в другую страну с целью заключения брака, но и так называемое воссоединение семьи, когда жена переезжает к мужу, уехавшему за рубеж ранее. Нам же такое определение представляется несколько избыточным, так как миграция для воссоединения семьи влечет за собой иные социально-экономические, демографические и психологические последствия, чем переезд с целью заключения брака за рубежом.

В рамках настоящего исследования применяется определение понятия «брачная миграция», свойственное первому подходу. С нашей точки зрения, брачная миграция — это перемещение людей через границу с целью заключения брака с иностранным гражданином.

Данное исследование представляет собой комплексный анализ проблемы брачной эмиграции российских женщин. Теоретико-методологической базой стали публикации отечественных и зарубежных ученых, российские и иностранные источники статистической информации о масштабах миграции из России, половозрастной структуре миграционного потока, направлениях переезда, публикации в СМИ о судьбах российских невест, заключивших брак с иностранцами, а также о деятельности брачных агентств.

Социологические исследования показывают, что эмиграция на постоянное место жительства и трудовая эмиграция часто переходят в брачную эмиграцию. Однако точно масштаб данного явления на основе имеющихся в России инструментов статистики установить сложно. Указанный недостаток может быть частично компенсирован за счет статистики стран приема российских эмигранток: в некоторых из них ведутся разработки статистических данных о заключенных браках с иностранцами по странам происхождения супругов в переписях населения (например, Япония и Корея), а также в визовой статистике (США, Франция, Канада, Австралия). Таким образом, опосредованно можно оценить численность россиянок, вышедших замуж за рубежом. Хотя география стран, имеющих данную статистику, крайне ограничена.

Важным методическим вопросом настоящего исследования является изучение инфраструктуры брачной эмиграции российских женщин, вышедших замуж за рубежом, а также особенностей их адаптации к принимающим обществам и интеграции в них, в том числе правового и социально-экономического положения.

Был создан банк данных, включающих личные интервью и интервью, представленные в прессе, с россиянками — супругами иностранных граждан,

проживающими в настоящее время за рубежом. Кроме того, проанализированы блоги и группы в социальных сетях, в которых состоят российские женщины — брачные эмигрантки. В качестве источника исследования нами также рассматривались телевизионные передачи (например, проект «Русские жены»), включавшие жизнеописание соотечественниц, вышедших замуж за иностранцев и проживающих за границей.

Исследуя тенденции брачной эмиграции российских женщин, представлялось необходимым изучать инфраструктуру данного явления, центральным звеном которой выступают брачные агентства, выполняющие роль посредников (медиаторов) и помощников в поиске иностранного супруга. Был проведен анализ сайтов брачных агентств, работающих на международном направлении, с целью выявления их роли и эффективности оказания помощи российским женщинам в поиске мужа (партнера) за рубежом, а также определения цены данных услуг.

Таким образом, инструментарий исследования включал интервью с российскими женщинами — брачными эмигрантками и сотрудниками дипломатических миссий Российской Федерации за рубежом, анализ информации печатных, электронных и телевизионных источников, обработку статистических данных, изучение сайтов брачных агентств.

Дискуссия

Следует отметить несколько дискуссионных аспектов изучаемой проблемы.

Несмотря на то что выталкивающие факторы эмиграции в разные периоды истории постсоветской России изменялись, в отношении брачной эмиграции женщин они были более стабильными и включали комбинацию объективных факторов (снижение доходов, ухудшение положения женщин на рынке труда, нехватка потенциальных партнеров на внутреннем брачном рынке, особенно в российской провинции) и субъективных (восприятие российскими женщинами иностранцев как более надежных партнеров на фоне социальной деградации части российских мужчин, ожидание более высокого уровня жизни за границей). Широкое распространение информации о возможностях эмиграции и лучшего обустройства за рубежом и стремление женщин попасть за границу при отсутствии квалификации и знания иностранных языков направляли эмиграционные установки некоторой части российских женщин исключительно в русло брачной эмиграции.

Остаются непонятными точные размеры брачной эмиграции российских женщин. Причем затруднительно оценить как эмиграционные потоки в динамике, так и численность российских женщин, проживающих за рубежом в настоящее время. Можно дать лишь косвенные оценки явления брачной эмиграции. Экспертный опрос показывает, что примерно каждая третья женщина, покинувшая Россию, имеет отношение к брачному каналу эмиграции. В этом случае масштабы брачной эмиграции российских женщин за период с 1993 по 2016 г. составили около 300 тыс. человек. Более детальные результаты расчетов за период 2008—2016 гг. приведены в таблице 1.

Таблица 1

Эмиграция на постоянное место жительства женщин из России
в 2008—2015 гг., чел.²

Год	Общая численность эмигрировавших женщин	Численность женщин, эмигрировавших в целях заключения брака (примерные оценки)
2008	21281	6384
2009	17333	5200
2010	17928	5378
2011	18321	5496
2012	36720	11016
2013	52452	15736
2014	92774	27832
2015	111704	33511
2016	126177	37853

При оценке масштабов брачной эмиграции из России целесообразно использовать также данные зарубежной статистики. Миграционными правилами некоторых государств предусмотрена выдача «визы невесты». Российская женщина, въезжающая в страну с целью заключения брака с иностранным гражданином, должна получить специальный тип визы. Выдача «виз невесты» осуществляется США, Японией, Францией, Великобританией, Германией и некоторыми другими государствами.

Одной из наиболее популярных стран для брачной эмиграции женщин из России являются США. Среди российских женщин укрепилось мнение о экономическом и социальном благополучии этой страны, надежности и тотальной состоятельности американских мужчин. Кроме того, «виза невесты» — это один из самых простых способов переехать и легализоваться в США. За последние двадцать лет по «визам невесты» в США въехали около 20,5 тыс. человек из России. При этом максимальные значения приходились на период 1999—2007 гг., когда такие визы получали более тысячи россиянок ежегодно (табл. 2).

Последующее сокращение количества выданных «виз невесты» в США (с 2008 г.), вероятно, можно объяснить относительной стабилизацией социально-экономической ситуации в России, реализацией мер демографической политики, предполагающей значительную поддержку семей с детьми, а также осложнением политических взаимоотношений между странами (в более поздний период).

Еще одной страной, активно принимающей мигрантов из России, в том числе брачных мигранток, является Германия. Ежегодно в страну переезжает около 20 тыс. россиян, из них более 60 % — женщины [International Migration Outlook, 2014]. При этом семейные причины миграции являются одними из самых распространенных. Большинство мигрантов составляют женщины, переезжающие с целью заключения брака с немецкими мужчинами (56 % от всех мигрантов, переехавших в Германию по семейным причинам). Отмечается увеличение численности брачных мигранток из России в Германию. Если в 2010 г. «визы невесты» получили 1,5 тыс. россиянок, то в 2016 г. их число превысило 2 тыс. человек.

² Рассчитано авторами на основе данных Федеральной службы государственной статистики и экспертных опросов.

Таблица 2

Количество «виз невесты», выданных США гражданкам РФ в 1997—2015 гг.³

Год	Количество «виз невесты»	Доля России в общем количестве «виз невесты», %
1997	747	6,18
1998	816	6,29
1999	1189	6,98
2000	1166	7,76
2001	1844	7,38
2002	1488	5,25
2003	1559	6,16
2004	1687	5,69
2005	1477	4,36
2006	1420	4,64
2007	1340	4,04
2008	945	3,12
2009	775	2,80
2010	778	2,51
2011	630	2,56
2012	596	2,15
2013	741	2,82
2014	705	1,96
2015	577	1,86

При сложностях точной оценки численности российских женщин — брачных эмигранток возможно описать социально-демографические параметры и выявить общие характеристики брачных мигранток на основе интервью с ними и экспертами.

Прежде всего, на фоне отсутствия точных инструментов статистической оценки брачной эмиграции из России феномен «российских (русских) невест и жен» стал практически повсеместным, он фиксируется во многих странах мира. Интервью с сотрудниками дипломатических миссий, проведенные нами в Бразилии, Аргентине, США, Мексике, Франции, Испании, ЮАР, подтверждают это. Российские гражданки, вышедшие замуж за иностранцев и проживающие в этих странах, часто обращаются в представительства РФ как по обычным вопросам (замена документов, получение справок, общение и пр.), так и в сложных жизненных ситуациях (при разводах и конфликтах с супругом, разделе имущества и пр.).

Многие гражданки РФ предпочитают давать детям, родившимся в совместных браках, российское гражданство, причем иногда даже до оформления гражданства принимающей страны. В настоящее время российское законодательство позволяет это делать очень просто при согласии супруга-иностранца. Консулы РФ во многих странах подтверждают рост популярности данной услуги. Женщины рассматривают наличие российского гражданства у ребенка,

³ Государственный департамент США. URL: <https://travel.state.gov/content/visas/en/law-and-policy/statistics/non-immigrant-visas.html> (дата обращения: 01.11.2017).

с одной стороны, как гарантию защиты государства и возможность поездок в Россию в будущем для него самого, а с другой — как собственную гарантию и страховку на случай осложнения отношений с супругом-иностранцем.

Кроме того, исследование зафиксировало феномен повторных браков «русских жен». Значительную часть среди брачных эмигранток составляют женщины, у которых неудачно сложился предыдущий брак с россиянином или иностранцем. Они целенаправленно ищут супруга-иностранца, желая остаться в стране или переехать в другую. Часто эти женщины уже имеют детей от первого брака.

Если в предыдущих исследованиях отмечалось, что большую часть эмиграционного потока составляют этнические русские женщины, не состоявшие ранее в браке, средний возраст эмигранток 28 лет, большинство из них имеют высшее образование [Гюрюканова, 1996: 91], то в настоящее время феномен «русских жен» становится в значительной степени не столько географическим или этническим, сколько социокультурным. Он строится на стереотипах, которые сформировались в некоторых странах и успешно поддерживаются брачными агентствами. В частности, распространено мнение, что русская жена образованна, хозяйственна, покладиста, послушна, ориентирована на поддержание семьи, хорошо ведет домашнее хозяйство, занимается детьми. На фоне эмансипации в западных странах эти качества у женщин уходят в прошлое. И «русские жены» заполняют данную социокультурную нишу на брачном рынке. При этом многие брачные агентства заостряют особенное внимание, можно сказать спекулируют, на эстетических аспектах — внешней красоте русских женщин. Часто объявления включают портфолио из фото и становятся определяющим параметром при оказании посреднических услуг в поиске жены через Интернет. А кроме того, в некоторых странах, например в Китае, русская жена является элементом престижа и имиджа успешного мужчины.

Нужно отметить, что феномен «русской жены» также становится все больше интернациональным, поскольку включает не только россиянок, но и женщин славянского типа со всего постсоветского пространства, прежде всего из Украины, Беларуси, Молдовы, которые также предпочитают называться за рубежом русскими. Слово «русская» более понятно иностранным мужьям, к тому же «русская жена» — это уже устойчивый и дорогой бренд на многих брачных рынках.

На фоне резкого роста масштабов брачной эмиграции российских женщин произошла коммерциализация и институционализация брачного рынка. Сформировалась инфраструктура брачной эмиграции, которая представлена частными консультационными фирмами, профессиональными свахами и, конечно же, брачными агентствами. Наибольшее распространение получили последние. Причем в условиях активного использования Интернета непринципиальным становится географическое размещение посредников, они действуют через границы, в разных странах.

По нашим подсчетам, брачных агентств в России не менее 300, в том числе около 100 находятся в Москве (учитывались только агентства с собственными веб-сайтами). Порядка 70 % из них занимаются поисками супруга для российских женщин не только внутри страны, но и за рубежом. Многие агентства были открыты еще в начале 1990-х гг., что свидетельствует об успешности их бизнеса. Деятельность брачного агентства в России является весьма прибыльной.

Среднее количество анкет в агентстве составляет 3—4 тыс., а средняя стоимость размещения анкеты — 30 тыс. руб. (примерно 500 долл. США).

Многие агентства имеют надежную репутацию и обширную базу потенциальных женихов и невест, а также, помимо выполнения основных функций, предоставляют клиентам дополнительные услуги, например услуги психолога, астролога, нумеролога и т. д. Около 60 % клиенток брачных агентств — женщины в возрасте 30—45 лет. Хотя встречаются как гораздо более молодые девушки, так и женщины более солидного возраста.

С развитием технологий появился неорганизованный (стихийный) брачный рынок, представленный интернет-сайтами знакомств. Особенности их функционирования является широкое распространение ложной информации (чужие фотографии в базе, ложные сведения о себе и пр.). Знакомясь через Интернет, люди не видят друг друга, не могут реально оценить потенциального партнера. Велика вероятность попасть на человека, связанного с криминалом, психически неустойчивого и т. д. Известно множество примеров, когда познакомившись таким образом с иностранцами и выйдя за них замуж, российские гражданки становились объектами различных форм зависимости и эксплуатации в разных странах (США, Турция, ОАЭ и др.) [Рязанцев, Сивоплясова, 2017].

В случае международного знакомства также имеется высокая опасность для российских женщин оказаться вовлеченными в систему международного трафикинга. В современной России брачные агентства не обязаны получать государственные лицензии, что не позволяет контролировать их деятельность. Зачастую организаторы трафикинга используют модельные и брачные агентства для прикрытия каналов вывоза женщин за границу и вовлечения их в торговлю людьми и проституцию. Обычно такие агентства берут деньги и с женщины, обещая найти достойного жениха-иностранца, и с мужчины, который покупает женщину в агентстве по довольно высокой цене, в последующем эксплуатирует ее сам или перепродает [Рязанцев, Сивоплясова, 2014: 71].

В отношениях женщин с брачными агентствами и сайтами знакомств зачастую возникает так называемая проблема негласного согласия. Из рекламного сообщения агентства или сайта женщина вполне может понять реальные цели, для которых она требуется. Например, информация, опубликованная на сайте одного известного в России брачного агентства, гласит: «Для девушек модельной внешности до 25 лет — размещение <анкеты> бесплатно!» И хотя в данной формулировке нет ничего противозаконного, но информация заставляет задуматься о том, что действительно стоит за таким стимулированием спроса [Ryazantsev et al., 2015].

Отметим, что брачная эмиграция россиянок связана с еще одним существенным риском. В случае расставания с супругом возникает проблема определения места проживания ребенка. Подавляющее большинство женщин закономерно хотели бы забрать ребенка (детей), жить с ним в той же стране или вернуться в Россию. Однако в большинстве стран суды встают на защиту прав прежде всего собственных граждан, предписывая оставить детей с отцом (такие случаи происходили многократно в США, Финляндии, Франции, Италии и др.). В некоторых государствах Ближнего Востока законы прямо обязывают в случае развода оставлять ребенка в семье отца.

Таким образом, брачная миграция сопряжена со множеством социально-экономических, демографических и юридических последствий и проблем.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Прежде всего, Россия стала активным участником международной миграции. Причем длительный период большую долю в миграционном потоке составляли женщины. Женская миграция осуществляется в различных формах, но специфической, характерной для женщин является брачная миграция.

Несмотря на отсутствие достоверной статистики по численности выехавших и находящихся за рубежом российских женщин, феномен «русских жен» стал значимым социально-культурным явлением во многих странах мира. Наиболее популярными странами притяжения российских невест являются США, Германия, Испания, Израиль. Новое направление брачной миграции из России — Китай. Общие сухопутные границы, дисбаланс половозрастной структуры населения Поднебесной, повышенный интерес к азиатской культуре со стороны российского населения выступают факторами, стимулирующими миграцию между странами в целом и брачную миграцию в частности.

«Русские жены» — это собирательное социокультурное понятие, включающее не только российских гражданок, но и многочисленных славянских женщин, происходящих из стран бывшего СССР. Помимо социокультурного аспекта, понятие «русские жены» приобрело экономическое содержание и характеризует определенную когорту женщин, востребованную на международном брачном рынке и компенсирующую гендерный дисбаланс, который формируется в результате эмансипации в западных странах. В связи с этим создается ряд значительных рисков, оказывающих влияние как на социально-демографическую и экономическую ситуацию в стране, так и на жизнь самих женщин.

Анализ возрастной и этнической структуры миграционных потоков женщин показывает, что страну покидают главным образом молодые красивые девушки активного репродуктивного возраста, имеющие славянскую внешность. Такая ситуация является угрозой сохранению генофонда страны и ее демографического потенциала.

Помимо общегосударственных угроз и рисков, брачная миграция из страны влечет за собой индивидуальные издержки для женщин. Они вызваны рисками попасть в зависимость от мужа-иностранца, стать объектом эксплуатации, быть вовлеченной в систему международного трафикинга, сексуальную эксплуатацию и проституцию. Особенности данных видов преступлений является их латентный характер, а также сложность обнаружения и доказывания вины преступника. В отношении женщин в подавляющем большинстве случаев применяется насилие, что влечет за собой потерю как физического, так и психического здоровья.

Кроме того, важным негативным последствием брачной миграции, оказывающим влияние прежде всего на саму женщину, но вместе с тем отражающимся на социально-демографической ситуации в России, является потеря детей после распада брака. Часто судебные органы государств встают на сторону граждан своей страны. Поэтому российским женщинам крайне сложно (а часто

даже невозможно) защитить свои права в другом государстве. Таким образом, наша страна теряет свое население, свой трудовой потенциал.

Для России как государства отток женщин репродуктивного и трудового возраста приводит к потере трудовых и демографических ресурсов, усугубляет прямое и косвенное сокращение численности населения, снижение рождаемости, вносит вклад в депопуляцию.

Библиографический список

- Акифьева Р., Ерашова В. Культурные и интеграционные практики русскоязычных женщин в процессе брачной миграции в Нидерланды // Восток на Востоке, в России и на Западе: трансграничные миграции и диаспоры / под ред. С. Панарина. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 271—295.
- Анашкина Г. П., Погодина С. А. Брак с иностранцем как новая модель адаптации российских женщин в условиях переходного общества. 2011. URL: <http://www.gumilev-center.ru/brak-s-inostrancem-kak-novaya-model-adaptacii-rossijskikh-zhenshhin-v-usloviyakh-perekhodnogo-obshhestva/> (дата обращения: 01.11.2017).
- Ионцев В. А. Международная миграция населения и демографическое развитие России // Международная миграция населения: Россия и современный мир / гл. ред. В. А. Ионцев. М.: МАКС Пресс, 2000. Вып. 5. С. 38—62.
- Коньгина Н. Замуж за иностранцев выходят не из-за денег. 2003. URL: <https://iz.ru/news/272196> (дата обращения: 01.11.2017).
- Митина О. В., Петренко В. Ф. Кросс-культурное исследование стереотипов женского поведения: (Россия — США) // Вопросы психологии. 2000. № 1. С. 68—87.
- Петрова-Соломон Е. 101 совет как выйти замуж за иностранца. 2014. URL: <http://www.zamuzh.com/book/introduc/index.htm> (дата обращения: 01.11.2017).
- Рязанцев С. В., Сиволясова С. Ю. Россия в международной торговле женщинами // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Право. 2014. № 16, вып. 29. С. 69—73.
- Рязанцев С. В., Сиволясова С. Ю. Брачная эмиграция женщин из России: причины, особенности, последствия // Научное обозрение. Сер. 1, Экономика и право. 2017. № 4—5. С. 5—12.
- Рязанцев С. В., Тикунов В. С., Сиволясова С. Ю. Региональные аспекты женской эмиграции из России // Метаморфозы в пространственной организации мировой экономики в начале XXI века / под ред. И. А. Родионовой. М.: Унив. кн., 2016. С. 228—237.
- Тюрюканова Е. В. Миграция женщин из России: еще одна «стратегия успеха»? // Гендерные аспекты социальной трансформации. М.: Центр миграц. исслед., 1996. С. 84—103.
- Цаллагова И. В. Вопросы женской миграции в средствах массовой информации // Гендерные аспекты социальной трансформации. М.: Центр миграц. исслед., 1996. С. 25—26.
- Bray I., Chart J. D. What to Expect When Sponsoring a Fiancé or Spouse for a Green Card: Find Out How Long It Takes To Get a Fiancé or Spouse Visa — and How To Do It. 2016. URL: <https://www.nolo.com/legal-encyclopedia/green-card-sponsoring-fiance-spouse-29026.html> (дата обращения: 01.11.2017).
- Charsley K., Bolognani M., Spencer S., Erganilli E., Jayaweera H. Marriage Migration and Integration: Report. Bristol: University of Bristol, 2016. 74 p.

- International Migration Outlook. 2014. URL: http://www.keepeek.com/Digital-Asset-Management/oecd/social-issues-migration-health/international-migration-outlook-2014_migr_outlook-2014-en#page341 (дата обращения: 01.11.2017).
- Ryazantsev S., Sivoplyasova S. Womens emigration from russia factors, trends, geography // The Social Sciences. 2016. Vol. 11. P. 5643—5647.
- Ryazantsev S. V., Karabulatova I. S., Sivoplyasova S. Yu., Pismennaya E. E., Manshin R. V. Modern aspects of human trafficking in the context of labor exploitation and irregular labor migration in the Russian Federation // Mediterranean Journal of Social Science. 2015. Vol. 6, № 3. P. 67—72.

References

- Akif'eva, R., Erashova, V. (2016) Kul'turnye i integratsionnye praktiki russkoiazыchnykh zhenshchin v protsesse brachnoї migratsii v Niderlandy [Cultural and integration practices of Russian-speaking women in the process of marriage migration to the Netherlands], in: Panarin, S. (ed.), *Vostok na Vostoke, v Rossii i na Zapade: transgranichnye migratsii i diaspory*, St. Petersburg: Nestor-Istoriia, pp. 271—295.
- Anashkina, G. P., Pogodina, S. A. (2011) *Brak s inostrantsem kak novaia model' adaptatsii rossiiskikh zhenshchin v usloviakh perekhodnogo obshchestva* [Marriage with a foreigner as a new model of adaptation of Russian women in a transitional society], available from <http://www.gumilev-center.ru/brak-s-inostrantsem-kak-novaya-model-adaptatsii-rossijskikh-zhenshchin-v-usloviakh-perekhodnogo-obshchestva/> (accessed 01.11.2017).
- Bray, I., Chart, J. D. (2016) *What to Expect When Sponsoring a Fiancé or Spouse for a Green Card: Find Out How Long It Takes To Get a Fiancé or Spouse Visa and How To Do It*, available from <https://www.nolo.com/legal-encyclopedia/green-card-sponsoring-fiance-spouse-29026.html> (accessed 01.11.2017).
- Charsley, K., Bolognani, M., Spencer, S., Ersanilli, E., Jayaweera, H. (2016) *Marriage Migration and Integration: Report*, Bristol: University of Bristol.
- International Migration Outlook* (2014), available from http://www.keepeek.com/Digital-Asset-Management/oecd/social-issues-migration-health/international-migration-outlook-2014_migr_outlook-2014-en#page341 (accessed 01.11.2017).
- Iontsev, V. A. (2000) Mezhdunarodnaia migratsiia naseleniia i demograficheskoe razvitie Rossii [International migration of the population and the demographic development of Russia], in: *Mezhdunarodnaia migratsiia naseleniia: Rossiia i sovremennyi mir*, iss. 5, Moscow: MAKS Press, pp. 38—62.
- Konygina, N. (2003) *Zamuzh za inostrantsev vykhodiat ne iz-za deneg* [Marry foreigners do not go for money], available from: <https://iz.ru/news/272196> (accessed 01.11.2017).
- Mitina, O. V., Petrenko, V. F. (2000) Kross-kul'turnoe issledovanie stereotipov zhenskogo povedeniia: (Rossiia — SShA) [Cross-cultural study of stereotypes of female behavior: (Russia—USA)], *Voprosy psikhologii*, no. 1, pp. 68—87.
- Riazantsev, S. V., Sivoplyasova, S. Iu. (2014) Rossiia v mezhdunarodnoї torgovle zhenshchinami [Russia in international trade in women], *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta, seriia Filosofii. Sotsiologii. Pravo*, no. 16, iss. 29, pp. 69—73.
- Riazantsev, S. V., Sivoplyasova, S. Iu. (2017) Brachnaia emigratsiia zhenshchin iz Rossii: prichiny, osobnosti, posledstviia [Marital emigration of women from Russia: causes, features, consequences], *Nauchnoe obozrenie, seriia 1, Ekonomika i pravo*, no. 4—5, pp. 5—12.

- Riazantsev, S. V., Tikunov, V. S., Sivoplyasova, S. Iu. (2016) Regional'nye aspekty zhenskoj émigratsii iz Rossii [Regional aspects of female emigration from Russia], in: Rodionova, I. A. (ed.), *Metamorfozy v prostranstvennoï organizatsii mirovoï ekonomiki v nachale XXI veka*, Moscow: Universitetskaia kniga, pp. 228—237.
- Ryazantsev, S., Sivoplyasova, S. (2016) Womens emigration from Russia factors, trends, geography, *The Social Sciences*, vol. 11, pp. 5643—5647.
- Ryazantsev, S. V., Karabulatova, I. S., Sivoplyasova, S. Yu., Pismennaya, E. E., Man-shin, R. V. (2015) Modern aspects of human trafficking in the context of labor exploitation and irregular labor migration in the Russian Federation, *Mediterranean Journal of Social Science*, vol. 6, no. 3, pp. 67—72.
- Tiuriukanova, E. V. (1996) Migratsiia zhenshchin iz Rossii: eshchë odna «strategiia uspekha»? [Migration of women from Russia: another “strategy for success”?], *Gendernye aspekty sotsial'noï transformatsii*, Moscow: Tsentr migratsionnykh issledovaniï, pp. 84—103.
- Tsallagova, I. V. (1996) Voprosy zhenskoï migratsii v sredstvakh massovoï informatsii [Issues of female migration in the media], *Gendernye aspekty sotsial'noï transformatsii*, Moscow: Tsentr migratsionnykh issledovaniï, pp. 25—26.

Статья поступила 02.02.2018 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Рязанцев Сергей Васильевич — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, директор, Институт социально-политических исследований РАН, г. Москва, Россия, riazan@mail.ru (Dr. Sc. (Econ.), Professor, Director, Institute for Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Сивоплясова Светлана Юрьевна — кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра социальной демографии, Институт социально-политических исследований РАН, г. Москва, Россия, svetlankamos84@rambler.ru (Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor, Senior Researcher Fellow of the Center of Social Demography, Institute for Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Ростовская Тамара Керимовна — доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Институт социально-политических исследований РАН, г. Москва, Россия, gostovskaya.tamara@mail.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor, Deputy Director for Research, Institute for Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Бушкова Людмила Алексеевна — кандидат социологических наук, доцент департамента социологии, истории и философии, Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Россия, nikitar@list.ru (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor at the Department of Sociology, History and Philosophy, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2018. No. 4. P. 100—110
DOI: 10.21064/WinRS.2018.4.9

Женщина в российском обществе
2018. № 4. С. 100—110
ББК 60.561.23
DOI: 10.21064/WinRS.2018.4.9

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ ЖЕНСКОГО ПЕРСОНАЛА КАК ЛАТЕНТНЫЙ ФЕНОМЕН ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ЖИЗНИ

З. Х.-М. Саралиева, Л. Н. Захарова, И. С. Леонова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, zara@fsn.unn.ru

Дан анализ проблемы продления активного трудоспособного периода жизни женщины, выдерживающей конкуренцию на современном рынке труда в условиях приверженности работодателей негативным стереотипам о старении. На материале эмпирического исследования показано, что трудовая деятельность — это та сфера, в которой обнаруживается несовпадение хронологического и социально-психологического возраста женщин, что организационные условия предприятий существенным образом влияют на процесс психологического старения сотрудников и проявление их социально-психологических характеристик. Выявлено благоприятное воздействие инновационной организационной культуры на поддержание трудоспособности женщин. Разновозрастные группы женского персонала по своим психологическим характеристикам значительно более близки внутри одной организационной культуры, чем группы одного возраста в организационных культурах разного типа. Выделены психологические характеристики, наиболее подверженные возрастным изменениям.

Ключевые слова: хронологический возраст, социально-психологический возраст, характеристики старения, трудовая деятельность, организационная культура, ценности организационного развития, мотивация, принятие решений, стереотипы, подверженность стрессу.

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL AGE OF WOMEN'S STAFF AS A LATENT PHENOMENON OF ORGANIZATIONAL LIFE

Z. H.-M. Saralievа, L. N. Zakharova, I. S. Leonova

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russian Federation, zara@fsn.unn.ru

Presented are the results of a theoretical and empirical study of the problem of prolonging an active working age of women who can be competitive in the modern labor market in the conditions of employers' adherence to negative stereotypes of aging. The characteristic of the Russian specificity of the woman's entry into a late age is given. Factors that facilitate this entry are disclosed, including those existing at the level of conscious motivation, as well as the factors that reduce the quality of a woman's life at a later age. The need to introduce

the concept of the socio-psychological age of a woman is shown; its working definition is given. The empirical material shows that labor activity is that sphere in which the discrepancy between the chronological and socio-psychological age of women is found out, that the organizational conditions of enterprises significantly influence the process of psychological aging of employees and the manifestation of their socio-psychological characteristics. As characteristics of the socio-psychological age, adherence to the values of organizational development, susceptibility to stereotypes, openness and responsibility for decision-making, conflict and exit strategies, susceptibility to organizational stress and ways to overcome it are investigated. It has been revealed that the employees of innovative enterprises with chronological age over 55 years in terms of their significant social and psychological characteristics are not that different from their colleagues under the age of 50 years. A number of psychological characteristics that are most prone to age-related changes in innovative organizational conditions are singled out: displacement of the motivational balance in favor of common motivation, a decrease in the level of openness and trust in managers, increased exposure to organizational stress, and the desire for psychological protection from stress in the form of advance preparation for change. Besides, according to these characteristics employees of innovative enterprises differ in a positive way from their peers and younger women working in enterprises with archaic forms of organizational culture. Different age groups of female personnel are much closer in their organizational characteristics to their psychological characteristics than groups of the same age in organizational cultures of different types. It is shown that the socio-psychological age of a woman refers to the actual latent phenomena of organizational conditions. Proposals have been formulated to develop programs to contain psychological aging aimed at preserving the quality of life in various spheres of social, including labor, life. Such programs can be effective in the constructive interaction of social institutions working to overcome archaic forms of social life, for the management of enterprises that develop promising forms of personnel management, and psychological services that provide adequate assistance to people reaching the appropriate age levels.

Key words: chronological age, socio-psychological age, characteristics of aging, labor activity, organizational culture, values of organizational development, motivation, making decisions, stereotypes, susceptibility to stress.

С каждым если не годом, то десятилетием все больше людей задается вопросом о продлении активного трудоспособного периода своей жизни. Рост продолжительности жизни вследствие развития медицины, действия целого комплекса социальных и культурных факторов обуславливает формирование нового взгляда на жизнь в так называемом периоде поздней зрелости. В нем, начиная с 60 лет, выделяются четыре десятилетних периода со своими особенностями морфофункциональных характеристик, состояния здоровья, когнитивных процессов, личностных задач сдерживания процессов старения и достижения новых уровней адаптации [Burnside, Ebersole, 1979]. Наиболее перспективными с социальной, экономической и психологической точек зрения представляются два первых периода (60—80 лет), когда сам человек имеет значительные возможности влияния на свою адаптацию к идущим возрастным изменениям и внешним вызовам.

Одним из таких наиболее серьезных вызовов является сохранение или получение места работы женщинами. На современном российском рынке труда женщины поздних возрастов вынуждены конкурировать с представителями

более молодых когорт мужчин и женщин и с мужчинами своей собственной возрастной группы. Потенциал женщин используется далеко не в полной мере. Им приходится работать на низкооплачиваемых должностях, они попадают в гендерно-сегрегированные профессиональные ниши неформальной экономики, подвергаются прекариатизации, и все это наиболее остро чувствуют женщины старших возрастов [Петрова, 2013; Хасбулатова, 2014; Клименко, Посухова, 2017]. Зарубежные исследователи также отмечают преобладающую занятость пожилых женщин в сфере услуг и иных нетехнологичных областях [Staudinger et al., 2016], но пожилые женщины западных стран — это женщины старше 65 лет.

Раскрытие зависимости психологического самочувствия, продолжительности жизни после 65 лет и даже уровня экономического развития страны от участия в трудовой деятельности пожилых людей вполне объясняет введение в последние годы в научный оборот понятия «успешное старение» или его смысловых аналогов — «жизненно важное старение», «продуктивное старение» [Rowe, Kahn, 1997; Martin et al., 2015; Staudinger et al., 2016]. Эти понятия подразумевают удовлетворенность жизнью, долголетие, свободу от инвалидности, мастерство и рост, активное участие в жизни и независимость [Moody, 2005: 59].

Становится все более очевидным, что нужно оценивать многомерность процесса человеческого развития и старения, поскольку это не только биологический, но и очень пластичный интерактивный процесс с относительностью значения хронологического возраста. Множество культурных, экономических, психологических факторов, уровень образования, усвоенные социальные роли определяют то, что может проявляться как психологический возраст конкретного человека [Staudinger, 2015]. Представляется, что еще более конструктивным понятием в отношении женщин поздних возрастов будет являться понятие социально-психологического возраста.

В социально-психологическом возрасте, как субъективном и социальном феномене, фиксируется не только самочувствие женщины, сформированное на самовосприятии комплекса физических, интеллектуальных и социальных компетенций, соотносимых с типичными характеристиками какого-либо более молодого или более позднего хронологического возраста, но и комплекс характеристик восприятия ее представителями социума, конгруэнтный самовосприятию женщины. Она не может требовать, чтобы ее воспринимали как мотивированную, компетентную и эффективную работницу, она может только быть такой, убеждая остальных всем своим обликом и моделями поведения. Консультативная практика показывает, что значительное количество женщин с разной степенью осознанности, иногда самостоятельно, иногда при помощи психолога-консультанта используют психологический механизм замены хронологического возраста социально-психологическим, что нередко помогает преодолеть негативные установки работодателя.

Принятие решений работодателями определяется действием целого комплекса факторов. Кроме нормы закона, как правило, объяснения дискриминации по возрасту и полу базируются на устойчивых социальных стереотипах о старости. Их исследования показывают, что, хотя есть несколько положительных характеристик людей поздних возрастов, таких как готовность к согласию, надежность

и лояльность, а также опыт, все же отрицательные ассоциации преобладают. Это прежде всего невосприимчивость нового вследствие отсутствия гибкости, потери способности к обучению как результат снижения уровня интеллекта, приверженность стереотипам в мышлении и поведении, утрата автономности и, следовательно, нежелание брать на себя персональную ответственность, подверженность стрессу, болезни [Gordon, Arvey, 2004; Nelson, 2002]. Более того, стереотипы, существующие в обществе, имеют тенденцию распространяться на самовосприятие самого пожилого человека, и он становится готовым найти у себя черты, содержащиеся в стереотипе, в том числе и в восприятии себя как работника, недооценивая свой опыт, навыки и производительность [Staudinger, 2015]. И это при том, что исследования не подтверждают тотального снижения психических функций и изменения установок у большинства пожилых людей [ibid.: 199].

Каждый социально-психологический феномен имеет как внутреннюю (ценности, мотивация), так и внешнюю детерминацию (политические, организационные, семейные и другие контексты человеческого бытия) [Guimond et al., 2010]. В феномене отторжения женщин от трудовой деятельности сталкиваются внутренние факторы: очень разная мотивация женщин к продолжению работы и стереотипы работодателей.

Но всегда ли и везде действуют негативные стереотипы о старости? Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к внешним контекстным факторам, способствующим и препятствующим стереотипизации мышления и поведения. В трудовой деятельности определяющим условием, внешним по отношению к конкретному человеку, является организационная культура (ОК) предприятия. Ее основу составляют ценности большей части персонала, а проявляется она в поведенческих моделях, формирующихся на основе этих ценностей [Шейн, 2002].

Так, в проведенных исследованиях показано, что ОК — фактор, регулирующий выражение гендерных различий и стереотипов. Инновационно-рыночная культура сдерживает, а бюрократически-клановая раскрепощает проявления гендерной специфики [Захарова и др., 2017; Саралиева, Захарова, 2017]. Однако сравнительный анализ характеристик социально-психологического возраста в группах персонала, имеющего разный хронологический возраст, не проводился. Результаты такого исследования могут пролить свет на возможности и (или) ограничения участия сотрудников поздних возрастов в трудовой деятельности на перспективных предприятиях.

Цель нашего исследования — осуществить сравнительный анализ характеристик социально-психологического возраста женского персонала на ординарных и инновационных предприятиях. В качестве респондентов в нем приняли участие 113 сотрудниц производственных предприятий и учреждений здравоохранения. Ординарные предприятия представлены 63 женщинами, из них 37 старше 55 лет и 28 моложе 50. Сотрудницами инновационных предприятий явились 50 женщин: 20 старше 55 лет и 30 моложе 50. Все респонденты с высшим образованием. В эмпирическую базу исследования вошли только те ординарные предприятия, менеджмент которых поставил задачу перехода в инновационный формат развития.

**Организационная культура современных российских предприятий
и характеристики социально-психологического возраста женского персонала**

Характеристика	Ординарные предприятия (кланово-иерархическая модель ОК)			Инновационные предприятия (рыночно-адхократическая модель ОК)			
	Моложе 50 лет	Старше 55 лет	Y	Моложе 50 лет	Старше 55 лет	Y	
Ценностные приоритеты организационного развития	Клановые и иерархические ценности			–	Сохранение и усиление инновационного компонента ОК	Сохранение инновационного компонента ОК	T
Мотивация менеджеров	Преобладание трудовой над общежитической			–	Преобладание трудовой над общежитической		–
Мотивация исполнителей	Преобладание общежитической над трудовой			–	Преобладание трудовой над общежитической	Баланс трудовой и общежитической мотивации	T
Уровень ответственности менеджеров	Умеренно высокий			–	Высокий		–
Уровень открытости менеджеров	Низкий			–	Высокий		–
Уровень ответственности исполнителей	Низкий			–	Высокий		–
Уровень открытости исполнителей	Низкий			–	Высокий	Умеренно высокий	T
Уровень доверия менеджерам	Низкий			–	Высокий	Умеренно высокий	T
Уровень доверия менеджеров подчиненным старшего возраста	Низкий	Высокий	*	Высокий			–
Характер конфликтов	Ценностный			–	Инструментальный		–
Преобладающие стратегии конфликтного поведения	Пассивные формы с демонстрацией готовности к сотрудничеству			–	Баланс сотрудничества и соперничества с контролем над отношениями	Преобладание сотрудничества и компромисса	*
Подверженность влиянию дореформенных стереотипов	Высокая			–	Низкая		–
Подверженность организационному стрессу	Высокая			–	Низкая	Умеренно высокая	*
Стратегии преодоления стресса	Уход во вне-профессиональные роли	Уход во вне-профессиональные роли, стремление сохранить дореформенные организационные условия		Коммуникации, стремление прояснить ситуацию	Коммуникации, стремление прояснить ситуацию и по своим компетенциям не только адаптироваться, но и опережать изменения		

Примечание. Статистическая значимость различий Y (критерий Уайта): * — $p \leq 0,05$; T — тенденция; – — статистически значимые различия отсутствуют.

Существующий на предприятии тип ОК и ценностные приоритеты организационного развития изучены с помощью метода оценки организационной культуры К. Камерона и Р. Куинна (OCAI). Для определения трудовой мотивации использован метод личностных самоидентификаций М. Куна, особенности принятия решений и подверженность влиянию стереотипов выявлены с помощью метода конкретных ситуаций [Захарова и др., 2017]. Для оценки преобладающих типов конфликтов использованы результаты интерпретации данных OCAI. Стратегии поведения в конфликтной ситуации выявлены с помощью опросника Р. Томаса и Р. Килманна и сопряженного с ним метода экспертной оценки, беседы и наблюдения. Данные о подверженности респондентов организационному стрессу получены в результате анализа конфликтности организационных условий и выбора респондентами стратегий преодоления конфликтов. Для большей наглядности конкретные значения показателей психологического возраста даны в таблице в виде их содержательных характеристик или в соответствии с их позицией на шкалах оценки.

Анализ результатов

Первое, что обращает на себя внимание, это близость характеристик разновозрастных сотрудников внутри ОК с превалированием кланового и иерархического компонентов. Такие типы ОК свойственны предприятиям с трудностями модернизации, причем иерархически-клановая модель типична для производственных предприятий, а кланово-иерархическая — для медицинских учреждений [там же]. В любом случае к числу базовых ценностей, на которых держится ОК ординарных предприятий, относятся ценности отношений и бюрократические ценности. Данные таблицы показывают, что женский персонал предприятий является приверженцем этих ценностей и настроен на их сохранение в обозримом будущем. Для персонала не только старше 55 лет, но и моложе 50, принципиально важна поддержка таких организационных условий, т. е. сопротивление изменениям наблюдается независимо от принадлежности к возрастной группе. Если обратиться к характеристикам трудовой мотивации, можно видеть то же межвозрастное единство: личностные самоидентификации женского персонала концентрируются главным образом вокруг социальных ролей в семье и частной жизни. Это указывает на личностную невовлеченность женщин в трудовой процесс. Труд рассматривается ими как вынужденная обязанность.

Иные ценностные характеристики персонала на инновационных предприятиях. Здесь тоже можно видеть межвозрастное ценностное единство женского персонала, но с двумя важными отличиями. Во-первых, женщины обеих возрастных групп поддерживают инновационные ценности. Это указывает на профессионализм менеджмента, сумевшего сделать инновационную организационную среду привлекательной для сотрудниц независимо от возраста. Во-вторых, в более старшей группе наблюдается некоторое желание сохранить достигнутый уровень инновационности, а не наращивать его, что нехарактерно для более молодых респондентов. Но это желание существует лишь в тенденции, а не на уровне статистической значимости. Различий в трудовой мотивации нет. Сотрудники

обеих возрастных групп обнаруживают высокий уровень трудовой вовлеченности. Мотивационные характеристики сближают женский персонал инновационных предприятий с менеджерами и демонстрируют принципиальные отличия от персонала обычных предприятий.

Представленные мотивационные характеристики менеджеров обычных и инновационных предприятий подчеркивают их вовлеченность в трудовой процесс. Среди них есть и женщины (медицинские учреждения) и мужчины (производственные предприятия), но по тем или иным причинам менеджмент обычных предприятий не смог изменить ценностные и мотивационные характеристики женского персонала.

Таким образом, можно видеть, что не возраст, а тип организационной культуры является фактором готовности женского персонала поддержать динамичные условия инновационных предприятий, в то время как на остальных предприятиях наблюдается межвозрастное ценностно-мотивационное единство, препятствующее модернизации и переходу к инновационному развитию, несмотря на усилия менеджмента.

Поскольку ценности являются предикторами поведения [Schwartz et al., 2012], закономерны результаты, раскрывающие особенности принятия решений женским персоналом разновозрастных групп на обычных и инновационных предприятиях и фиксирующие его подверженность влиянию стереотипов. Характеристики принятия решений подтверждают и делают более очевидными ценностные предпочтения женского персонала. Так, на обычных предприятиях принятие решений сотрудницами обеих возрастных групп характеризуется низкими уровнями открытости и ответственности, т. е. не только женщины старшего возраста неавтономны, но и более молодые предпочитают избегать ответственности. Они не доверяют ни менеджерам, ни своим коллегам, поддерживая постоянство стереотипов о защитном поведении, административной доминанте и приоритете солидарности, а не конкурентоспособности [Захарова и др., 2017: 267, 269]. Заслуживает внимания факт большего доверия менеджеров, работающих в условиях кланово-иерархической модели организационной культуры, сотрудницам старшей возрастной группы. Их считают более послушными, склонными выполнить любое распоряжение руководителя.

На инновационных предприятиях организационная ситуация совершенно другая. Женский персонал работает в условиях открытости и ответственности менеджмента, это порождает ответственность и открытость подчиненных обеих возрастных групп, причем разновозрастной женский персонал одинаково свободен от стереотипов, конечно, не в полной мере, но статистически значительно отличается по данной характеристике от персонала обычных предприятий. Нельзя не отметить то, что женщины старшего возраста все же несколько меньше доверяют менеджерам, чем молодые. Эта тенденция проявляется в стратегиях их поведения при конфликте. Более старшие женщины не идут на открытое противостояние, отдавая предпочтение сотрудничеству и поиску компромисса, в отличие от более молодых коллег. Тем не менее необходимо учитывать, что на обычных и инновационных предприятиях происходят принципиально разные конфликты. На обычных предприятиях конфликты возникают при попытках изменить организационные условия в пользу рыночно-инновационных, они

имеют скрытый характер с демонстрацией готовности к сотрудничеству с менеджментом, но протекают в форме молчаливого стойкого сопротивления изменениям. На инновационных предприятиях преобладают инструментальные конфликты, в которых проявляются противоречия в отношении содержания и способов решения производственных и организационных задач, сотрудники чувствуют себя значительно более свободными в выражении своего мнения, и это приветствуется менеджментом.

Неслучайно наблюдается разная степень подверженности стрессу женского персонала ординарных и инновационных предприятий. И для более молодых женщин, и для женщин старшего возраста требования менеджмента одинаково неприятны, они сулят нежелательные изменения, закономерно вызывающие стресс. Анализ подверженности организационному стрессу позволяет выявить еще одну характеристику, зависящую от возраста. Степень подверженности такому стрессу женского персонала более старшего возраста на инновационных предприятиях ниже, чем у персонала обеих возрастных групп ординарного предприятия, но выше, чем у молодых женщин — сотрудниц инновационного предприятия, и данные различия статистически значимы.

Эта особенность проявляется и в стратегиях преодоления стресса. Для обеих возрастных групп женского персонала ординарных предприятий характерны обесценивание трудовой деятельности и уход в личностно значимые внепрофессиональные сферы. У женщин старшего возраста на уровне тенденции это обесценивание более выражено и проявляется в готовности прекратить трудовую деятельность. Женский персонал инновационных предприятий идет другим путем. Сотрудницы обеих возрастных групп готовы к коммуникациям, прояснению и урегулированию конфликтной ситуации. У старших это сопровождается довольно интересной поведенческой особенностью: они хотят заранее узнать об изменениях, способных вызвать напряжение и стресс, чтобы успеть адаптироваться, на что у них тратится, по-видимому, больше времени и сил, чем у более молодых коллег.

Следует отметить, что организационная детерминация социально-психологических характеристик возраста женщин имеет латентный характер. Они воспринимают организационную ситуацию и себя в ней естественно, органично и чаще склонны хорошее самочувствие, близость своих компетенций компетенциям более молодых коллег объяснять хорошей наследственностью, любовью к своей профессии, занятиями спортом и значительно реже — эффективным менеджментом.

Выводы

Трудовая деятельность — это та сфера, в которой подтверждается несовпадение хронологического и социально-психологического возраста женщин.

Организационные условия предприятий существенным образом влияют на процесс психологического старения сотрудников. Не столько возраст, сколько тип организационной культуры во многом определяет проявление качеств, которые ассоциируются со старением: неготовности к изменениям, отсутствия автономности, подверженности стрессу.

На инновационных предприятиях типичные психологические характеристики возраста имеют статистически значимые менее выраженные проявления, чем на предприятиях с архаичными формами организационной культуры, где психологические признаки старения наблюдаются даже у более молодых людей. Разновозрастные группы персонала по своим психологическим характеристикам значительно более близки внутри одной организационной культуры, чем группы одинакового возраста в организационных культурах разного типа. Тем не менее и на инновационных предприятиях с возрастом у женского персонала мотивационный баланс имеет тенденцию нарушаться в пользу общежитической мотивации, снижается уровень открытости и доверия менеджерам, возрастает подверженность организационному стрессу и появляется стремление к психологической защите от стресса в форме заблаговременной подготовки к изменениям.

Актуальна разработка программ психологической коррекции личностных особенностей, не всегда адекватно воспринимаемых в социуме как проявления старения. Программы, направленные на сдерживание психологического старения, могут способствовать ценностной переориентации людей средней и поздней взрослости на сохранение качества жизни в различных сферах социальной, в том числе трудовой, жизни. Такие программы будут эффективными при конструктивном взаимодействии социальных институтов, работающих на преодоление архаичных форм социальной жизни, менеджмента предприятий, развивающих перспективные формы управления персоналом, и психологических служб, оказывающих адекватную помощь людям, достигавшим соответствующих возрастных рубежей.

Библиографический список

- Захарова Л. Н., Коробейникова Е. В., Леонова И. С.* Ценностный конфликт и психологическая жизнеспособность персонала российских предприятий. Н. Новгород: Нижегород. ун-т им. Н. И. Лобачевского, 2017. 412 с.
- Клименко Л. В., Посухова О. Ю.* Гендерные аспекты прекариатизации труда в российском обществе // *Женщина в российском обществе*. 2017. № 1. С. 29—40.
- Петрова Ж. В.* Дискриминационные практики пенсионеров по возрасту в профессионально-трудовой сфере как проблема социально-экономической политики государства: гендерный аспект // *Женщина в российском обществе*. 2013. № 4. С. 23—32.
- Сарашиева З. Х.-М., Захарова Л. Н.* Женщины как персонал современного предприятия: ценностный аспект // *Женщина в российском обществе*. 2017. № 3. С. 45—57.
- Хасбулатова О. А.* Гендерный подход как технология повышения эффективности кадровой политики // *Женщина в российском обществе*. 2014. № 4. С. 3—10.
- Шейн Э. Х.* Организационная культура и лидерство. СПб.: Питер, 2002. 336 с.
- Burnside I. M., Ebersole P.* Psychological Caring through the Lifespan. New York: McGraw-Hill, 1979. 655 p.
- Gordon R. A., Arvey R. D.* Age bias in laboratory and field settings: a meta-analytic investigation // *Journal of Applied Social Psychology*. 2004. Vol. 34, № 3. P. 468—492.
- Guimond S., Chatard A., Kang P.* Personality, social and self-categorization // *European Journal of Personality*. 2010. Vol. 24, № 5. P. 488—492.

- Martin P., Kelly N., Kahana M. N. B. Defining successful aging: a tangible or elusive concept? // *The Gerontologist*. 2015. Vol. 55, № 1. P. 14—25.
- Moody H. R. From successful aging to conscious aging // *Successful Aging through the Life Span: Intergenerational Issues in Health* / ed. by M. Wykle, P. Whitehouse, D. Morris. New York: Springer, 2005. P. 55—68.
- Nelson T. D. *Ageism: Stereotyping and Prejudice Against Older Persons*. Cambridge (MA): MIT Press, 2004. 365 p.
- Rowe J. W., Kahn R. L. Successful aging // *The Gerontologist*. 1997. Vol. 37, № 4. P. 433—440.
- Schwartz S. H. et al. Refining the theory of basic individual values // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2012. Vol. 103, № 4. P. 663—688.
- Staudinger U. M. Images of aging: outside and inside perspectives // *Annual Review of Gerontology and Geriatrics*. 2015. Vol. 35, № 1. P. 187—210.
- Staudinger U. M., Finkelstein R., Calvo E., Sivaramakrishnan K. A. Global view on the effects of work on health in later life // *The Gerontologist*. 2016. Vol. 56, iss. 2 (suppl.). P. 281—292.

References

- Burnside, I. M., Ebersole, P. (1979) *Psychological Caring through the Lifespan*, New York: McGraw-Hill.
- Gordon, R. A., Arvey, R. D. (2004) Age bias in laboratory and field settings: a meta-analytic investigation, *Journal of Applied Social Psychology*, vol. 34, no. 3, pp. 468—492.
- Guimond, S., Chatard, A., Kang, P. (2010) Personality, social and self-categorization, *European Journal of Personality*, vol. 24, no. 5, pp. 488—492.
- Khasbulatova, O. A. (2014) Gendernyi podkhod kak tekhnologiya povysheniia effektivnosti kadrovoi politiki [Gender approach as a technology to improve the efficiency of personnel policy], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 3—10.
- Klimenko, L. V., Posukhova, O. Iu. (2017) Gendernye aspekty prekariatizatsii truda v rossiiskom obshchestve [Gender aspects of precarious work in Russian society], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 29—40.
- Martin, P., Kelly, N., Kahana, M. N. B. (2015) Defining successful aging: a tangible or elusive concept?, *The Gerontologist*, vol. 55, no. 1, pp. 14—25.
- Moody, H. R. (2005) From successful aging to conscious aging, in: Wykle, M., Whitehouse, P., Morris, D. (eds), *Successful Aging through the Life Span: Intergenerational Issues in Health*, New York: Springer, pp. 55—68.
- Nelson, T. D. (2004) *Ageism: Stereotyping and Prejudice Against Older Persons*, Cambridge, MA: MIT Press.
- Petrova, Zh. V. (2013) Diskriminatsionnye praktiki pensionerov po vozrastu v professional'no-trudovoi sfere kak problema sotsial'no-ekonomicheskoi politiki gosudarstva: gendernyi aspekt [Discriminatory practices of retirees by age in the professional labor sphere as a problem of the socio-economic policy of the state: gender aspect], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 23—32.
- Rowe, J. W., Kahn, R. L. (1997) Successful aging, *The Gerontologist*, vol. 37, no. 4, pp. 433—440.
- Saraliev, Z. Kh.-M., Zakharova, L. N. (2017) Zhenshchiny kak personal sovremennogo predpriiatiia: tsennostnyi aspekt [Women as a staff of a modern enterprise: a value aspect], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 45—57.

- Schwartz, S. H. et al. (2012) Refining the theory of basic individual values, *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 103, no. 4, pp. 663—688.
- Shein, E. Kh. (2002) *Organizatsionnaia kul'tura i liderstvo* [Organizational culture and leadership], St. Petersburg: Piter.
- Staudinger, U. M. (2015) Images of aging: outside and inside perspectives, *Annual Review of Gerontology and Geriatrics*, vol. 35, iss. 1, pp. 187—210.
- Staudinger, U. M., Finkelstein, R., Calvo, E., Sivaramakrishnan, K. A. (2016) Global view on the effects of work on health in later life, *The Gerontologist*, vol. 56, no. 2, suppl., pp. 281—292.
- Zakharova, L. N., Korobeinikova, E. V., Leonova, I. S. (2017) *Tsennostnyĭ konflikt i psikhologicheskaia zhiznesposobnost' personala rossiĭskikh predpriatiĭ* [Value conflict and psychological vitality of the staff of Russian enterprises], Nizhny Novgorod: Nizhgorodskii universitet imeni N. I. Lobachevskogo.

Статья поступила 22.06.2018 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Саралиева Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой общей социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, zara@fsn.unn.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Head of the Department of General Sociology and Social Work, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation).

Захарова Людмила Николаевна — доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии управления, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, zlnnov@mail.ru (Dr. Sc. (Psychology), Professor, Head of the Department of Psychology of Management, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation).

Леонова Ирина Сергеевна — кандидат социологических наук, начальник отдела международных связей, докторант кафедры общей социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, irina_leonova@list.ru (Cand. Sc. (Sociology), Head of the International Office, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation).

Woman in Russian Society

2018. No. 4. P. 111—119

DOI: 10.21064/WinRS.2018.4.10

Женщина в российском обществе

2018. № 4. С. 111—119

ББК 60.561.2

DOI: 10.21064/WinRS.2018.4.10

ГЕНДЕРНЫЕ ОТЛИЧИЯ В ВОСПРИЯТИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (На примере Иркутской области)

Ю. В. Заварзина

Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Россия, borisovaylia@bk.ru

Рассматриваются гендерные различия в представлениях жителей Иркутской области о территориальном развитии. Выявлено, что и мужчины и женщины считают социально-экономическое и инфраструктурное развитие, а также развитие туризма приоритетными направлениями. В определении значения других сфер респонденты несолидарны. Мужчины и женщины воспринимают территорию области как перспективную, богатую, холодную, чистую, «свою». По остальным формам их взгляды расходятся. Объединяет жителей региона природа, культурно-религиозные традиции и мифология. Это и выступает ключевой идеей формирования территориального бренда Иркутской области.

Ключевые слова: территориальное развитие, гендерные представления, бренд, перспективы развития, маркетинг территории.

GENDER DIFFERENCES IN THE RECEPTION OF TERRITORIAL DEVELOPMENT (The example of Irkutsk region)

Iu. V. Zavarzina

Irkutsk State University,
Irkutsk, Russian Federation, borisovaylia@bk.ru

The article considers gender differences in the formation and development of ideas about territorial development. Both men and women consider socio-economic and infrastructural development, as well as development of tourism priorities for the region. In other spheres views of men and women differ. In the perception of the development of the territory, men and women are in agreement that it is promising, rich, cold, clean, “own” territory. In other criteria and forms, the views of men and women diverge. Nature, cultural and religious traditions and mythology unite inhabitants of Irkutsk. This is the key idea of the territorial brand formation of Irkutsk region.

Key words: territorial development, gender representations, brand, development prospects, territory marketing.

Территориальное развитие актуально в любое время. Каждый регион имеет свои особенности, и соответственно его путь развития может быть совершенно уникальным. Важно понимать, какие его формы и ориентиры имеются на конкретной территории, и применять их как в политике властей, так и в повседневной жизни людей.

Рассматривая разнообразные аспекты территориального развития, ученые предлагают множество его стратегий и направлений. Каждая область изучения имеет свои особенности. Мы выделили несколько групп таких исследований.

Первая группа объединяет работы, в которых основой развития территории выступает решение территориально-демографических вопросов. В данных исследованиях изучается динамика населения, его качественные и количественные характеристики, а также их влияние на развитие территории (см., напр.: [Мазаев, 2016; Малюк, 2013; Овчинцева, Котомина, 2012; Дьяченко, Бурлаев, 2016; Кылгыдай, 2014]).

Вторая группа включает работы, рассматривающие стратегические инновационные формы развития территории (см., напр.: [Дикий и др., 2016; Бекетов, 2004; Ильин, 2014; Соколов, 2016]).

В третью группу входят исследования, в которых затрагиваются социальные аспекты территориального развития, касающиеся как социально-психологических характеристик больших групп (выделенных по национальному, культурному или иному признаку на определенной территории), так и индивидуальных стратегий социальной адаптации (см., напр.: [Кузнецова, 2008; Лубашев, 2013; Полюшкевич, 2010а, 2010b, 2011; Скуденков, 2013]).

В исследованиях четвертой группы рассматриваются имиджевые и брендовые основы развития территории. Примером могут служить работы Ю. В. Борисовой, М. В. Поповой, Л. Н. Мозуль и Т. Ю. Сазоновой [Борисова, 2016; Борисова, Попова, 2017; Попова, 2016а, 2016b; Мозуль, Сазонова, 2011].

Отдельную группу составляют немногочисленные исследования, касающиеся роли гендерных факторов в территориальном развитии. Интересные данные представлены в публикации Н. К. Радиной, Н. В. Ким и А. В. Поршнева о гендерных аспектах территориального развития и интегрированности жителей провинциальных городов [Радина и др., 2016], а также работе О. А. Полюшкевич о социальной солидарности жителей городов [Полюшкевич, 2010а].

Характеристика исследования

В 2017 г. Институтом социальных наук Иркутского государственного университета проводился опрос россиян по теме «Особенности конструирования бренда территории». В нем приняли участие жители гг. Иркутск, Ангарск, Усолье-Сибирское, Братск, Шелехов, Черемхово, Свирск, Тулун, Куйтун, Тайшет, Усть-Илимск. Общее количество респондентов — 2400 человек в возрасте от 18 до 75 лет (55 % женщин и 45 % мужчин; погрешность 2,5 %; выборка случайная).

Нами было проведено также 24 неструктурированных экспертных интервью с руководителями НКО, представителями органов власти, бизнеса, СМИ и иных социально-профессиональных групп, непосредственно влияющих через свою деятельность либо на территориальное развитие, либо на представления о нем.

Анализ результатов исследования

По мнению респондентов, на развитие территории влияют внешнеполитическая ситуация (20 % мужчин и 35 % женщин), внутривнутриполитическая (45 и 30 % соответственно) и внутрирегиональная (35 и 35 %). Большинство опрошенных считают, что те решения, которые принимаются на общероссийском уровне, имеют определяющее значение для развития территории (зачастую это подкрепляется дополнительным финансированием через целевые программы конкретного региона).

Данное мнение подтверждает тот факт, что, рассматривая разнообразные процессы, влияющие на развитие территории, респонденты на первое место ставят экономику (35 % мужчин и 30 % женщин), на второе — политику (28 и 25 %), на третье — человеческий фактор (22 и 30 %) и на четвертое — исторические предпосылки (по 15 %).

Таблица 1

Перспективные сферы развития территории, %

Сфера	Мужчины	Женщины
Экономика	30	10
Производство	25	5
Инфраструктура	20	15
Туризм	15	15
Культура	5	25
История	5	30

Мужчины и женщины полагают, что перспективными сферами для развития территории являются инфраструктура (20 и 15 % соответственно) и туризм (по 15 %) (табл. 1). Относительно значения других сфер их мнения разошлись. Для мужчин решающую роль играют экономика (30 %) и производство (25 %), для женщин — культура (25 %) и история (30 %).

Говоря о развитии территории необходимо рассматривать те особенности общественного мнения, которые сложились на данный момент в конкретном регионе, так как именно они являются основой социально-психологической удовлетворенности людей местом и качеством жизни, перспективами для детей (табл. 2).

В основе восприятия качеств (форм) территории мужчинами лежат объективно-формальные критерии, в основе восприятия женщин — субъективно-личностные. Для значительной части мужчин территория Иркутской области по объективно-формальным критериям является большой (60 %), но отсталой (60 %), при этом перспективной (80 %), некультурной (70 %) и богатой (90 %). В субъективно-личностном восприятии мужчин преобладают такие ее качества, как пассивная (60 %), закрытая (60 %), холодная (70 %), но при этом чистая (80 %) и «своя» (80 %). Для женщин территория региона по объективно-формальным критериям выглядит маленькой (60 %), развитой (60 %), перспективной (70 %), культурной (70 %) и богатой (70 %). В субъективно-личностном восприятии женщин преобладают такие качества территории области, как активная (60 %), открытая (70 %), холодная (80 %), чистая (70 %) и «своя» (70 %).

Таблица 2

Гендерные отличия в восприятии качеств территории, %

Критерии	Форма территории	Мужчины	Женщины
Объективно-формальные	Большая	60	40
	Маленькая	40	60
	Развитая	40	60
	Отсталая	60	40
	Перспективная	80	70
	Тормозящая	20	30
	Богатая	90	70
	Бедная	10	30
	Культурная	30	70
	Некультурная	70	30
Субъективно-личностные	Активная	40	60
	Пассивная	60	40
	Открытая	40	70
	Закрытая	60	30
	Теплая	30	20
	Холодная	70	80
	Чистая	80	70
	Грязная	20	30
	«Своя»	80	70
	«Чужая»	20	30

Иными словами, территория Иркутского края и для мужчин и для женщин является перспективной, богатой, холодной, чистой, «своей». В остальном взгляды мужчин и женщин расходятся.

Наши респонденты чаще замечают в СМИ отрицательные сообщения об Иркутской области (44 % мужчин и 40 % женщин) либо нейтральные (35 и 40 % соответственно), значительно меньшая часть обращает внимание на положительную информацию (21 и 25 %). Среди отрицательных сообщений чаще всего называли новости о пожарах в лесах области (по 55 % мужчин и женщин), наводнениях на реках севера области (41 и 20 %), загрязнении Байкала (33 и 40 %), мусорных свалках (25 и 30 %), ветхом и аварийном жилье (20 и 25 %), приостановках производств (15 и 10 %), плохих дорогах (15 и 10 %). Большая часть ответов касалась социально-экологической обстановки в регионе, меньшая — экономического и инфраструктурного развития. Решение каждого из этих вопросов требует внимания и финансирования на федеральном уровне, региональные и муниципальные органы власти не справятся в одиночку.

Ответы на вопрос, что объединяет жителей Иркутской области, мы разделили на три блока: природа (уникальные природные условия), культурно-религиозные традиции (праздники и ритуалы) и мифология.

Объединяющая территориальная символическая идентичность, которая может стать основой формирования бренда Иркутской области, строится с учетом исторических условий развития среды, реальных природно-климатических характеристик и мифологии автохтонного населения, перенятой и новыми переселенцами — на сегодняшний день основными жителями рассматриваемой территории. По мнению О. А. Полюшкевич, социокультурные основы социального пространства территории являются условием солидарности людей вне контекста времени [Полюшкевич, 2010а, 2010б, 2011]. Именно эти основы, на наш взгляд, составляют фундамент единства жителей Иркутской области.

Наши респонденты, говоря о природе, которая объединяет жителей и ассоциируется с данной территорией, называли озеро Байкал и реки — 55 % (Ангара, Иркут, Китой, Селенга), тайгу — 35 % (сибирская тайга, тайга Восточной Сибири, прибайкальская тайга, байкальская тайга); степи — 10 % (Бурятская степь, Забайкальская степь). Рассматривая культурно-религиозные традиции, они отмечали национальные праздники — 65 % (Сагаалган, Сурхарбан) и ритуалы шаманов — 35 % (помощь духов при лечении болезни, гадания шаманов, привлечение удачи и помощи через посредников шамана). Говоря о мифологии, респонденты касались мифов народов, живущих на территории региона, — бурят, эвенков, тофов и других (95 %) («Сага о Гэсэре», «Эхэ Бурхан», «Наран», «Хара», «Торганай» и т. д.). Иными словами, жители рассматриваемого региона конструируют ритуалы, которые выступают конъюнктурами социальной интеграции [Кузнецова, 2008].

Относительно равномерное распределение респондентов, не стремящихся сменить место жительства, но желающих, чтобы уехали дети (35 % мужчин и 30 % женщин), намеревающихся остаться с детьми (30 и 35 %) и желающих уехать (по 35 %), говорит о том, что данная территория не является привлекательной для существенной части жителей региона. Среди причин, по которым они хотели бы уехать, назывались в основном социально-экономические. Однако наряду с пессимистичными ответами: *Какие могут быть перспективы, если нет работы и своего жилья?* (Л. Е., 20 лет, жен.); *Какое будущее у меня и моей семьи, если мы только концы с концами и сводим* (С. С., 29 лет, муж.); *Ни у меня, ни у моих детей нет тут перспектив* (Н. В., 39 лет, жен.), встречались и оптимистичные: *Я люблю территорию, где родилась и выросла, поэтому сделаю все, что от меня зависит, чтобы сделать ее богатой и процветающей* (О. М., 34 года, жен.); *Я знаю, что наша территория крутая, а в будущем будет еще круче. Надо поработать с имиджем, а все остальное (начинка) уже есть* (М. А., 20 лет, муж.).

Выводы и рекомендации

Развитие территории зависит от многих факторов, но последнее место в этом процессе занимают взгляды мужчин и женщин. Необходимо, чтобы его основу составляли положительные образы и символы, которые уже сложились в представлениях жителей региона.

Отправной точкой конструирования бренда территории должна быть разъяснительная и пропагандисткая деятельность органов власти и всех заинтересованных сторон. Внедрение имиджевых составляющих всегда предшествует разъяснительной работе, конструированию идеологии и распространению ее среди жителей региона. Особенно это касается территориальных общностей. Маркетинг территории начинается с взаимодействия с населением, а сам бренд территории является его конечным продуктом, так как без общественной поддержки и веры в бренд его эффективность будет маловероятна.

Органам власти можно было бы рекомендовать расширение идеологической составляющей в повышении значения территории, например, через социальную рекламу на улицах города и местном телевидении, отражающую историю и социокультурные особенности региона, а также проведение конкурсов среди населения на лучшие логотипы, гербы и гимны районов, городов и поселков. СМИ стоит расширить некоммерческую составляющую информационных сообщений, нацеленную на культурно-просветительские и патриотические формы социального развития территории. Жителям области необходимо увеличить социальную активность и включиться в обсуждение вопросов стратегического развития и социальной инфраструктуры всей территории.

Данные рекомендации носят общий характер. Территория всегда будет неоднозначно восприниматься и трактоваться мужчинами и женщинами, но формирование целостного восприятия необходимо для ее конструктивного развития.

Библиографический список

- Бекетов Н. В.* Региональные проблемы формирования национальной инновационной системы // Региональная экономика: теория и практика. 2004. № 12. С. 5—11.
- Борисова Ю. В.* Образ города как стратегия развития // Урбанистика. 2016. № 3. С. 81—89.
- Борисова Ю. В., Попова М. В.* Введение в маркетинг территории: учебное пособие. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2017. 146 с.
- Дикий Р. А., Кабакова С. О., Остапенко Н. Н., Федоров А. С.* Проблемы и перспективы внедрения современных форматов территориального развития в регионах Российской Федерации // Экономика и предпринимательство. 2016. № 11. С. 261—272.
- Дьяченко В. Н., Бурлаев Е. А.* Демографический аспект устойчивого развития приграничных территорий в условиях Дальнего Востока // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2016. № 10. URL: <http://uecs.ru/demografiya/item/4115-2016-10-21-06-18-41> (дата обращения: 04.12.2017).
- Ильин А. С.* Стратегическое управление территориальным развитием России: технологический уклад и этернизация // Научное обозрение. 2014. № 6. С. 303—309.
- Кузнецова О.* Социальные аспекты федеральной региональной политики // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2008. № 9. С. 23—36.
- Кылгыдай А. Ч.* Демографическая ситуация в приграничных регионах Южной Сибири // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 5. С. 54—59.
- Лубашев Е. А.* Теоретические основы социального развития регионов // Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России. 2013. № 3. С. 155—160.
- Мазаев А. Г.* Системное представление миссии развития территориальной системы расселения на примере Уральского федерального округа // Академический вестник

- Уральского научно-исследовательского и проектно-конструкторского института Российской академии архитектурных и строительных наук. 2016. № 1. С. 11—15.
- Малюк Л. И. Комплексное развитие сельских территорий: социально-демографический аспект // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2013. № 7. С. 319—322.
- Мозуль Л. Н., Сазонова Т. Ю. Роль имиджа в формировании конкурентоспособности территории // Бизнес. Образование. Право: вестник Волгоградского института бизнеса. 2011. № 3. С. 104—107.
- Овчинцева Л. А., Котомина М. А. Демографический аспект устойчивого развития сельских территорий // Вестник Самарского государственного технического университета. Сер.: Экономические науки. 2012. № 2. С. 95—101.
- Полушкевич О. А. Гендерная дифференциация представлений о социальной солидарности в современном российском городе // Женщина в российском обществе. 2010а. № 3. С. 15—23.
- Полушкевич О. А. Потенциал адаптации жителей региона к модернизационным процессам в стране // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2010б. № 5. С. 116—119.
- Полушкевич О. А. Социокультурная преемственность и консолидация общества // Социология власти. 2011. № 4. С. 59—66.
- Попова М. В. Брендинг территории как инструмент консолидации общества // Консолидация российского общества: организационные, образовательные и социокультурные ресурсы: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2016а. С. 222—224.
- Попова М. В. Современное развитие территориального брендинга: (на примере сибирских городов) // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: материалы научно-практической интернет-конференции. Вологда: Ин-т соц.-экон. развития территорий РАН. 2016б. С. 81—88.
- Радина Н. К., Ким Н. В., Поршнев А. В. Гендерные аспекты социальной интегрированности жителей провинциальных городов в контексте развития территории: (сравнительный анализ 2002 и 2014 гг.) // Женщина в российском обществе. 2016. № 1. С. 35—50.
- Скуденков В. А. Лидерство и социальное развитие // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 2. С. 180—184.
- Соколов А. П. Теоретический подход к определению устойчивого сбалансированного развития региона // Финансовая экономика. 2016. № 1. С. 86—91.

References

- Beketov, N. V. (2004) Regional'nye problemy formirovaniia natsional'noi innovatsionnoi sistemy [Regional problems of formation of the national innovation system], *Regional'naiia ekonomika: teoriia i praktika*, no. 12, pp. 5—11.
- Borisova, Iu. V. (2016) Obraz goroda kak strategiiia razvitiia [The image of the city as a development strategy], *Urbanistika*, no. 3, pp. 81—89.
- Borisova, Iu. V., Popova, M. V. (2017) *Vvedenie v marketing territorii* [Introduction to territory marketing], Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta.
- D'iachenko, V. N., Burlaev, E. A. (2016) Demograficheskiĭ aspekt ustoĭchivogo razvitiia pri-granichnykh territorii v usloviakh Dal'nego Vostoka [The demographic aspect of sustainable development of border areas in the conditions of the Far East], *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: Ėlektronnyi nauchnyi zhurnal*, no. 10, available from <http://uecs.ru/demografiya/item/4115-2016-10-21-06-18-41> (accessed 04.12.2017).

- Dikiĭ, R. A., Kabakova, S. O., Ostapenko, N. N., Fedorov, A. S. (2016) Problemy i perspektivy vnedreniia sovremennykh formatov territorial'nogo razvitiia v regionakh Rossiĭskoi Federatsii [Problems and prospects for the introduction of modern formats of territorial development in the regions of the Russian Federation], *Ėkonomika i predprinimatel'stvo*, no. 11, pp. 261—272.
- Il'in, A. S. (2014) Strategicheskoe upravlenie territorial'nym razvitiem Rossii: tekhnologicheskii uklad i ėternizatsiia [Strategic management of the territorial development of Russia: technological structure and aethernization], *Nauchnoe obozrenie*, no. 6, pp. 303—309.
- Kuznetsova, O. (2008) Sotsial'nye aspekty federal'noi regional'noi politiki [Social aspects of federal regional policy], *SPERO. Sotsial'naiia politika: Ėkspertiza, rekomendatsii, obzory*, no. 9, pp. 23—36.
- Kylgydaĭ, A. Ch. (2014) Demograficheskaia situatsiia v prigranichnykh regionakh Iuzhnoi Sibiri [The demographic situation in the border regions of Southern Siberia], *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'*, no. 5, pp. 54—59.
- Lubashev, E. A. (2013) Teoreticheskie osnovy sotsial'nogo razvitiia regionov [Theoretical foundations of social development of regions], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta Gosudarstvennoi protivopozharnoi sluzhby MChS Rossii*, no. 3, pp. 155—160.
- Maliuk, L. I. (2013) Kompleksnoe razvitie sel'skikh territorii: sotsial'no-demograficheskii aspekt [Complex development of rural areas: a socio-demographic aspect], *XXI vek: itogi proshlogo i problemy nastoiashchego plius*, no. 7, pp. 319—322.
- Mazaev, A. G. (2016) Sistemnoe predstavlenie missii razvitiia territorial'noi sistemy rasseleniia na primere Ural'skogo federal'nogo okruga [System presentation of the development mission of the territorial settlement system on the example of the Ural Federal District], *Akademicheskii vestnik Ural'skogo nauchno-issledovatel'skogo i proektno-konstruktorskogo instituta Rossiĭskoi akademii arkhitekturnykh i stroitel'nykh nauk*, no. 1, pp. 11—15.
- Mozul', L. N., Sazonova, T. Iu. (2011) Rol' imidzha v formirovanii konkurentosposobnosti territorii [The role of image in the formation of competitiveness of the territory], *Biznes. Obrazovaniye. Pravo: Vestnik Volgogradskogo instituta biznesa*, no. 3, pp. 104—107.
- Ovchintseva, L. A., Kotomina, M. A. (2012) Demograficheskii aspekt ustoičivogo razvitiia sel'skikh territorii [The demographic aspect of sustainable development of rural territories], *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, seriia Ėkonomicheskie nauki, no. 2, pp. 95—101.
- Poliushkevich, O. A. (2010a) Gendernaia differentsiatsiia predstavlenii o sotsial'noi solidarnosti v sovremennom rossiĭskom gorode [Gender differentiation of ideas about social solidarity in the modern Russian city], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 3, pp. 15—23.
- Poliushkevich, O. A. (2010b) Potentsial adaptatsii zhitelei regiona k modernizatsionnym protsessam v strane [Potential adaptation of the inhabitants of the region to the modernization processes in the country], *Izvestiia Irkutskoi gosudarstvennoi ėkonomicheskoi akademii*, no. 5, pp. 116—119.
- Poliushkevich, O. A. (2011) Sotsiokul'turnaia preemstvennost' i konsolidatsiia obshchestva [Socio-cultural succession and consolidation of society], *Sotsiologiya vlasti*, no. 4, pp. 59—66.
- Popova, M. V. (2016a) Brending territorii kak instrument konsolidatsii obshchestva [Territory branding as a tool for the consolidation of society], in: *Konsolidatsiia rossiĭskogo obshchestva: organizatsionnye, obrazovatel'nye i sotsiokul'turnye resursy: Materialy Vserossiĭskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 222—224.

- Popova, M. V. (2016b) *Sovremennoe razvitie territorial'nogo brendinga: (Na primere sibirskikh gorodov)* [Modern development of territorial branding: (On the example of Siberian cities)], in: *Global'nye vyzovy i regional'noe razvitie v zerkale sotsiologicheskikh izmerenii*: Materialy nauchno-prakticheskoi internet-konferentsii, Vologda: Institut sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia territorii Rossiiskoi akademii nauk, pp. 81—88.
- Radina, N. K., Kim, N. V., Porshnev, A. V. (2016) *Gendernye aspekty sotsial'noi integriruvannosti zhitelei provintsial'nykh gorodov v kontekste razvitiia territorii: (Sravnitel'nyi analiz 2002 i 2014 gg.)* [Gender aspects of social integration of residents of provincial cities in the context of the development of the territory: (Comparative analysis of 2002 and 2014)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 35—50.
- Skudencov, V. A. (2013) *Liderstvo i sotsial'noe razvitie* [Leadership and social development], *Sotsial'no-gumanitarnye znaniia*, no. 2, pp. 180—184.
- Sokolov, A. P. (2016) *Teoreticheskii podkhod k opredeleniiu ustoiчивого sbalansirovannogo razvitiia regiona* [Theoretical approach to determining the sustainable balanced development of a region], *Finansovaia ekonomika*, no. 1, pp. 86—91.

Статья поступила 23.12.2017 г.

Информация об авторе / Information about the author

Заварзина Юлия Владимировна — кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, borisovaylia@bk.ru (Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor at the Department of State and Municipal Management, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2018. No. 4. P. 120—131
DOI: 10.21064/WinRS.2018.4.11

Женщина в российском обществе
2018. № 4. С. 120—131
ББК 60.561.2
DOI: 10.21064/WinRS.2018.4.11

**ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ СТЕПЕНИ
ГЕНДЕРНОГО НЕРАВЕНСТВА И УРОВНЯ РАЗВИТИЯ
РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ**

Е. В. Базуева^a, М. В. Радионова^b

^a Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Россия, bazueva.l@mail.ru

^b Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Пермь),
г. Пермь, Россия

Апробирована методика эконометрического исследования значимости гендерного фактора в развитии регионов России. Установлено наличие взаимосвязи между уровнем гендерного неравенства и эффективностью экономического развития регионов, в том числе уровнем развития науки и внедрения достижений НТП. Выявлена противоречивость зависимостей между воспроизводством гендерного неравенства и показателями институциональной эффективности, что является следствием низкого качества институциональной среды в регионах России в целом. Полученная обратная зависимость между уровнем гендерного равенства и ИРЧП подтверждает, что данное равенство обеспечивается на основе деградации человеческого потенциала. Сделан вывод, что при сохранении указанных трендов можно ожидать усиления диспропорций в развитии регионов, это будет тормозить темпы развития национальной экономики в целом.

Ключевые слова: гендерное неравенство, индикаторы эффективности, социально-экономическая система, экономика региона, факторы развития, индекс гендерного неравенства, эконометрическое моделирование.

**A STUDY OF THE RELATIONSHIP
BETWEEN GENDER INEQUALITY AND THE LEVEL
OF REGIONAL SOCIO-ECONOMIC SYSTEMS DEVELOPMENT**

E. V. Bazueva^a, M. V. Radionova^b

^a Perm State National Research University, Perm, Russian Federation, bazueva.l@mail.ru

^b National Research University “Higher School of Economics” (Perm),
Perm, Russian Federation

At present, scientists and experts believe, that the achievement of gender equality is one of the conditions of modern development efficiency. This conclusion is confirmed by the results of numerous studies. However, the list of investigated factor variables that reflect the impact of gender inequality on the efficiency of national and regional socio-economic systems

is limited. Besides, tools of methods of an econometric research of the revealed dependences are not used. In 2010 we approved of a method of intercountry comparisons of a research of interrelation between the level of gender inequality and the parameters of the efficiency of national economies. In this article, this method was applied to reveal the significance of gender in the development of Russian regions. For the purpose of carrying out an econometric research, using the technique offered by E. B. Mezentseva, a gender inequality Index of Russian Federation regions was calculated. The article presents the leading regions and regions-outsiders on this indicator. Econometric modeling results allowed to establish a relationship between the level of gender inequality and the efficiency of economic development of Russian regions, including the level of science development and implementation of scientific and technological progress. The obtained relationship between the reproduction of gender inequality and institutional efficiency of functioning of regional socio-economic systems were quite contradictory, which is determined by the region's institutional design specifics and is a consequence of the low quality of the institutional environment in Russian regions as a whole. In the model, in contrast to the previously obtained global trends, an inverse relationship between the level of gender equality and the human development index is revealed. The model confirms the results of studies of N. V. Zubarevich, who suggests that gender equality is based on the degradation of human potential. It is established that reproduction of gender inequality strengthens differentiation of the population income. The conclusion is drawn that at preservation of the specified trends in the long term may lead to strengthening of disproportions of Russia regional development which will hinder growth rates of national economy in general.

Key words: gender inequality, efficiency indicators, socio-economic system, region's economy, development factors, Gender Gap Index, econometric modeling.

Введение

В настоящее время существует достаточное количество исследований, подтверждающих, что в постиндустриальной экономике гендерное равенство становится одним из основных условий эффективности современного развития (см., напр.: [Сен, 2004; Verhard, Goldsheider, 2013; Deaton, Case, 2002; Hausmann et al., 2011; Кто несет ответственность... , 2009]). Необходимость учета степени гендерного неравенства в государственной и региональной политике была обоснована и российскими исследователями (см. напр.: [Роцин, Зубаревич, 2005; Калабихина, 2009; Мезенцева, 2010]). При этом региональный аспект в их работах представлен достаточно ограниченно. Кроме того, не применялись количественные методы исследования. В этой связи апробированный нами метод межстрановых сопоставлений, использованный при изучении взаимосвязи между уровнем гендерного неравенства и параметрами эффективности национальных социально-экономических систем (подробнее см.: [Базуева, 2012, 2013]), был применен к выявлению значимости гендерного фактора в развитии регионов России.

Методика и инструментарий эконометрического исследования

В качестве результативного признака также использован интегральный показатель GGI¹. Заметим, что в нашей стране, несмотря на наличие сборников

¹ Gender Gap Index — составной индекс, определяющий уровень средних достижений по четырем основным направлениям: здоровью и долголетию, знаниям, доступу к политике и достойному уровню жизни, скорректированный для учета диспропорций в положении

гендерной статистики, GGI по регионам РФ не рассчитывается. Впервые попытка определить данный показатель была предпринята Е. Б. Мезенцевой (подробнее см.: ([Мезенцева, 2010: 311—314])). Для проведения эконометрического исследования GGI был рассчитан нами по данным 2013 г. Выбор периода обусловлен доступностью показателей, необходимых для оценки деятельности органов власти субъектов РФ, которые опубликованы только по итогам 2013 г. На основе осуществленных расчетов значения GGI количественно оценены масштабы и глубина гендерного неравенства в регионах России (табл. 1)².

Таблица 1

Рейтинг регионов России по уровню гендерного равенства

Пятерка регионов-лидеров	GGI	Пятерка регионов-аутсайдеров	GGI
Кемеровская область	67,4	Республика Дагестан	43,7
Калужская область	66,4	Республика Ингушетия	47,1
Иркутская область	66,1	Чеченская Республика	48,0
Вологодская область	64,4	Кабардино-Балкарская Республика	48,4
Республика Карелия	63,3	Республика Адыгея	48,5

Характеризуя полученные результаты, отметим: ожидаемым являлся тот факт, что в состав регионов-аутсайдеров вошли республики Северного Кавказа и Адыгея, которые отличаются более низкими показателями по уровню занятости женщин и их представленности в политике, более высокими различиями в размерах заработной платы и, как следствие, пенсий. Кроме того, если учесть доходы от неформальной занятости, получаемые в основном мужчинами, и распространенность традиционалистских социокультурных норм гендерного поведения, то можно говорить, как отмечают Н. В. Зубаревич и С. Ю. Роцин, о более высоком уровне гендерного неравенства в этих регионах [Роцин, Зубаревич, 2005: 39].

Высокие показатели по уровню достигнутого гендерного равенства наблюдаются в регионе, находящемся близко от Москвы (Калужская область). Здесь гендерное равенство обеспечивается преимущественно за счет высоких индикаторов представленности мужчин и женщин в политике. Кроме того, в список лидеров по показателю GGI входят Вологодская область и Республика Карелия, а также два региона Сибирского федерального округа — Кемеровская и Иркутская области, где гендерное равенство достигается за счет высоких показателей благосостояния, экономической и политической активности.

мужчин и женщин. По каждому показателю, включенному в GGI, в качестве критерия гендерного равенства принимается равенство соответствующих показателей для мужчин и женщин. Таким образом, в случае полного равенства соотношение показателей для мужчин и женщин должно быть равно 1. Значение меньше 1 соответствует отставанию женщин от мужчин по данному показателю. Максимальная степень концентрации гендерной власти достигается при значении показателя равном 0.

² Таблица составлена по альтернативному принципу, т. е. регионы с максимальными значениями показателей GGI ранжированы по убыванию (уровень гендерного равенства уменьшается), регионы с минимальными значениями показателей GGI — по возрастанию (уровень гендерного равенства возрастает).

Подчеркнем, что в целом выявленные тенденции совпадают с результатами исследований, полученными Е. Б. Мезенцевой. Исключением стал один из регионов Сибири, который за рассматриваемый период (с 2009 г.) из региона с максимальными гендерными диспропорциями превратился в регион — лидер по уровню достигнутого гендерного равенства. Значения частных и интегральных индексов, полученные Е. Б. Мезенцевой и нами, наглядно демонстрируют динамику изменений (табл. 2).

Таблица 2

Динамика изменения элементов GGI в Кемеровской области

Индекс	2009 г.	2013 г.
Экономическая активность	67,02	68,50
Благополучие	28,84	47,02
Политика, управление	12,01	85,42
Здоровье и долголетие	61,68	68,82
Интегральный GGI	42,39	67,44

Динамика прорывных изменений в сфере политики связана с изменением гендерных пропорций в составе депутатов Законодательного собрания. Так, если количество депутатов-женщин за исследуемый период увеличилось с 8 до 10 человек, то количество депутатов-мужчин, напротив, сократилось с 28 до 25 человек. Произошло также сокращение гендерного разрыва в заработной плате и в размерах пенсий (на 8 и 3 % соответственно).

Не останавливаясь далее подробно на сравнительном анализе динамики изменения GGI в регионах России, перейдем к описанию исходных данных нашей модели и их первичному анализу.

Данные и результаты эконометрического моделирования

GGI, рассчитанный по регионам России на основе данных 2013 г., был использован в качестве результативного признака. Гипотеза исследования сформулирована аналогично гипотезе исследования с применением метода межстрановых сопоставлений [Базуева, 2012, 2013]: уровень гендерного неравенства, измеряемый GGI, зависит от качества институциональной среды в целом и уровня экономической и социальной эффективности функционирования экономики регионов России. Отбор факторных переменных для данной эконометрической модели (табл. 3) из модели, построенной ранее, основывался на следующих особенностях.

Во-первых, учтены ограничения региональной статистики в отслеживании показателей, отражающих экономическую и институциональную эффективность функционирования экономики субъектов РФ.

Во-вторых, спектр показателей, отражающих социальную эффективность функционирования региональной экономики, был дополнен индексом Джини, характеризующим степень дифференциации доходов населения, и комбинированным показателем «индекс качества жизни», измеряющим способность субъектов РФ обеспечить населению благоприятные условия жизни.

Таблица 3

Факторные признаки модели³

Индикатор	Сокращение	Единица измерения
Экономическая эффективность		
Объем ВРП на душу населения	GRP ₁	млн руб.
Уровень развития науки и внедрения достижений научно-технического прогресса в регионе	STPR	ранг от 1 до 83
Объем инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг	InPS	%
Удельный вес организаций, осуществлявших инновационную деятельность, в общем числе организаций	InO	%
Доля региона в инвестиционном потенциале России	IP	%
Среднедушевые денежные доходы населения	Incom	тыс. руб. в месяц
Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума	InBLW	%
Уровень экономической активности населения	EAP	%
Институциональная эффективность		
Степень развития ведущих институтов рыночной экономики	DIR	ранг от 1 до 83
Оценка деятельности органов власти субъекта РФ	EG	балл от 1 до 83
Объем бытовых услуг на душу населения	DS ₁	руб.
Охват детей дошкольным образованием	CCPE	%
Социальная эффективность		
Индекс человеческого развития по регионам	HDI	от 0 до 1
Индекс качества жизни	QLI	от 0 до 100
Индекс Джини	GI	от 0 до 1

В ходе работы были протестированы различные спецификации модели: 1) линейные модели с зависимой переменной «индекс гендерного неравенства»; 2) логарифмические модели с зависимой переменной «логарифм индекса гендерного неравенства» и логарифмами факторных признаков. Среди рассмотренных моделей наилучшей оказалась вторая с точки зрения информационных критериев Г. Шварца и Х. Акайке и скорректированного коэффициента детерминации.

В таблице 4 представлены результаты эконометрического моделирования.

Были проведены тесты на автокорреляцию, нормальность регрессионных остатков, гетероскедастичность. Статистика Дарбина — Уотсона ($DW = 1,756$) показывает, что в остатках нет автокорреляции. Поскольку p -value Jarque — Bera равно 0,592, то регрессионные остатки распределены нормально. По критерию White гетероскедастичность отсутствует (p -value равно 0,412).

³ Исходные статистические данные для эконометрического анализа за 2013 г. были взяты из статистических сборников и аналитических докладов [Рейтинг инвестиционной привлекательности..., 2015; Доклад..., 2013; Регионы России..., 2015; Женщины и мужчины..., 2014; Рейтинг российских регионов..., 2016]. Первоначально в выборку входили все 83 субъекта РФ (по состоянию на 2013 г.). Однако некоторые данные были недоступны, и окончательная выборка состояла из 82 наблюдений.

Таблица 4

Результаты оценки модели для определения уровня влияния GGI

Зависимая переменная $\ln GGI$			
Переменная	Оценка параметра	Робастные стандартные ошибки	Значимость
<i>const</i>	3,1647	0,3861	***
$\ln GRP_1$	0,0103	0,0056	*
$\ln QLI$	-0,1104	0,0446	**
$\ln HDI$	-0,7696	0,3103	**
$\ln IP$	0,1242	0,0353	***
$\ln DIR$	0,0969	0,0274	***
$\ln STPR$	-0,0685	0,0264	**
$\ln CCPE$	0,2009	0,0267	***
$\ln DS_1$	-0,0446	0,0129	***
$\ln Incom$	-0,0126	0,0023	***
$\ln EG$	0,0753	0,0355	*
$\ln GI$	-0,2437	0,1433	*
R^2	0,7807	R^2_{adj}	0,6812

Примечание. ***, **, * — значимость на 1, 5 и 10 %-ном уровне соответственно.

Несущественность влияния значения GGI на уровень экономической активности населения объясняется тем, что в нашей стране высокий уровень занятости женщин в основных трудоспособных возрастах в целом, сохраняющийся с советского периода, сопоставим с уровнем экономической активности мужчин. Неслучайно эксперты ООН подчеркивают, что для России в большей степени актуальны проблемы скрытой, а не прямой гендерной дискриминации [Рошин, Зубаревич, 2005].

Выявление действительных причин отсутствия существенного влияния показателей $\ln PS$ и $\ln O$ на объясняемую переменную GGI требует отдельных исследований, поскольку результаты эконометрического моделирования демонстрируют значимость влияния уровня развития науки и внедрения достижений НТП, а также уровня инновационности социально-экономических систем в регионе на степень концентрации гендерного неравенства.

Что касается показателя численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, то его взаимосвязь с уровнем гендерного равенства в развитых странах и регионах России имеет разнонаправленные тенденции. Для российских регионов, как показывают исследования Н. В. Зубаревич, характерно так называемое «равенство в бедности» [там же: 40]. Данный вывод подтвердили и результаты нашего эконометрического моделирования, которые продемонстрировали обратную зависимость между среднедушевыми доходами населения, объемом бытовых услуг на душу населения и GGI. Считаем, что полученные результаты можно объяснить низким уровнем развития институциональной инфраструктуры в регионах России.

В целом результаты эконометрического моделирования показывают, что, во-первых, существует взаимосвязь между уровнем гендерного неравенства и эффективностью экономического развития регионов. Подчеркнем, что полученная нами положительная зависимость между показателями, отражающими насыщенность территории региона факторами производства, влияющими на потенциальные объемы инвестирования (доля региона в инвестиционном потенциале

России), свидетельствует о значимости гендерного фактора при повышении эффективности формирования и использования человеческого капитала страны и, как следствие, повышении эффективности функционирования региональной экономики. Данный вывод подтверждает также наличие положительной связи между GGI и объемом ВВП на душу населения, который определяет уровень экономического развития и качество роста региональных экономических систем.

Во-вторых, в отличие от результатов эконометрической модели 2009 г., основанной на методе межстрановых сопоставлений [Базуева, 2012, 2013], противоречивы полученные зависимости между воспроизводством гендерного неравенства и институциональной эффективностью функционирования экономики регионов России. На наш взгляд, это определяется спецификой институционального дизайна регионов и является следствием низкого качества институциональной среды в целом.

Так, например, с одной стороны, выявлена обратная зависимость между GGI и показателем степени развития ведущих институтов рыночной экономики. Однако, согласно результатам оценочных моделей, приоритетным фактором, определяющим качество институциональной системы, является степень равномерности распределения доходов населения [Alonso, Garcimartin, 2009]. Известно, что функционирование системы институтов, обуславливающих воспроизводство гендерного неравенства на всех этапах развития общества, основано на неравномерном распределении результатов труда мужчин и женщин, которое, несомненно, усиливает дифференциацию доходов населения [Aker, 2006]. Данный вывод подтверждает и полученная нами обратная зависимость между GGI и индексом Джини, означающая, что уменьшение уровня дифференциации доходов населения в регионах России способствует движению к гендерному равенству. Кроме того, результаты эконометрических исследований устанавливают положительную зависимость между уровнем социального неравенства⁴ и объемом ВРП [Глазырина, Клевакина, 2013; Григорьев и др., 2015], что дает основание рассматривать данное неравенство как один из факторов развития регионов России в условиях современной экономики.

С другой стороны, полученная в модели значимая зависимость позволяет сделать вывод, что снижение воспроизводства гендерного неравенства зависит от наличия обратных связей, которые обеспечивают возможность отслеживать корректность функционального наполнения институтов. Безусловно, система обратных связей может эффективно работать только при наличии инструментов влияния на действия властей всех уровней управления (функция контроля) у любого экономического агента. С этой целью, как считают международные эксперты, необходимо осуществлять не только общественную экспертизу эффективности функционирования органов государственной власти, но и специальную гендерную экспертизу всех управленческих решений (подробнее см.: [Кто несет ответственность... , 2009]). Данный вывод подтверждает полученная в модели зависимость между уровнем гендерного неравенства и степенью удовлетворенности населения деятельностью органов власти субъекта РФ. При этом заметим, что в Перечне показателей для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти в субъектах РФ, утвержденном Указом Президента РФ в 2012 г.,

⁴ Гендерное неравенство является составляющей социального неравенства в целом.

гендерный критерий не рассматривается в качестве перекрестного критерия оценки. Хотя Перечень содержит 6 из 11 показателей, отражающих уровень развития человеческого капитала, который, как отмечалось выше, имеет гендерную специфику.

Представляется закономерной выявленная нами причинная зависимость, подтвердившая значимость развития сети коллективных дошкольных образовательных учреждений (ДОУ) для обеспечения гендерного равенства. Подчеркнем, что актуальная в настоящее время проблема доступности ДОУ территориально дифференцирована. К примеру, в регионах России, лидирующих по охвату детей в возрасте до 6 лет ДОУ, значение показателя составляет более 80 % (Чукотский автономный округ, Новгородская область, Республика Коми, Челябинская область, Мурманская область), в отстающих — не превышает 40 % (Карачаево-Черкесская Республика, Республика Тыва, Республика Дагестан, Чеченская Республика, Республика Ингушетия). Известно, что именно для этих регионов России характерен самый высокий уровень гендерного неравенства.

В-третьих, полученная в модели обратная зависимость между GGI и ИРЧП подтвердила вывод исследований Н. В. Зубаревич, что в регионах России гендерное равенство обеспечивается на основе деградации человеческого потенциала. Исключением является единственный регион — г. Москва [Роцин, Зубаревич, 2005: 39]. Следовательно, руководство нашей страны продолжает определять человеческий ресурс прежде всего количественными параметрами. Роль качественных параметров в развитии человеческого капитала, в число которых также входит сбалансированность гендерных отношений в экономике и обществе, недооценивается. Заметим, что реализуемые установки Правительства РФ адекватны доиндустриальной фазе экономического развития. Это означает, что развитие регионов России продолжает основываться на факторах первой природы (обеспеченность природными ресурсами и географическое положение). Тем не менее в условиях современной экономики к основным факторам пространственного развития относят конкурентные преимущества, созданные деятельностью человека и общества: агломерационный эффект, развитие инфраструктуры, сокращающее экономическое расстояние, человеческий капитал, институты, способствующие улучшению предпринимательского климата, мобильности населения, распространению инноваций и др. [Зубаревич, 2010: 10]. Данный вывод подтверждает и полученная нами обратно функциональная зависимость между GGI и комбинированным показателем «индекс качества жизни», измеряющим способность субъектов РФ обеспечить населению благоприятные условия для жизни. При сохранении указанных трендов в долгосрочной перспективе можно ожидать усиления диспропорций в региональном развитии России, которые будут тормозить темпы развития национальной экономики в целом.

Заключение

Приходится констатировать, что в регионах России не используются новые факторы социально-экономического развития, которые напрямую связаны со свободной деятельностью членов общества, т. е. системно не учитывается эффективность свободы при достижении более высоких темпов и качества экономического роста [Сен, 2004: 143]. Как показал наш анализ, это не только составляет скрытый резерв развития экономики регионов России, но и является

необходимым условием их устойчивого и сбалансированного развития в будущем. Процесс осознания нового источника экономического роста, безусловно, потребует кардинальных изменений в ценностных ориентирах и содержании государственной политики, создания системы специализированных институтов, обеспечивающих гендерное равенство на всех уровнях экономики. Формирование такой системы предполагает:

— введение в каждом субъекте РФ должности специального эксперта по вопросам равноправия полов, осуществляющего контроль качества развития гендерной проблематики в регионе;

— интеграцию гендерного подхода в деятельность всех министерств и ведомств посредством включения гендерного критерия в качестве перекрестного критерия оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти в субъектах РФ;

— осуществление гендерной экспертизы управленческих решений, обеспечивающей возможность контроля корректности функционального наполнения действующих институтов, ограничивающих дальнейшее воспроизводство гендерного неравенства;

— развитие в регионах институциональной инфраструктуры в виде сети детских дошкольных учреждений и повышения доступности бытовых услуг, обеспечивающих возможность получения равного дохода мужчинами и женщинами в общественном секторе экономики.

Заметим, что приведенный перечень направлений формирования системы специализированных институтов, обеспечивающих гендерное равенство в регионах России, затрагивает только органы государственной власти как одного из субъектов институциональных воздействий. Разработка комплексной системы институтов с учетом специфики институционального дизайна регионов РФ станет исследовательской задачей будущих публикаций авторов.

Библиографический список

- Базуева Е. В.* Эффективность внешней среды как детерминант качества системы институтов гендерной власти // *Женщина в российском обществе*. 2012. № 2. С. 34—43.
- Базуева Е. В.* Эконометрический анализ взаимосвязи показателей национальной экономики и гендерного неравенства // *Вестник Московского университета*. Сер. 6, Экономика. 2013. № 2. С. 71—84.
- Глазырина И. П., Клевакина И. А.* Экономический рост и неравенство по доходам в регионах России // *Всероссийский экономический журнал*. 2013. № 11. С. 113—128.
- Григорьев Р. А., Крамин М. В., Крамин Т. В., Тимирясова А. В.* Неравенство распределения дохода и экономический рост в регионах России в посткризисный период // *Экономика региона*. 2015. № 3. С. 102—113.
- Доклад о комплексной оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по итогам 2013 года. 2013. URL: <http://www.orenburg-gov.ru/upload/medialibrary/a43/a4318c2af7913ec684fb102b2d828e47.pdf> (дата обращения: 20.04.2017).
- Женщины и мужчины России: статистический сборник. М.: Росстат 2014. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138887978906 (дата обращения: 20.04.2017).

- Зубаревич Н. В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независим. ин-т соц. политики, 2010. 160 с.
- Калабихина И. Е. Гендерный фактор в экономическом развитии России. М.: МАКС Пресс, 2009. 240 с.
- Кто несет ответственность перед женщинами?: гендер и подотчетность: отчет Фонда ООН для развития в интересах женщин в 2008/09 г. 2009. URL: http://www.unifem.org/progress/2008/media/POWW08_Report_Full_Text_ru.pdf (дата обращения: 15.01.2011).
- Мезенцева Е. Б. Гендерный рейтинг регионов России // Права женщин и институты гендерного равенства в регионах России / отв. ред. Н. М. Римашевская, О. А. Воронина, Е. А. Баллаева. М.: МАКС Пресс, 2010. С. 302—327.
- Регионы России: социально-экономические показатели, 2015: статистический сборник. М.: Росстат, 2015. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_14p/Main.htm (дата обращения: 10.04.2016).
- Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов России в 2015 г. 2015. URL: http://www.raexpert.ru/rankingtable/region_climat/2015/tab03/ (дата обращения: 20.04.2016).
- Рейтинг российских регионов по качеству жизни — 2015. 2016. URL: <http://www.riarating.ru/infografika/20160225/630010958.html> (дата обращения: 20.04.2016).
- Рошин С. Ю., Зубаревич Н. В. Гендерное равенство и расширение прав и возможностей женщин в России в контексте целей развития тысячелетия: доклад. М.: ИНФОРЕС-Принт, 2005. 73 с.
- Сен А. Развитие как свобода / пер. с англ. под ред. и с послесл. Р. М. Нуреева. М.: Новое изд-во, 2004. 432 с. (Библиотека фонда «Либеральная миссия»).
- Acker J. Inequality regimes: gender, class, and race in organizations // *Gender and Society*. 2006. № 4. P. 441—464. URL: www.sagepub.com/oswconensed/study/articles/05/Acker.pdf (дата обращения: 04.12.2013).
- Alonso J., Garcimartin C. The Determinants of Institutional Quality. 2009. URL: www.nottigham.ac.uk/credut/documents/papers/09-04.pdf (дата обращения: 09.08.2011).
- Berhard E., Goldscheider F. Domestic Gender Equality and Childbearing: First and Second Births in Sweden. 2013. URL: <http://www.demographic-research.org/volumes/vol29/40/29-40.pdf> (дата обращения: 24.03.2013).
- Deaton A., Case A. Consumption, Health, Gender and Poverty: Research Program in Development Studies. 2002. URL: https://www.princeton.edu/rpds/papers/pdfs/case_deaton_consumption_health_gender.pdf (дата обращения: 29.08.2016).
- Hausmann R., Tyson L., Zahidi S. The Global Gender Gap Report. 2011. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GenderGapReport_2011.pdf (дата обращения: 17.04.2015).

References

- Acker, J. (2006) Inequality regimes: gender, class, and race in organizations, *Gender and Society*, no. 4, pp. 441—464, available from www.sagepub.com/oswconensed/study/articles/05/Acker.pdf (accessed: 04.12.2013).
- Alonso, J., Garcimartin, C. (2009) *The Determinants of Institutional Quality*, available from www.nottigham.ac.uk/credut/documents/papers/09-04.pdf (accessed 09.08.2011).
- Bazueva, E. V. (2012) Æffektivnost' vneshnei sredy kak determinant kachestva sistemy institutov gendernoï vlasti [The effectiveness of the external environment as a determinant

- of quality of gender power institutions system], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 34—43.
- Bazueva, E. V. (2013) *Ėkonomicheskiĭ analiz vzaimosvazi pokazatelei natsional'noi ekonomiki i gendernogo neravenstva* [Econometric analysis of the relationship of indicators of the national economy and gender inequality], *Vestnik Moskovskogo universiteta*, serii 6, *Ėkonomika*, no. 2, pp. 71—84.
- Berhard, E., Goldsheider, F. (2013) *Domestic Gender Equality and Childbearing: First and Second Births in Sweden*, available from <http://www.demographic-research.org/volumes/vol29/40/29-40.pdf> (accessed 24.03.2013).
- Deaton, A., Case, A. (2002) *Consumption, Health, Gender and Poverty: Research Program in Development Studies*, available from https://www.princeton.edu/rpds/papers/pdfs/case_deaton_consumption_health_gender.pdf (accessed 29.08.2016).
- Doklad o kompleksnoi otsenke effektivnosti deiatel'nosti organov ispolnitel'noi vlasti sub'ektov Rossiiskoi Federatsii po itogam 2013 goda* (2013) [Report on the comprehensive assessment of executive authorities activity of the Russian Federation regions for 2013], available from <http://www.orenburg-gov.ru/upload/medialibrary/a43/a4318c2af7913ec684fb102b2d828e47.pdf> (accessed 20.04.2016).
- Glazyrina, I. P., Klevakina, I. A. (2013) *Ėkonomicheskiĭ rost i neravenstvo po dokhodam v regionakh Rossii* [Economic growth and income inequality in the regions of Russia], *Vse-rossiiskii ekonomicheskii zhurnal*, no. 11, pp. 113—128.
- Grigor'ev, R. A., Kramin, M. V., Kramin, T. V., Timiriasova, A. V. (2015) *Neravenstvo raspredeleniia dokhoda i ekonomicheskii rost v regionakh Rossii v postkrizisnyi period* [Income distribution inequality and economic growth in the regions of Russia in the post-crisis period], *Ėkonomika regiona*, no. 3, pp. 102—113.
- Hausmann, R., Tyson, L., Zahidi, S. (2011) *The Global Gender Gap Report*, available from http://www3.weforum.org/docs/WEF_GenderGapReport_2011.pdf (accessed 17.04.2015).
- Kalabikhina, I. E. (2009) *Gendernyi faktor v ekonomicheskom razvitiĭ Rossii* [The gender factor in the economic development of Russia], Moscow: MAKS Press.
- Kto neset otvetstvennost' pered zhenshchinami?: Gender i podotchĕtnost'*: Otchĕt Fonda OON dlia razvitiia v interesakh zhenshchin v 2008/09 g. (2009) [Who is responsible for women?: Gender and accountability: Report of the United Nations Development Fund for Women in 2008/09], available from http://www.unifem.org/progress/2008/media/POWW08_Report_Full_Text_ru.pdf (accessed 15.01.2011).
- Mezentseva, E. B. (2010) *Gendernyi reiting regionov Rossii* [Gender rating of region of Russia], in: *Prava zhenshchin i instituty gendernogo ravenstva v regionakh Rossii*, Moscow: MAKS Press, pp. 302—327.
- Roshchin, S. Iu., Zubarevich, N. V. (2005) *Gendernoe ravenstvo i rasshirenie prav i vozmozhnostei zhenshchin v Rossii v kontekste tselei razvitiia tysiacheletia*: Doclad [Gender equality and the empowerment of women in Russia in the context of the millennium development goals: A report], Moscow: INFORES-Print.
- Sen, A. (2004) *Razvitie kak svoboda* [Development as Freedom], Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Zubarevich, N. V. (2010) *Regiony Rossii: neravenstvo, krizis, modernizatsiia* [Regions of Russia: the inequality, crisis, modernization], Moscow: Nezavisimyĭ institut sotsial'noi politiki.

Информация об авторах / Information about the authors

Базуева Елена Валерьевна — доктор экономических наук, профессор кафедры мировой и региональной экономики, экономической теории, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Россия, bazueva.l@mail.ru (Dr. Sc. (Econ.), Professor at the Department of World and Regional Economics, Economic Theory, Perm State National Research University, Perm, Russian Federation).

Радионова Марина Владимировна — кандидат физико-математических наук, доцент кафедры высшей математики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Пермь), г. Пермь, Россия, m.radionova@rambler.ru (Cand. Sc. (Phys.-Math.), Associate Professor at the Department of Mathematics, National Research University “Higher School of Economics” (Perm), Perm, Russian Federation).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

Woman in Russian Society
2018. No. 4. P. 132—139
DOI: 10.21064/WinRS.2018.4.12

Женщина в российском обществе
2018. № 4. С. 132—139
ББК 63.3(2)-284.3
DOI: 10.21064/WinRS.2018.4.12

МЕЩАНКА И ПАСПОРТ: КАК ЖЕНЩИНЫ МЕЩАНСКОГО СОСЛОВИЯ ПРЕОДОЛЕВАЛИ И ИСПОЛЬЗОВАЛИ «ПАСПОРТНУЮ ЗАВИСИМОСТЬ»

З. М. Кобозева

Самарский национальный исследовательский университет,
г. Самара, Россия, zoya_kobozeva@mail.ru

Рассматривается пласт повседневности российских женщин, принадлежащих к мещанскому сословию. Он был связан с их зависимостью от мужей, установленной через необходимость получать внутренний паспорт, дававший возможность перемещения по империи, только с согласия мужей. Исследуются тактики и стратегии повседневного сопротивления женщин этой законодательно предусмотренной форме зависимости. Модернизирующийся русский город и постепенно разрушаемые патриархальные семейные отношения в пореформенный период заставляли женщин активно искать работу, необходимую для выживания. Этому препятствовала «паспортная зависимость» от мужей и от местной власти. Повседневный срез женских мещанских практик позволяет увидеть, как женщина эмансипировалась «снизу», применяя микротактики приспособления к своему сословному и семейному статусу.

Ключевые слова: мещанка, паспорт, повседневная жизнь, эмансипация, тактики, стратегии, практики, власть, семья.

PETTY BOURGEOISE AND PASSPORT: HOW THE WOMEN OF THE BOURGEOIS CLASS OVERCAME AND USED “PASSPORT DEPENDENCE”

Z. M. Kobozeva

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation, zoya_kobozeva@mail.ru

The article considers such a layer of everyday life of Russian women belonging to the bourgeois class, which was associated with their dependence on their husbands. Such a dependence was established through the need to obtain an internal passport, which made it possible to move around the Empire, only with the consent of their husbands. Both the tactics

© Кобозева З. М., 2018

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-01-00136 «Репродуктивное поведение, родильные и акушерские практики в России XVI—XXI вв.: медико-антропологический и историко-этнологический анализ».

and strategies of daily resistance of women to this legally provided form of dependence are investigated. The modernizing Russian city and the gradual destruction of patriarchal family relations in the period of widely conducted reforms forced women to actively seek work necessary for survival. This was prevented by the “passport addiction” from husbands and from local authorities. The cut of everyday women’s bourgeois practices allows us to see how the woman was emancipated from her social environment, using small tactics for adaptations to her social “caste” and family status.

Key words: bourgeois, passport, daily life, emancipation, tactics, strategies, practices, power, family.

Женщина в российском дореволюционном обществе находилась в многочисленных путях зависимостей, установленных законом, властью, церковью, моралью, экономическим и сословным статусом и даже литературным дискурсом. (В литературицентричной русской культуре литература играла огромную роль в среде читающей женской публики и не читающей тоже, так как на женщину обрушивалось оценочное мнение, сформированное литературой.) Мещанки русских городов зависели не только от обязанностей, предусмотренных их сословным статусом (общие для мужчин и женщин обязанности, которые делали непростой их жизнь: подати, налоги, общественные сборы, рекрутчина, ложившаяся бременем на семью в целом, и т. д.), но и от внутрисословной гендерной ситуации, связанной, в частности, с тем, что женщины должны были вписываться в паспорта своих мужей. Поэтому паспорт становился еще одной формой дисциплинарного контроля и проявлений власти, уже не на имперском, а на семейном уровне. Мужья и жены использовали этот механизм для манипуляций своими «вторыми половинами», хотя надо отметить, что зачастую ими управляли не «роковые страсти», а элементарные экономические интересы, связанные с необходимостью выжить, прокормить себя и детей (это касается женщин, мужья же зачастую демонстрировали свой скверный нрав или ущемленное самолюбие).

Что касается проблемы «женщина и паспорт» вне гендерных различий, т. е. в границах нормальных семей, где женщина была вписана в общий патриархальный традиционный быт, то, несмотря на то что обязанность платить подати была укоренена в сознании мещан, экономическое положение большинства представителей данного сословия приводило к затруднениям в своевременной уплате денежной повинности. Образовывался порочный круг: без уплаты податей — не выдавался внутренний паспорт, а без паспорта — невозможно было найти работу. Выдачей паспортов занимался мещанский староста, к нему обращались мещане с просьбой войти в их положение и помочь с паспортом.

«Общение лицом к лицу является главной составляющей всех форм социального взаимодействия вне зависимости от масштабности контекста» [Гидденс, 2005: 81], при таком взаимодействии на микроуровне особое значение приобретает язык письменных обращений «во власть» как средство передачи смыслов. Язык, который индивид берет из своей повседневной рутины. При всей важности подобного источника его достаточно трудно интерпретировать, так как «любой пустячный разговор... труден для понимания» [там же: 84].

В дореволюционном провинциальном городе мещанский староста был связан с мещанами города многочисленными нитями, которые официально

не были отражены в законодательном плане. В пространстве империи мещанский староста — маленькая бюрократическая фигура, в пространстве личных и общественных связей провинциального города — это большой человек, от которого зависит судьба мещанской семьи: паспорт, подати, рекрутство. Это доказывает стиль писем мещан к мещанскому старосте, носящих в середине и практически до конца XIX в. во многом личный характер. Мещанские обращения «во власть» отличает достаточно сильный эмоциональный фон, в котором преобладают эмоции страха, граничащего с отчаянием, и своего рода крик о помощи. В наступающий век индивидуализма, когда в городском пространстве уже пошатнулись традиционные основы общества — религия и микросообщество (семья, община) [Плампер, 2010: 16], мещанское письмо отражает нарастающую тревожность и упование на традицию, выраженную как в патриархальном доверии к общинным лидерам, так и в религиозном сознании, имплицитно присутствующем в тексте письма.

Мещанка Симбирска Аксинья Андреева писала: «Милостивый государь! Выслан мне за вашей подписью полугодовой паспорт... срок которому скоро кончится, и я должна выправить другой с согласия мужа моего симбирского мещанина Василья Андреева, почему покорнейше прошу уведомить меня, неизвестно ли вам, где именно в настоящее время проживает муж мой, деньги же на присылку ответа прошу употребить из оставленных у вас денег при выправке означенного паспорта, сделайте милость, не замедлите ответом... Ваша готовая на услуги... А что деньги у вас остались, то это видно из уведомления вашего за № 113» [ГАУО, ф. 143, оп. 1, д. 56, л. 97]. Симбирская мещанка Н. П. Кочеткова, проживавшая в сельце Бобылевке Тушинской волости, писала в управу «Объявление»: «В 1873 г. я вышла в замужество за симбирского мещанина Михайлу Федотова Кочеткова, который находился в работе при суконной фабрике, принадлежащей симбирскому купцу Алиеву и состоящей в сельце Бобылевке, он же Михайла Федотов в конце мая месяца сего года с фабрикою рассчитался окончательно и в то время скрылся в неизвестную отлучку, и по сие время где он находится, я не знаю». Женщина просит выдать ей вид на жительство, чтобы самой отправиться на заработки, заканчивая письмо фразой «Буду ожидать начальничьего милостивого благословения» [там же, л. 105]. Женщинам управа выдавала паспорта с осторожностью, в тексте видов на жительство печатая: «Предъявительница сего вдова отставного рядового... причисленная в общество саратовских мещан... есть действительно законная жена... дозволяется ей свободно проживать во всех городах Российской империи, причем должна она вести себя добропорядочно, от всяких законно-противных поступков воздерживаться» [ГАСО, ф. 94, оп. 1, д. 2799, л. 218].

Человеческая субъективность, отраженная в письме, позволяет рассмотреть конкретного индивида в сочетании свойств, приобщающих его к окружающим и отличающих от них. По следующему письму трудно определить возраст просителя, но в любом случае перед нами два самых близких существа, прижавшихся друг к другу на чужбине, мать и сын, чья жизнь опять-таки напрямую связана с паспортом и чиновником самарского пространства, которое они покинули, но с которым продолжают быть тесно связаны «бумажной повседневностью»: «Милостивый государь Лев Алексеевич. Мы, Фалимон Владимиров и моя маменька Марфа Ивановна, просим Вас, будьте так добры для несчастных нас, дайте увольнение моей маменьке Марфе Ивановой, и мы посылаем Вам

старый паспорт, Вы знаете, что жить без всякого вида нельзя, будьте так добры, пришлите как можно скорее. Пришлите нам в г. Туринск Тобольской губ. Василью Кузьмичу Телепневу, мещанину» [там же, д. 26, л. 1403].

На помощь матери в высылке паспорта уповали мещане, оказавшиеся на чужбине: «Милостивая наша государыня матушка, прошу у вас вашего родительского благословления навеки нерушимого, низко вам кланяюсь, высылаю вам денег... пришлите нам паспорт ради бога...» [там же, д. 43, л. 855].

В 1898 г. самарский мещанин Парамон Прянишников написал заявление на имя мещанского старосты: «Имею честь просить ваше степенство законной моей жене Елене Васильевне Прянишниковой не выдавать положительно никакого письменного вида на жительство не только в иногородние места, но и в самом городе Самаре без моего на то письменного согласия или личной явки в мещанскую управу вследствие ея, Елены Прянишниковой, безнравственного поведения... (2 февраля 1898 г.)» [ЦГАСО, ф. 217, оп. 1, д. 306, л. 17]. 8 августа 1898 г. на имя самарского губернатора поступило прошение от самарской мещанки Е. В. Прянишниковой: «Муж мой, самарский мещанин Парамон Николаев Прянишников, вот уже четвертый год как бросил меня, не давая мне не только что на прокормление, но постоянно бил меня, ввиду чего и не имея при себе какого-либо документа, я нахожусь в крайне безвыходном положении, а потому, желая поступить куда-либо на место и там добывать себе средства к жизни, я обратилась в Самарскую мещанскую управу с просьбой о выдаче мне свидетельства на проживание, но управа в выдаче мне такового отказала, требуя на то согласие мужа, тогда как я и сама не знаю, где он в настоящее время находится. Объяснив такое мое безвыходное положение вашему превосходительству, я имею честь покорнейше просить о производстве о вышеозначенном полицейского дознания...» [там же, л. 20]. 3 сентября 1898 г. из Самарского губернского правления в мещанскую управу пришло распоряжение о выдаче мещанке Прянишниковой паспорта, ввиду того что ее муж «в настоящее время в безвестной отлучке и два года не получал паспорта» [там же, л. 18].

В основном паспорта необходимы были тем женщинам для устройства на работу, которых бросили мужья. Так, например, самарская мещанка Авдотья Никитина завела гражданское дело на мужа, «не доставляющего ей средств к содержанию и ведущего нетрезвую жизнь...». Решено было предоставить ей вид на жительство с правом свободно «отлучаться на заработки» [там же, д. 89, л. 428—428 об.]. Так же в пользу самарской мещанки Левкиной было решено дело о выдаче паспорта, поскольку ее муж вел «жизнь нетрезвую, средств ей к содержанию малолетних детей не давал, но и не выдавал паспорт на отлучку для работы» [там же, л. 455]. Некоторые мужья писали прошения в думу с целью напомнить чиновникам, кто в мещанском доме хозяин: «Самарского мещанина Василья Степанова Бабушкина прошение. Жена моя Агрофена Иванова с малолетней дочерью Елизаветой неизвестно куда, без моего позволения, в 1866 г. из г. Самары скрылась. На проживание она... получает из думы паспорта или билеты, а как по статье... жена обязана жить вместе и по статье... в непосредственном послушании к мужу... просить думу более жене моей паспортов не высылать и сообщить, где она живет и о немедленной высылке ее в г. Самару. 1868 г.» [там же, ф. 170, оп. 6, д. 1558, л. 46]. Думе отстаивать интересы женщины

в данном случае не было резона, и она выдала справку: «Аграфене был выдан паспорт на один год 1867 г. <...> ...Так как срок паспорта уже истек, то вновь паспорта не выдавать» [там же, л. 46 об.]. В 1890 г. самарский мещанин ефрейтор запаса Пашкин написал в мещанскую управу заявление: «Минувшего 1889 г. 2 октября месяца я был повенчан по первому браку с девицею самарской мещанкою Екатериной Ивановой Поповой. Как видно, что жена моя Екатерина Иванова, ныне Пашкина, оказалась дурного поведения и в настоящее время от меня самовольно удалилась... покорнейше прошу жене моей... без ведома моего паспорта... не выдавать» [там же, ф. 217, оп. 1, д. 254, л. 10]. Никита Осипов вообще не видел свою жену Матрену Порфильевну около 15 лет, ее местожителство ему также неизвестно, поэтому в случае явки «жены паспорта ей не выдавать» [там же, л. 52]. Мещанин Андрей Захаров просил не выдавать письменного вида жене Марине: «...она со мной не живет, а ведет жизнь развратную» [там же, л. 10].

Но были и такие мужья, которые спокойно относились к необходимости выдачи женам паспортов. Мещанин Баканов писал в Самарскую мещанскую управу: «В случае обращения жены моей Федосьи... с просьбой о выдаче документа... не задерживать, так как хотя Федосья... со мной не живет, но с моей стороны к выдаче ей письменного вида препятствий не имеется. 1893 г.» [там же, ф. 153, оп. 1, д. 85, л. 534].

Обращает на себя внимание значительное количество дел, связанных с нарушением патриархальной нравственности в мещанских семьях середины и второй половины XIX в. Родители, оставленные детьми без всякой помощи в старости, избиваемые, оскорбляемые, пишут жалобы в думу и управу, пытаясь использовать в качестве механизма воздействия на своих отпрысков рекрутство или паспорт. Арина Гурьянова, самарская мещанка, в 1858 г. писала мещанскому старосте: «Ваше степенство, при сем условии представляю до вас всепокорнейшую мою просьбу возбудить начальное разбирательство, при требовании паспорта с моего сына Павла Гурьянова взять денег на пропитание мое присылкою в город Уральск...» [там же, ф. 217, оп. 1, д. 32, л. 226]. После вмешательства властей Гурьянов дал подписку: «...обязуюсь я ей, родительнице моей, давать на пропитание каждый год 45 руб. серебром, и за родителя моего самарского мещанина Никиту Иванова подушные ежегодно уплачивать, и паспорт каждый год выправлять на свой счет... если сии я обязанности свои не исполню, то вольна она, родительница моя, поступить со мною по ее родительской власти. В том подписуюсь» [там же, д. 33, л. 227—227 об.]. Самарская мещанка Марфа Шахаткина в 1887 г. писала в мещанскую управу, чтобы сыну без ее ведома никаких документов на отлучку не выдавали; прибавляется новый персонаж мещанской повседневности, нотариус, для которого сыну также не выдавать никаких документов [там же, д. 235, л. 104]. Другой подход был к вдовам или солдатским женам. Мещанские управы рассматривали такие дела по собственному усмотрению. В 1883 г. было выдано Самарской мещанской управой удостоверение для проживания в г. Самаре в течение 6 месяцев солдатской жене Василисе Ароновой, 50 лет, «в том, что она принадлежит к обществу мещан г. Самары и значится записанною по сем. Списку солдата за 1875 г. под № 144, приметамы она: росту 2 арш. 4 верш., волосы на голове и бровях светлые, глаза серые, лицо чистое, особых примет нет» [там же, ф. 153, оп. 1, д. 84, л. 63].

Порой мещанки играли роковую роль в жизни мужчин: не они оказывались пострадавшими от несвободы, а мужчины — от их жестокости и жульничества с законом. Так, пострадал от своей мачехи мещанин Никанор Рябинин. В 1860 г. в Самарскую городскую думу «посредством внутренней стражи» от чернского городничего был доставлен человек, называвший себя самарским мещанином Никанором Сергеевым Рябининым [там же, д. 573, л. 5]. При пересылке в Самару Никанору были выданы казенная одежда и кормовые деньги, всего на сумму 2 рубля 40 копеек. Три дня Никанор просидел в помещении думы без всякой стражи и никуда не сбежал. У него не было денег, а дума не хотела за него платить. Поэтому его отправили в город, чтобы он нашел себе квартиру или поручителя [там же, л. 5 об.]. Не найдя ни работы, ни поручителей, не имея денег на паспорт, Никанор стал жить с бродягами на берегу Волги. Но деньги за пересылку с думы вновь потребовали, и дума решила произвести «секретное дознание», поручив это мещанскому старосте. Из дознания, произведенного по делу Рябинина, открылась история человека, оказавшегося загнанным в угол жизненными обстоятельствами, в результате которых он оказался без денег, без паспорта и в положении вне закона, потому что его мачеха уехала с новым мужем в Москву, не заплатив за себя подати. Никанор же, не сумев заплатить сумму еще и за нее, оказался без паспорта и стал бродягой.

Матери понимали, с какими перспективами для их детей связана в случае потери документа «безписьменность», и хлопотали о новых видах на жительство для своих сыновей, уехавших на заработки [там же, ф. 217, оп. 1, д. 88, л. 610]. Если же мещанская управа задерживала высылку паспорта, мещане могли жаловаться губернатору [там же, л. 762].

Обращает на себя внимание появление в делопроизводстве начала XX в. просьб о выдаче и не выдаче паспортов дочерям («для поступления в должность», к примеру «акушерка-фельдшерица») [там же, ф. 153, оп. 1, д. 449, л. 33, 41, 52]. Все свидетельствовало о постепенном включении женщин в активную социальную жизнь. Особенно этому способствовала Первая мировая война. Мещанскому старосте понадобилось разъяснение от губернатора закона от 12 марта 1914 г. о выдаче паспортов и видов на жительство замужним женщинам без согласия мужа. Губернатор так и приписал в своей разъяснительной записке: «Можно» [там же, ф. 217, оп. 1, д. 411, л. 172]. Но матери по-прежнему писали в управу прошения, чтобы без их разрешения не выдавали паспорта дочерям [там же, л. 109].

Делопроизводственная документация управы за 1916 г. хранит еще один эпизод, приоткрывающий дверь в интимное пространство жизни мещан, и, что показательно, он касается юной барышни. С 1903 по 1916 г. председателем мещанской управы (мещанским старостой) Самары был С. М. Евсеев [Памятная книжка Самарской губернии на 1916 г., 1916: 14]. К нему и писала молодая особа, мещанка Самары, проживавшая в 1916 г. в г. Бузулуке: «Милостивый государь Степан Матвеевич! Я посылала Вам свой паспорт, чтобы Вы мне его переделали. Но до сих пор не получила...» [ЦГАСО, ф. 217, оп. 1, д. 425, л. 340]. Следом приходит телеграмма: «Покорнейше прошу скорее выслать его [паспорт], т. к. 8 октября я уезжаю в Хабаровск» [там же]. Далее, в письме от 5 октября, барышня спрашивает: «Что за причина задержания? Меня это волнует. Скоро ведь две недели, как я его Вам отослала... Вас просил наш папа... С полицией неприятно дела

иметь, да и задержать могут лишних несколько дней. А мне каждый день дорог. Елена Михайловна Коновалова» [там же, л. 340 об.]. 9 октября Елена Михайловна пишет: «Милостивый государь Степан Матвеевич! За сообщение мне о моем паспорте благодарю Вас. Теперь вынуждена сказать Вам о том, как бы не вышло какое недоразумение ввиду того, что у меня не было документов, я вынуждена была жить гражданским браком. Мои родные против гражданского брака. <...> И я теперь боюсь, как бы не обнаружилось и они не узнали бы о моем гражданском браке. Вдруг у них что-либо запросит полиция? Конечно, они уверенно так скажут, что я замужем. Вот тут-то и может выйти недоразумение, очень беспокоюсь! Я покорнейше прошу Вас, нельзя ли полиции помимо их, моих родных, навести обо мне справки? С почтением к Вам Е. М. Коновалова» [там же, л. 342].

Если до 1906 г. с помощью паспорта мещанские управы могли регулировать поступление общественных сборов с мещан (заплатил налоги — получил паспорт на определенный срок), то после издания указа о введении для бывших податных сословий бессрочных паспортов, как в местах приписки, так и в местах жительства, без обязательной уплаты общественных сборов, мещанские управления оказались в сложной ситуации. Но сила привычки, удобство знакомой институции, личные связи среди однообщественников определяли обращение мещан за паспортом именно в мещанскую управу, а не в полицию. Патриархальные связи, сложившиеся во взаимоотношениях мещан города со своими сословными и городскими учреждениями и их лидерами в лице городских голов и мещанских старост, продолжали сохраняться на протяжении всей второй половины XIX в., в уже значительно изменившемся социокультурном городском пространстве, и даже в начале XX в., несмотря на рост тенденций, связанных с формализацией внутрисословных связей. Личные связи были необходимы именно в сфере паспортной повседневности, так как паспорт выступал одним из главных условий легитимного существования представителей сословия, их хозяйственной активности и мобильности.

Вокруг процедуры получения мещанами срочных паспортов сложился напряженный эмоциональный фон. Особенно выразительно он проступает в самарском мещанском делопроизводстве, полном писем личного характера к старостам и городским головам с просьбой о выдаче и пересылке паспорта. В Саратове и Симбирске сложился более официальный тон взаимоотношений мещан с их сословными управлениями. Благодаря сохранившейся в фонде Самарской мещанской управы значительной переписке мещан по поводу получения паспортов, можно проследить формирование сословной эпистолярной культуры, как деловой, так и личной; увидеть как мещане в негласной общественной иерархии составляют свои приоритеты, изобретая свое собственное титулование и вводя в контекст письма культурные коды сословной культуры. Паспорта замыкали круг сословной жизни мещан, возвращаясь из разных уголков империи после их смерти в родную управу, к месту приписки. С помощью паспорта можно почерпнуть антропологические сведения о его владельце и проследить эпизоды биографий.

Семейные межличностные отношения, полные драматизма, конфликтов, игры гендерных ролей, часто влияли на использование паспортного «рычага». Паспорт порой служил для шантажа жен, мужей и детей с целью заставить их выполнять традиционные гендерные роли. С начала XX в. женщины наконец обретают свободу, получив возможность получать паспорт вне зависимости от волеизъявления мужей. Это давало им возможность найти работу.

Таким образом, с помощью паспорта власть не только фиксировала податное городское сословие в пространстве империи, прикрепляла его к месту, заставляя выполнять фискальные обязанности, но и создала целую систему различных практик, тактик, стратегий, с помощью которых решались многочисленные задачи, стоящие перед мещанами, как личного, семейного, так и хозяйственного, общественного порядка. Власть управляла с помощью паспорта, но и мещане управляли определенными сферами своей жизни с помощью этого придуманного властью механизма. Даже после введения единых для всех сословий бессрочных паспортов многие механизмы урегулирования внутрисословной и внутрисемейной жизни мещан посредством паспорта и мещанской управы продолжали сохраняться на повседневном уровне. Женщины всегда остаются женщинами. Более гибкие в повседневных практиках выживания, они изобретают свои способы избежать «паспортной зависимости». Мещанки используют паспорт для давления на мужей. Но и активно требуют от своей сословной власти предоставить им возможность работать, чтобы выжить в городе с его суровыми законами. Власть сословная, власть мужская, медленно, нехотя, но все же идет навстречу женской эмансипации.

Библиографический список

- ГАСО (Государственный архив Саратовской области).
ГАУО (Государственный архив Ульяновской области).
Гидденс Э. Социология. М.: Едиториал УРСС, 2005. 632 с.
Памятная книжка Самарской губернии на 1916 г. Самара, 1916.
Плампер Я. Эмоции в русской истории // Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций. М.: Новое лит. обозрение, 2010. 512 с.
ЦГАСО (Центральный государственный архив Самарской области).

References

- Giddens, E. (2005) *Sotsiologiia* [Sociology], Moscow: Editorial URSS.
Pamiatnaia knizhka Samarskoï gubernii na 1916 g. (1916) [Memorable book of Samara Region on 1916], Samara.
Plamper, Ia. (2010) *Ėmotsii v russkoï istorii* [Emotions in Russian history], in: *Rossiiskaia imperiia chuvstv: Podkhody k kul'turnoï istorii ėmotsiï*, Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Статья поступила 12.05.2018 г.

Информация об авторе / Information about the author

Кобозева Зоя Михайловна — доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории, Самарский национальный исследовательский университет, г. Самара, Россия, zoya_kobozeva@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor at the Department of Russian History, Samara National Research University, Samara, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2018. No. 4. P. 140—150
DOI: 10.21064/WinRS.2018.4.13

Женщина в российском обществе
2018. № 4. С. 140—150
ББК 60.561.51
DOI: 10.21064/WinRS.2018.4.13

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ И СЕМЕЙНЫЕ РОЛИ ЖЕНЩИН В ИСТОРИИ МНОГОПОКОЛЕННОЙ СЕМЬИ

С. А. Векилова, И. С. Клецина, Г. В. Семенова

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, vekilova@mail.ru

Представлены результаты изучения поколенной динамики ролевого репертуара российских женщин на примере матрилинейной выборки «прабабушки — бабушки — матери — дочери». Показано, что женская история в целостном генеалогическом повествовании последовательно меняется от второстепенной и малозначительной до главной. Содержание материнской роли трансформируется — от биологической, репродуктивной до материнской роли с выраженными характеристиками осознанного психологического отношения. Супружество от формы патриархальной принадлежности мужу меняется в сторону более равноправного союза. Профессиональные роли становятся значимыми элементами истории уже в поколении «бабушек», а к поколению «матерей», женщин, рожденных в интервале 1931—1960 гг., даже более важными, чем семейные роли. Тем не менее сравнение ролевых профилей женщин четырех поколений с ролевыми профилями их мужей позволяет утверждать, что гендерного ролевого выравнивания ни в сфере семейной жизни, ни в сфере профессиональной жизни не происходит.

Ключевые слова: супружеские и родительские роли, профессиональные роли, многопоколенная генограмма, матрилинейная выборка, контент-анализ, гендерное неравенство.

PROFESSIONAL AND FAMILY ROLES OF FEMALES IN THE HISTORY OF MULTIGENERATIONAL FAMILY

S. A. Vekilova, I. S. Kletsina, G. V. Semenova

Herzen State Pedagogical University of Russia,
St. Petersburg, Russian Federation, vekilova@mail.ru

The article presents the results of content-analysis of the stories of twenty four multi-generational families. The sample included 121 females, who composed the pure matrilineal chains of great-grandmothers, grandmothers, mothers and daughters. The elder generation includes females born between 1870—1900 years, with 30-year interval between each generation. Generational analysis of dynamics of spouse, parental and professional female and male roles was conducted. The research permits to gain the following results. A male becomes the main hero of the family story in the elder generation of great-grandparents, a female beside

him is described only through her reproductive function; her marital status is described as a form of belonging. Her motherhood in the next two generations of “grandmothers” and “mothers” acquires the feature of psychological attitude (the children get their names and the essence of the relationships becomes important). The motherhood and conjugality becomes of equal importance and the female does not totally belong to her husband. The female story of “grandmothers” generation contains not only her family roles, but her professional roles too. The “daughters” generation born between 1960—1990 years, is characterized by the significant increase of the professional roles, which becomes more important, than even family roles. The total word score of women story prevails on the same index of male story, and the female becomes the main hero of the family story. The comparative analysis of male and female stories makes it possible to state that despite increasing dynamics of educational and professional female roles there is no real gender equality either in the family life space or in the social one. Females as before mostly belong to family world, and males as before mostly belong to professional world.

Key words: spouse and parental roles, professional roles, multigenerational genogram, matrilineal sample, content-analysis, gender inequality.

Исторические исследования «женской темы» — значимая часть гендерной проблематики. Изучение исторических материалов и реконструкции социальных условий, в которых находились женщины дореволюционного, революционного и более поздних периодов, достаточно широко представлены в исторических, социологических и культурологических публикациях [Пушкарева, 2002; Задворнова, 2011]. Основой этих исследований является анализ преимущественно научной периодики, архивных источников и газетных материалов. В них выявляются объективные юридические, политические, экономические и иные значимые социальные условия существования женщин в разные периоды истории. Подобные данные позволяют узнать, например, какие законы и правовые акты в отношении женщин были приняты в тот или иной исторический период, как регулировались деторождение, материнские функции, профессиональные роли женщин. Так, Н. С. Сычева в своей диссертационной работе указывает, что 12 января 1918 г. был принят Декрет об упразднении народного попечительства по охране материнства и младенчества и в то же время, 31 января 2018 г., вышло постановление «Об организации комиссии по охране младенчества». Постановление «Об охране труда беременных и кормящих грудью женщин» было принято в 1920 г.; в том же году РСФСР стала первым государством, которое узаконило аборт [Сычева, 2014].

Такого рода исследования представляют интерес с точки зрения изучения трансформации гендерных ролей в широких слоях российского общества. Однако в них не прослеживается непрерывная нить женских судеб в последовательных поколениях одной семьи на фоне исторического времени. На этот вопрос позволяет ответить материал, полученный с помощью метода многопоколенной семейной генограммы. Поскольку ценность гендерного равноправия объективируется через баланс или соотношение семейных и социальных ролей, исполняемых женщиной и мужчиной, генеалогический материал, по сути сфокусированный на семейных и профессиональных достижениях человека, идеально подходит для подобного исследования.

Постановка цели и задач исследования

Цель данного исследования — на материале генеалогических текстов определить, фиксирует ли семейная история российских женщин переход от приоритета семейных ролей к приоритету профессиональных ролей и какова динамика этого процесса.

Частными задачами становятся следующие:

- 1) с помощью количественного анализа оценить объемы текстов женских и мужских историй в общем генеалогическом повествовании;
- 2) определить динамику изменения значимости супружеских и материнских ролей в историях женщин четырех поколений;
- 3) оценить репертуар профессиональных ролей и их значимость в женских историях четырех поколений;
- 4) выявить соотношение семейных и профессиональных ролей и оценить поколенную динамику этого соотношения;
- 5) определить, происходит ли выравнивание относительной значимости профессиональных и семейных ролей в историях женщин четырех поколений в сравнении с аналогичными показателями их мужей, соответственно ответить на вопрос о том, достигается ли гендерное ролевое равновесие.

Методы исследования

Исходный эмпирический материал получен с помощью метода многопоколенной семейной генограммы, надежность и конструктивная валидность которого доказана ранее [Векилова, 2013]. В соответствии с этим методом, участникам исследования предлагалось нарисовать нисходящий генеалогический граф своей семьи в четырех поколениях и более. Каждому члену семьи, начиная с прародительской пары (вершина графа), присваивался порядковый номер. Далее участников исследования просили описать судьбы отображенных членов многопоколенной семьи во всех доступных деталях, так что каждый обретал в общем тексте свою маленькую или большую историю. Материал, на основе которого проводилось данное исследование, собран из семейных документов и историй, переданных старшими поколениями младшим. Будучи многократно пересказанными, они запечатлевают в себе наиболее важную информацию о человеческих судьбах и сохраняют квинтэссенцию человеческой жизни в таком виде, в каком она понята семейной общностью и транслирована потомку — автору генеалогического текста. Есть основания полагать, что генеалогия и семейная история — это виды коммеморативной практики, существующей для того, чтобы «реанимировать в настоящем значимые для группы воспоминания» [Шуб, 2016: 83] и на этой основе формировать солидарность и идентичность семейной группы.

Непосредственным методом получения количественной информации о семейных и профессиональных ролях служил контент-анализ текстов индивидуальных историй. Вычислялись частоты слов, обозначающих соответствующие понятия [Баранов, 2001]. Для проверки достоверности различий использовался непараметрический U-критерий Манна — Уитни. Анализ семейных ролей проводился отдельно по супружеским и родительским ролям. В блок профессиональных ролей включалась информация о профессии, достижениях в ней, образовании, миграционной мобильности, связанной с обучением и карьерой.

Для минимизации влияния многих внешних переменных на итоговый результат исследование было организовано следующим образом. Из общего массива данных 85 генеалогических графов были выделены 24 графа, содержащие непресекающиеся линии женского биологического родства: прабабушки — бабушки — матери — дочери. Женщины, вошедшие в сформированную таким образом матрилинейную выборку, были дочерьми друг друга в нисходящей линии родства, а их численность составила в поколении прабабушек 24 человека, в поколении бабушек — 25 человек, в поколении матерей — 32 человека и в поколении дочерей — 40 человек (всего 121 человек). Самое младшее поколение матрилинейных цепочек не включено в выборку, так как на момент исследования было представлено девочками и девушками добрачного возраста. Возможность исследовать чистую матрилинейную выборку позволяет сохранить в постоянных значениях внутрисемейные параметры (репродуктивные, супружеские, профессиональные установки) и изучать влияние новых социальных ценностей в непосредственном виде. Респондентками (участницы исследования) были 24 женщины в возрасте от 22 до 32 лет (магистрантки психолого-педагогического факультета РГПУ им. А. И. Герцена), которые составили нисходящие генеалогические графы и описали судьбы членов своих многопоколенных семей.

В рамках данной работы термин «поколение» использовался в своем исходном, генетическом значении: под поколением понималась общность людей, которые находятся в отношениях порождения. Временной интервал между поколениями — 25—33 года (рис. 1) — соответствует основному генеалогическому правилу и подтверждает достоверность материала [Усков, 2002]. Хронологически к поколению прабабушек принадлежали женщины, рожденные в интервале 1870—1900 гг., к поколению бабушек — женщины 1901—1930-х гг. рождения, к поколению матерей — женщины 1931—1960 гг. рождения и к поколению дочерей — женщины, рожденные в интервале 1961—1990 гг.

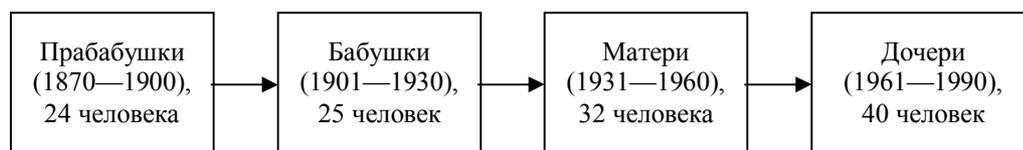

Рис. 1. Схема поколенной структуры выборки (матрилинейные цепочки родства, хронология и количество участниц в каждом поколении выборки)

Сравнительный анализ был проведен в двух направлениях: как поколенная динамика ролевого репертуара женщин от поколения прабабушек к поколению дочерей, а также как сравнительный анализ различий в ролевом репертуаре женщин и мужчин в каждом поколении генеалогического древа. Первое направление сравнительного анализа позволило непосредственно наблюдать сам процесс прироста значимости профессиональных ролей, второе направление — понять процесс выравнивания женских и мужских ролевых репертуаров.

Результаты исследования

Тексты о мужчинах и женщинах в генеалогическом повествовании.

Определение объемов текстов женских и мужских историй в общем генеалогическом повествовании позволяет понять, на какие гендерные образцы (женские или мужские) ориентирована семейная история, чьи судьбы воспринимаются как более важные с точки зрения вкладов в жизни потомков, имеют большее значение как опыт для последующих поколений. Сопоставление объемов текстов о мужчинах и женщинах показывает, что в старшем прапоколении их соотношение составляет 62,4 и 37,6 % соответственно. Большинство семейных историй начинаются со сведений о мужчине: описываются даты жизни, место рождения, род занятий, обстоятельства смерти; о жене говорится лишь то, что она была. Последующая динамика объемов текстов выглядит как восходящая для женских историй и как нисходящая для мужских (рис. 2). В поколении, рожденном в период 1931—1960 гг., объемы текстов уравниваются с точностью 50 : 50, а в последнем поколении генеалогического древа женские истории становятся большими по объему, чем мужские.

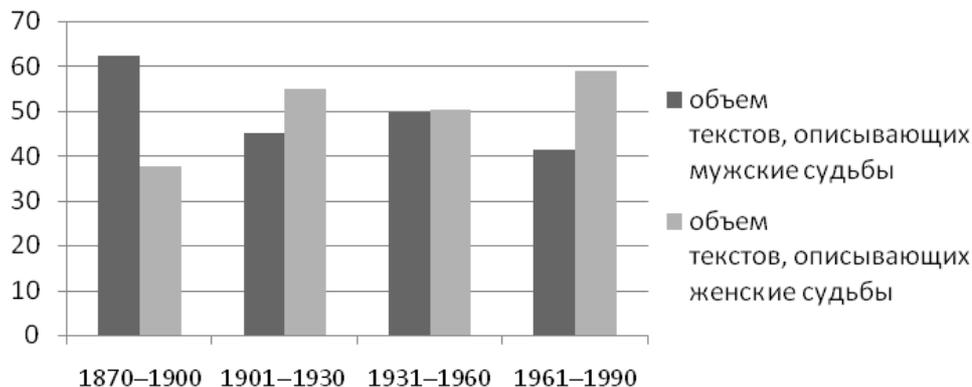

Рис. 2. Гистограмма поколенной динамики объемов текстов о мужчинах и женщинах в общем генеалогическом повествовании, %

Важно также, что баланс между объемами этих текстов неустойчив, достигается только однократно, временно. Это может свидетельствовать о динамичности значения мужских и женских историй в общем генеалогическом повествовании. Нельзя не отметить и то, что данный баланс приходится на сложный исторический период — период массовых репрессий, Великой Отечественной войны и послевоенное время.

Соотношение между супружескими и материнскими ролями женщин в истории многопоколенной семьи. Семейная жизнь и семейные роли — важнейшая составляющая генеалогического текста. В целях более глубокого понимания семейных аспектов существования женщин прежних поколений был предпринят отдельный анализ их супружеских и родительских ролей. Социальное равноправие женщин предполагает не только выравнивание ролевых позиций в социальной сфере, но и значительное изменение в содержании ролевого поведения внутри пространства семейной жизни. Оно подразумевает также понимание сути супружеских отношений как равноправного союза, а родительства

как равной ответственности матери и отца за развитие ребенка, его психологическое и социальное здоровье.

По результатам проведенного исследования, образ женщины прапоколения характеризуется в первую очередь через ее материнскую, а точнее, репродуктивную роль. О женщине того поколения говорится, что она родила определенное количество детей, из них в живых остались только некоторые. Нередко детская подсистема обозначается количеством детей и изредка дети называются по именам. В некоторых текстах женских историй используются словосочетания «тянула детей», «тащила детей», что указывает на тяжелый, иногда непосильный труд. О перинатальных потерях и смертях детей всех возрастов в женской истории также говорится достаточно много. Образ материнства женщин прапоколения практически сводится к репродуктивной, биологической функции воспроизводства, и только в двух следующих поколениях он приобретает свойства психологического отношения: репродуктивная нагрузка снижается, уменьшаются показатели перинатальной и детской смертности, дети называются по именам, а в тексте появляются описания личностных свойств как матери, так и детей.

Супружеская роль женщины поколения прабабушек также представлена своеобразно. Контент-анализ текстов отчетливо подтверждает следы патриархального семейного уклада. Признаком этого служит такое словосочетание, как «была женой», и далее в тексте указываются имя, отчество и фамилия мужа, при этом имя жены вообще может не называться; либо сообщается, что «ее имя и годы жизни неизвестны». Проявлением патриархальности можно считать и конструкцию «родила ему... детей». Указанные черты позволяют говорить о том, что супружество в прапоколении женщин было, скорее, отношением принадлежности жены мужу и его никак нельзя считать равноправным союзом.

Материнство важно и для поколения бабушек. Только в поколении женщин, рожденных в интервале 1931—1960 гг., супружество уравнивается по значимости с материнством, а в текстах о поколении, рожденном в 1961—1990 гг., описанию супружеских отношений уделяется больше внимания, чем материнству (рис. 3).

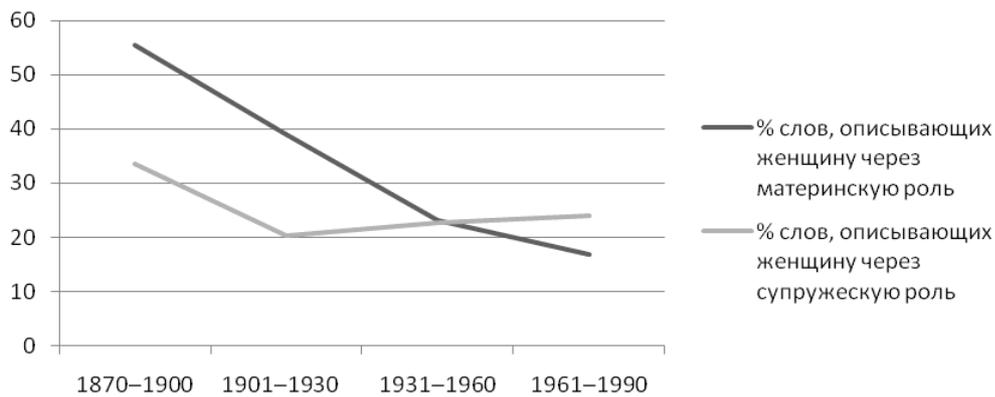

Рис. 3. Относительная значимость материнской и супружеской ролей в текстах о женских судьбах четырех поколений (процентное соотношение слов в текстах)

Несмотря на то что исследователи феномена материнства используют термин «принуждение к материнству» [Нартова, 2016], полученный в нашей

работе результат позволяет говорить о достижении определенной степени свободы от этого вида культурной тирании. В то же время, если снижение значимости материнства будет закономерно продолжаться и в будущем, можно прогнозировать актуализацию проблемы рождаемости и ухода за детьми, кризисное состояние этой важной сферы социального функционирования женщины.

Соотношение между семейными и профессиональными ролями женщин в истории многопоколенной семьи. Репертуар профессиональных ролей изучался на основе контент-анализа нескольких блоков высказываний: названия профессии, указаний на образование и полученные дипломы, описания фактов учебной и/или рабочей географической мобильности, а также упоминания профессиональных и учебных достижений («заслуженный учитель», «красный диплом»). Результаты позволяют сделать вывод о резком скачке в профессиональной активности женщин поколения, рожденного в 1901—1930 гг. (рис. 4). Рассматривая этот феномен в контексте исторических событий, следует отметить существенные послереволюционные изменения в положении женщин и их социальных ролях. В историях следующего поколения женщин, часть из которых пережили войну подростками, объемы текстов, описывающих учебу, работу и профессиональные успехи, превышают объемы текстов, описывающих обстоятельства семейной жизни. Социальное пространство жизни и успехи в нем становятся более значимыми, чем внутренний, приватный мир семьи.

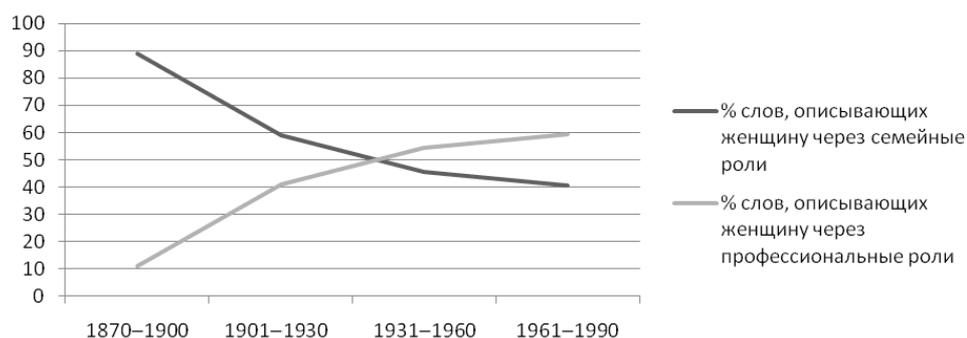

Рис. 4. Относительная значимость семейных и профессиональных ролей в текстах о женских судьбах четырех поколений (процентное соотношение слов в текстах)

Видно, что тенденция уделять больше внимания профессиональным ролям, чем семейным, сохраняется и в последнем из изученных поколений женщин. Также выявлено, что статистически значимо различается число профессиональных ролей в поколениях женщин, рожденных в 1870—1900 гг. и в 1961—1990 гг. ($U = 235,5$; $p \leq 0,01$). Вероятно, это свидетельствует о том, что процесс включения российских женщин в профессиональную деятельность растянулся на период жизни трех поколений и к настоящему времени стал мощным и необратимым.

Гендерное неравенство в ролях женщин и мужчин — членов многопоколенной семьи. Последней задачей исследования является ответ на вопрос о том, достигается ли гендерное ролевое равноправие женщин и мужчин при переходе от старшего поколения матрилинейной цепи к младшему поколению. Явление ролевого выравнивания исследовалось в двух аспектах: как выравнивание в семейном ролевом кластере и как выравнивание в профессиональных ролях.

Диаграмма на рисунке 5 отчетливо демонстрирует, что доля слов, обозначающих семейные роли (супружеские и родительские), в женских историях устойчиво превышает соответствующий показатель для мужчин. И данный результат позволяет утверждать, что пространство семейных взаимоотношений всегда было и по-прежнему продолжает оставаться важной и приоритетной сферой активности женщины, однако разрыв в значениях для мужчин и женщин неуклонно сокращается в каждом поколении. Это дает основание предположить, что уже в следующем поколении сфера семьи станет областью равной ответственности супругов.

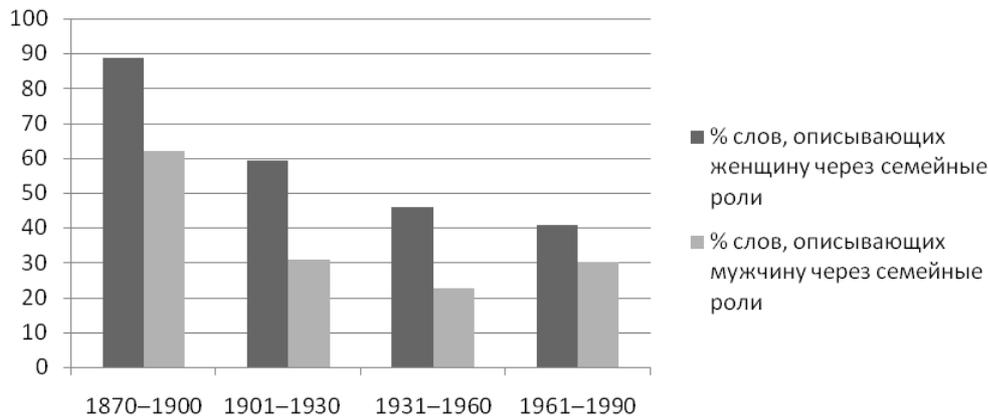

Рис. 5. Поколенная динамика значимости семейных ролей в текстах женских и мужских историй

Нельзя не отметить и тот факт, что в целом семейные отношения занимают все меньшее место в генеалогическом тексте, уступая свои позиции описаниям профессиональной активности и профессиональных достижений как женщин, так и мужчин (рис. 6).

Рис. 6. Поколенная динамика сравнительной значимости профессиональных ролей в текстах женских и мужских историй

Активность в социальном мире занимает значительное место в текстах, но в описаниях мужских историй тема профессии выражена более масштабно.

Анализ и обсуждение результатов

Резюмируя полученные результаты, можно сказать, что в начале семейной истории ее главным персонажем является мужчина. Но уже в поколении, рожденном в 1931—1960 гг., жизненный опыт и достижения как мужчин, так и женщин становятся равнозначимыми. В этот период преодолевается традиционный дисбаланс в пользу мужчины как основной фигуры семейной истории. В поколении, рожденном в интервале 1961—1990 гг., ее основным персонажем становится женщина с ее учебными, профессиональными и семейными достижениями. Эти данные отчасти соотносятся с результатами, полученными другими авторами, в том числе и зарубежными. Так, например, в некоторых современных исследованиях отмечается тенденция к увеличению виктимизации мужчин и уменьшению виктимизации женщин, к росту значения активности женщин вне семьи. При этом указывается, что существенное влияние на данные процессы оказывает снижение коллективизма и, как следствие, повышение индивидуализма [Archer, 2006].

На основе результатов, полученных внутри женской матрилинейной выборки, можно сказать, что материнская роль, которая в старшем поколении сводится к репродуктивной функции, уже в следующем поколении приобретает субъектные черты: указываются имена детей и особенности взаимоотношений с ними. В поколениях «бабушек» (1901—1930 гг.) и «матерей» (1931—1960) супружество изменяется от отношения патриархальной принадлежности мужу к более равноправному союзу. Социальная, внесемейная сфера активности женщины начинает доминировать над миром семейной жизни уже в поколении женщин, рожденных в 1931—1960 гг. Внутри матрилинейной выборки наблюдается неуклонная динамика снижения объемов текста с описанием семейных ролей и увеличения объемов текста с описанием учебных и профессиональных ролей. Эта тенденция с течением времени становится статистически достоверным фактом: профессиональная сфера — неотъемлемая часть жизни современной женщины в отличие от жизни ее прабабушки.

Вместе с тем сравнение содержания женских и мужских историй позволяет утверждать, что тексты о мужчинах по-прежнему включают больше слов об их учебных, профессиональных и карьерных достижениях и меньше — о семейных успехах. Таким образом, процесс преодоления гендерной асимметрии, изученный на генеалогическом материале, хотя и продолжается и способствует определенному сближению исполняемых ролей, однако не приводит к гендерному равноправию. Гендерное равноправие, понимаемое как равное представительство женщин и мужчин в социальном и семейном мирах, еще не достигнуто.

Близкие по смыслу результаты представлены в аналитическом обзоре Ю. С. Задворновой, сделанном на основе эмпирических исследований российской семьи в 1980—1990 гг. [Задворнова, 2011]. Снижению темпов процесса ролевого выравнивания могут способствовать и наметившиеся в отечественной политике признаки возврата к ценностям патриархального доминирования, звучащие в высказываниях политических деятелей, лидеров общественных организаций и представителей различных религиозных общин [Воронина, 2013]. Замедлению этого процесса также способствуют латентно и явно присутствующие в текстах федеральных программ убеждения в необходимости стимулирования

репродуктивной функции женщины через денежные выплаты за рождение детей на фоне сохраняющегося неравенства зарплат [Хасбулатова, 2011]. Подводя итог, следует отметить, что приверженность «доминаторной модели», отказ от «модели партнерства» [Eisler, 1995] и недостижимость полного гендерного равенства остаются характерными признаками социальных взаимоотношений между нашими соотечественниками, женщинами и мужчинами.

Библиографический список

- Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 360 с.
- Векилова С. А. Психометрические свойства метода многопоколенной семейной генограммы // *European Social Sciences Journal* = Европейский журнал социальных наук. 2013. № 1. С. 298 — 305.
- Воронина О. А. Политика гендерного равенства в современной России: проблемы и противоречия // *Женщина в российском обществе*. 2013. № 3. С. 12—20.
- Задворнова Ю. С. Тенденции трансформации гендерных отношений в семье в исследованиях отечественных социологов // *Женщина в российском обществе*. 2011. № 4. С. 95—100.
- Нартова Н. А. Материнство в современной западной социологической дискуссии // *Женщина в российском обществе*. 2016. № 3. С. 39—53.
- Пушкарева Н. Л. Историческая феминология, женская и гендерная история: итоги и перспективы // *Женщина в российском обществе*. 2002. № 2. С. 32—37.
- Сычева Н. С. Социальная политика в отношении материнства и детства на Дону в 20-е годы XX века: дис. ... канд. ист. наук. Новочеркасск, 2014. 224 с.
- Усков И. Ю. Отечественная генеалогия. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002. 112 с.
- Хасбулатова О. А. Реалии российской гендерной политики в XXI веке // *Женщина в российском обществе*. 2011. № 6. С. 4—12.
- Шуб М. Л. Современные коммеморативные практики: образовательный и воспитательный потенциал // *Челябинский гуманитарий*. 2016. № 3. С. 80—86.
- Archer J. Cross-cultural differences in physical aggression between partners: a social-role analysis // *Personality and Social Psychology Review*. 2006. Vol. 10, № 2. P. 133—153.
- Eisler R. T. *The Chalice and the Blade: Our History, Our Future*. New York: HarperSanFrancisco, 1995. 272 p.

References

- Archer, J. (2006) Cross-cultural differences in physical aggression between partners: a social-role analysis, *Personality and Social Psychology Review*, vol. 10, no. 2, pp. 133—153.
- Baranov, A. N. (2001) *Vvedenie v prikladnuiu lingvistiku* [Introduction to applied linguistics], Moscow: Editorial URSS.
- Eisler, R. T. (1995) *The Chalice and the Blade: Our History, Our Future*. New York: Harper-SanFrancisco.
- Khasbulatova, O. A. (2011) Realii rossijskoj gendernoj politiki v XXI veke [The realities of the Russian gender policy in the XXI century], *Zhenshchina v rossijskom obshchestve*, no. 6, pp. 4—12.

- Nartova, N. A. (2016) Materinstvo v sovremennoĭ zapadnoĭ sotsiologicheskoi diskussii [Motherhood in the contemporary western sociological debate], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 39—53.
- Pushkareva, N. L. (2002) Istoricheskaia feminologiya, zhenskaia i gendernaia istoriia: itogi i perspektivy [Historical feminology, women's and gender history: results and perspectives], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 32—37.
- Shub, M. L. (2016) Sovremennye kommemorativnye praktiki: obrazovatel'nyĭ i vospitatel'nyĭ potentsial [Modern commemorative practices: educational potential], *Cheliabinskiiĭ gumanitariĭ*, no. 3, pp. 80—86.
- Sycheva, N. S. (2014) *Sotsial'naia politika v otnoshenii materinstva i detstva na Donu v 20-e gody XX veka*: dis. ... kand. ist. nauk [Social policy on motherhood and childhood on the Don in the 20s of the XX century: Diss. (Cand. Sc.)], Novocherkassk.
- Uskov, I. Iu. (2002) *Otechestvennaia genealogiia* [Russian genealogy], Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
- Vekilova, S. A. (2013) Psikhometricheskie svoĭstva metoda mnogopokolennoi semeinoĭ genogrammy [Psychometric properties of the multigenerational family genogram method], *European Social Sciences Journal*, no. 1, pp. 298—305.
- Voronina, O. A. (2013) Politika gendernogo ravenstva v sovremennoĭ Rossii: problemy i protivorechiia [The policy of gender equality in modern Russia: problems and contradictions], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 12—20.
- Zadvornova, Iu. S. (2011) Tendentsii transformatsii gendernykh otnoshenii v sem'e v issledovaniakh otechestvennykh sotsiologov [Trends of the transformation of gender relations in the family in the studies of Russian sociologists], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 95—100.

Статья поступила 01.03.2018 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Векилова Севиль Афрасябовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии человека, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, vekilova@mail.ru (Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor at the Department of Human Psychology, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation).

Клецина Ирина Сергеевна — доктор психологических наук, профессор кафедры психологии человека, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, irinaklyotsina@mail.ru (Dr. Sc. (Psychology), Professor at the Department of Human Psychology, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation).

Семенова Галина Вячеславовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии человека, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, g-semenova@yandex.ru (Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor at the Department of Human Psychology, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation).

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ СОБЫТИЯХ

Woman in Russian Society
2018. No. 4. P. 151—154
DOI: 10.21064/WinRS.2018.4.14

Женщина в российском обществе
2018. № 4. С. 151—154
ББК 72.4ж
DOI: 10.21064/WinRS.2018.4.14

«СОХРАНЯЯ ТРАДИЦИИ, СТАТЬ СОВРЕМЕННЫМИ» (Третья Международная научная конференция в Махачкале, Республика Дагестан, 24—28 июня 2018 г.)

Н. Л. Пушкарева^a, М. Г. Котовская^a, Н. А. Мицюк^b

^a Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая,
Российская академия наук, г. Москва, Россия, pushkarev@mail.ru

^b Смоленская государственная медицинская академия, г. Смоленск, Россия

Продвижение норм гендерного равноправия и лучших мировых и национальных практик в республиках с доминирующей исламской традицией и нестабильной общественно-политической обстановкой — тема большого долгосрочного проекта, завершающегося в 2020 г. В его рамках была организована встреча антропологов, социологов, политологов в Махачкале (Республика Дагестан) в июне 2018-го.

Ключевые слова: Кавказ, гендер, женское движение, традиционная культура.

“PRESERVING TRADITIONS, STRIVE TO BECOME MODERN” (The Third International Scientific Conference in Makhachkala, Republic of Dagestan, June 24—28, 2018)

N. L. Pushkareva^a, M. G. Kotovskaya^a, N. A. Mitsyuk^b

^a N. N. Mikluho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, pushkarev@mail.ru

^b Smolensk State Medical Academy, Smolensk, Russian Federation

Promotion of gender equality norms as well as the best world and national practices in the republics with a dominant Islamic tradition and an unstable socio-political situation is the topic of a large long-term project ending in 2020. Within its framework, a meeting of anthropologists, sociologists, and political scientists was held in Makhachkala (Republic of Dagestan) in June 2018.

Key words: Caucasus, gender, women's movement, traditional culture.

© Пушкарева Н. Л., Котовская М. Г., Мицюк Н. А., 2018

Публикация подготовлена в рамках проекта РФФИ № 16-01-00136 и направления НИР Института этнологии и антропологии РАН «Гендерные системы и гендерные отношения в прошлом и настоящем».

Центр гендерной политики Республики Дагестан при содействии Администрации Главы РД и Правительства РД провел уже третью международную конференцию, собравшую историков и этнологов, социальных антропологов и социопсихологов, политологов, экономистов и демографов, а также руководителей женских некоммерческих организаций из России и сопредельных стран, журналистов тех изданий, которые освещают женскую тему. Финансовую помощь в проведении запланированной научной встречи оказал Фонд президентских грантов РФ (дагестанские ученые, сотрудничая с головными этнологическими учреждениями страны, уже не первый год реализуют проект «Продвижение норм гендерного равноправия и лучших мировых и национальных практик в республиках с доминирующей исламской традицией и нестабильной общественно-политической обстановкой»).

24—28 июня 2018 г. в Национальной библиотеке Республики Дагестан им. Р. Гамзатова в Махачкале собралось несколько десятков ученых, журналистов и общественных деятелей из обеих российских столиц — Москвы и Санкт-Петербурга, из Челябинска, Смоленска, вузов и НИИ Чечни, Каракалпакии, Азербайджана, Турции, Казахстана, Кыргызстана. Тема, объединившая их, — «Гендерные контракты, особенности гендерного равноправия и гендерные проблемы в сфере семейных отношений в традиционных культурах российского Кавказа». Целью встречи было обсуждение вопросов вовлечения женщин в политическую и общественную жизнь, роли женского фактора в снижении накала политической, межклановой и религиозной борьбы на Кавказе, поиск, выявление, обобщение и распространение лучших практик деятельности некоммерческих организаций, занимающихся гендерными проблемами в полиэтничных и поликонфессиональных обществах.

Многие участницы отмечали, что тема гендерного равноправия требует не столько описания женских проблем и сбора женских историй, сколько выявления и обнажения проблем дискриминации лиц женского пола как в приватной, так и в публичной сфере. С тревогой говорилось о том, что в XXI в. на Кавказе возродились адаты (своды правил поведения, традиций и этических норм), которые мало изменились даже под влиянием ислама и коммунистической идеологии советского времени. Некоторые из них являются повседневными практиками, калечащими женское тело, позволяющими сохраниться бытовому (и потому ненаказуемому) насилию, в том числе насилию в отношении женщин (девочек, девушек) со стороны женщин, старших по возрасту (что весьма характерно для традиционных обществ). Именно адаты директор организации Чечни «Женщины за развитие» Л. Б. Базаева призвала «выбрасывать в корзину как исторический мусор». С озабоченностью говорилось о примерах отсутствия возможности влиять на решения, регламентирующие положение жен, матерей и детей, которые принимаются на уровне государства. Между тем именно в Дагестане женщины составляют самую значительную часть среди владельцев малого и среднего бизнеса (27 %), а семьи в регионе имеют самую высокую для Российской Федерации детность: 3,5 ребенка на семью. Гендерный перекоп, сказала в своем докладе на пленарном заседании кандидат политических наук детский омбудсмен Дагестана М. Ю. Ежова, коренится не в праве и не в политике, а в традиции, этике, религиозном мировоззрении и для его элиминации нужна «конверсия

умственного строя». Этот подход был поддержан многими выступавшими, которые отмечали, что в постсоветскую эпоху отнюдь не политические препоны мешают войти в политику, а традиционные установки, связывающие социальную роль женщины прежде всего с заботой о доме и материнством. Так, директор Центра гендерной политики Дагестана Х. А. Омарова, инициатор созыва конференции и руководитель проекта по продвижению норм гендерного равенства в республике, в своем выступлении напомнила, что, по данным статистического управления 30-летней давности (1985 г.), количество женщин с высшим образованием на 1000 человек в Дагестане было самым высоким в СССР, но за последнюю четверть века в связи с известными социально-политическими трансформациями начался процесс стремительного цивилизационного дрейфа Кавказа от России, утраты общего ритма одной страны, изменения статуса женщин в регионе. Двух рабочих дней, сказала она, явно недостаточно для обсуждения всего того широкого круга новых вопросов, которые поставлены самим временем, в их числе и вопросы адаптации выходцев из кавказских республик к интеллектуальным и профессиональным сообществам столиц, проблемы квотирования мест для лиц женского пола на всех властных уровнях.

А. Ш. Алимжанова, М. Д. Шаймерденова (Казахстан) и Н. К. Берекеева (Узбекистан) в своих выступлениях также размышляли о плюсах и минусах системы квотирования, поскольку в некоторых государствах бывшего СССР она продолжает существовать в пропорции обязательных 30 % мест для женщин (правовая система их государств предполагает недопущение к управлению более 70 % лиц одного пола). О ряде преференций, которые предоставляются женщинам для вхождения в политику, сообщил в своем докладе и профессор исторического факультета Ближневосточного технологического университета в Анкаре О. Туран (Турция), обобщивший опыт женского движения в своей стране более чем за 100 лет и сопоставивший по этому критерию Турцию времен Ататюрка и современную Турцию времен Эрдогана.

Среди участниц научного форума было немало этнологов и социальных антропологов. С. В. Сиражугдинова, Н. Л. Пушкарева, Н. А. Мицюк, С. А. Анохина призвали обратить внимание на тот факт, что в регионах, где социальное самосознание женщин в большей степени определяют нормы шариата и лишь отчасти адатов (обычного права), руководители воспринимают правовые нормы, существовавшие во времена СССР, чуть ли не в качестве пережитка, от которого следует избавиться, и при этом закрывают глаза на стремительное распространение всех видов домашнего насилия, в том числе ритуальные изувращения. Все это уже почти вышло из-под юрисдикции современного государства, в котором религиозное воспитание формально отделено от школы и образования. Даже единичные примеры реактивации ритуалов, возникших в доисламское время, но взятых в оборот современными исламскими воспитателями, если эти ритуалы являются по сути калечащими операциями над беспомощными детскими телами, должны стать предметом обсуждений в экспертных сообществах и выработки программ систематической, ежедневной, целенаправленной работы среди женщин. Общей целью этой работы в данном регионе, говорилось на встрече, должно быть повышение женского социального самосознания, возвращение семейно-бытовых отношений в русло легального права.

Встречи, подобные состоявшейся, взвешенное обсуждение проблем гендерных асимметрий позволят усилить процессы демократизации общества, не вызывая в нем идеологического раскола. Подводя итоги работы, проделанной участниками дискуссионных площадок, можно выделить три основные цели, которые были ими сформулированы: 1) создать властную структуру в регионах Северо-Кавказского федерального округа, которая бы зонтично собрала и объединила общественные и административные ресурсы и направила деятельность на искоренение гендерных диспропорций; 2) избрать Дагестан пилотным локусом для реализации программ регионов с исламской традицией, приняв во внимание тот факт, что РД является самой полиэтничной и поликонфессиональной республикой РФ с устойчивыми традициями социального взаимодействия; 3) развернуть продуманную систему гендерного образования, основанную на выработанной совместно с научным экспертным сообществом, учеными и деятельницами гражданского общества программе распространения знаний о структуре прав женщин и возможностях их реализации в стране в целом и в регионе в частности.

Министерство по национальной политике Дагестана в лице Б. А. Махмудова, начальника отдела по работе с институтами гражданского общества, поблагодарило собравшихся за активное участие в проведении этого научного мероприятия с общественно-политическим звучанием, которое благодаря Л. Г. Алихановой, директору ГТРК «Дагестан», получило освещение в СМИ.

Статья поступила 22.07.2018 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Пушкарева Наталья Львовна — доктор исторических наук, профессор, заведующая сектором этногендерных исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Россия, pushkarev@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Head of Women and Gender Studies Department, N. N. Mikluho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Котовская Мария Григорьевна — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Россия, kotovskaya07@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Senior Research Fellow, N. N. Mikluho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Мицюк Наталья Александровна — доктор исторических наук, доцент кафедры философии, истории медицины и социальных наук, Смоленская государственная медицинская академия, г. Смоленск, Россия, ochlokratia@yandex.ru (Dr. Sc. (History), Associate Professor at the Department of Philosophy, History of Medicine and Social Sciences, Smolensk State Medical Academy, Smolensk, Russian Federation).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. К публикации принимаются статьи, рецензии, материалы круглых столов (рекомендуемый объем статьи 20—25 тыс. знаков, в исключительных случаях до 40—45 тыс. знаков; объем рецензии 10—15 тыс. знаков) в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14. При создании диаграмм и графиков необходимо использовать приложения Microsoft Graph и Microsoft Excel.

2. Материалы принимаются в электронном виде по адресу, указанному на сайте журнала (<http://www.womaninrussiansociety.ru>), а также по следующим адресам: gafizovanb@mail.ru, riabova2001@inbox.ru.

3. Комплект документов должен состоять из двух файлов, сохраненных в формате RTF:

1) собственно статьи (приводятся фамилия, инициалы автора, название статьи, текст, библиографический список). Приветствуется членение статей на смысловые части (разделы). Статьи, содержащие данные эмпирических исследований, должны включать разделы «Постановка задачи / выдвижение гипотезы», «Методы исследования», «Результаты исследования»;

2) приложения, в котором должны быть следующие составляющие:

- сведения об авторе / авторах (фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта);
- аннотация, отражающая основное содержание статьи (10—15 строк);
- ключевые слова (не более 10);
- фамилия, имя и отчество автора (или же только фамилия и имя) в транслитерации (в латинском алфавите). Следует пользоваться системой транслитерации, принятой Библиотекой Конгресса США. Правила перевода с кириллицы на латиницу см. на сайте журнала;
- название статьи на английском языке;
- аннотация статьи на английском языке. Она должна быть содержательнее и объемнее (до 0,5—1 страницы) аннотации на русском языке. Просим обеспечить квалифицированный перевод и приложить оригинал на русском языке, который был переведен (для удобства работы проверяющего переводчика);
- ключевые слова на английском языке;
- место работы, ученая степень и должность на английском языке.

4. Библиографический список к статье должен быть выполнен в двух вариантах.

В первом варианте («Библиографический список») библиографическое описание источников оформляется в соответствии с российскими ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В алфавитном порядке указываются только использованные в статье источники (сначала на русском языке, затем на иностранном). Пункты списка, в каждом из которых приводится одна работа, не нумеруются. Ссылки на список даются в тексте статьи в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, далее, через запятую, год издания работы и, после двоеточия, страница. Образцы оформления ссылок см. на сайте журнала.

Второй вариант списка использованной литературы («References») выполняется в латинском алфавите.

В References включаются: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; не включаются: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы.

Для русскоязычных источников (и других источников, изданных во всех алфавитах, кроме латинского) сначала приводится транслитерация названия, затем в квадратных скобках — его перевод на английский язык (в этих случаях транслитерируются и названия издательств). Если описание начинается со статьи или главы, то на английский язык переводятся их названия, а названия журналов и монографий, где они размещаются, только транслитерируются.

Названия работ, изданных на латинице, дублируются в двух списках. Порядок источников диктуется латинским алфавитом.

Образцы оформления см. на сайте журнала.

5. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ

Израелян Е. В., Капустова Е. И. Гендерная политика в современной Канаде	3
Шведова Н. А. Между коляской и ноутбуком: реализация политики гендерного равенства в США (<i>Начало. Окончание в следующем номере</i>)	15
Воевода Е. В., Морозов В. М., Карпов В. В. Женщины-дипломаты в России: к вопросу о гендерном дисбалансе	24
Рябова Т. Б. «Белое солнце Пальмиры»: маскулинность киногероев холодной войны в современной символической политике	36
Хасбулатова О. А. Технологии создания мифа о равноправии полов: советские практики	49
Смирнов Д. Г. Семиотика международных отношений: гендерное измерение (К постановке проблемы)	60

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ГЕНДЕРНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Григорьева Н. С., Чубарова Т. В. Уйти нельзя остаться: формирование жизненных стратегий женщин, сменивших STEM-профессии	71
Рязанцев С. В., Сивоплясова С. Ю., Ростовская Т. К., Бушкова Л. А. Брачная эмиграция женщин из России: масштабы, причины, особенности	85
Саралиева З. Х.-М., Захарова Л. Н., Леонова И. С. Социально-психологический возраст женского персонала как латентный феномен организационной жизни	100
Заварзина Ю. В. Гендерные отличия в восприятии территориального развития (На примере Иркутской области)	111
Базуева Е. В., Радионова М. В. Исследование взаимосвязи степени гендерного неравенства и уровня развития региональных социально-экономических систем	120

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

Кобозева З. М. Мещанка и паспорт: как женщины мещанского сословия преодолевали и использовали «паспортную зависимость»	132
Векилова С. А., Клецина И. С., Семенова Г. В. Профессиональные и семейные роли женщин в истории многопоколенной семьи	140

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ СОБЫТИЯХ

Пушкарева Н. Л., Котовская М. Г., Мицюк Н. А. «Сохраняя традиции, стать современными» (Третья Международная научная конференция в Махачкале, Республика Дагестан, 24—28 июня 2018 г.)	151
<i>Информация для авторов</i>	155

CONTENTS

POLITICAL SCIENCES

GENDER POLITOLOGY

Israelian E. V., Kapustova E. I. Gender policy in contemporary Canada	3
Shvedova N. A. Between the baby and laptop: implementation of gender equality policies in the USA (<i>To be continued in the next issue</i>)	15
Voevoda E. V., Morozov V. M., Karpov V. V. Women-diplomats in Russia: the case of gender disparity	24
Riabova T. B. “The white sun of Palmira”: the cold war cinematic masculinities in contemporary symbolic politics	36
Khasbulatova O. A. Technologies of gender equality myth creation: Soviet practices	49
Smirnov D. G. Semiotics of the international relations: gender dimension (Stating the problem)	60

SOCIAL SCIENCES

SOCIOLOGY OF GENDER

Grigorieva N. S., Chubarova T. V. To leave impossible to stay: life strategies of women who left stem-professions	71
Ryazantsev S. V., Sivoplyasova S. Yu., Rostovskaya T. K., Bushkova L. A. Marriage emigration of women from Russia: scale, reasons, features	85
Sarialieva Z. H.-M., Zakharova L. N., Leonova I. S. Social and psychological age of women’s staff as a latent phenomenon of organizational life	100
Zavarzina Iu. V. Gender differences in the reception of territorial development (The example of Irkutsk region)	111
Bazueva E. V., Radionova M. V. A study of the relationship between gender inequality and the level of regional socio-economic systems development	120

HISTORICAL SCIENCES

GENDER HISTORY

Kobozeva Z. M. Petty bourgeoisie and passport: how the women of the bourgeois class overcame and used “passport dependence”	132
Vekilova S. A., Kletsina I. S., Semenova G. V. Professional and family roles of females in the history of multigenerational family	140

INFORMATION ABOUT SCIENTIFIC EVENTS

Pushkareva N. L., Kotovskaya M. G., Mitsyuk N. A. “Preserving traditions, strive to become modern” (The Third International Scientific Conference in Makhachkala, Republic of Dagestan, June 24—28, 2018)	151
<i>Information for the authors</i>	155

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ
Российский научный журнал
№ 4 — 2018

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редакторы *О. В. Боронина, О. В. Батова*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 20.12.2018 г. Формат 70 x 108^{1/16}.
Печать плоская. Бумага писчая. Усл. печ. л. 13,8. Уч.-изд. л. 10,5. Тираж 100 экз.
Заказ № 170. Цена свободная

Адрес редакции (издателя):
153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Издательство «Ивановский государственный университет»
 (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru